

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1998 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3(63)

ЭКОНОМИКА ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Составитель выпуска –
Коровникова Н.А., канд. полит. наук

Учредитель:

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Редакция

Главный редактор: М.А. Положихина – канд. геогр. наук

Ответственный секретарь: Н.А. Коровникова – канд. полит. наук

Редакционная коллегия: М.Л. Горбунова – д-р экон. наук (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), Д.В. Ефременко – д-р полит. наук (НИУ ВШЭ), М.В. Клинова – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), Н.П. Кононкова – д-р экон. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), К.Б. Костин – д-р экон. наук, проф. (СПбГЭУ), Н.А. Макашева – д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), А.А. Мальцев – д-р экон. наук, (МГУ им. М.В. Ломоносова), Е.Н. Синдяшкина – канд. экон. наук (ИМЭМО РАН), С.Н. Смирнов – д-р экон. наук (ИНИОН РАН), О.В. Толстогузов – д-р экон. наук (Институт экономики КарНЦ РАН).

Редакционный совет: А.В. Кузнецов – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (ИНИОН РАН), – председатель, В.С. Автономов – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), А.С. Булатов – д-р экон. наук (МГИМО МИД России), М.Ю. Головин – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (ИЭ РАН), В.Б. Кондратьев – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), А.М. Либман – д-р экон. наук, проф., Свободный университет Берлина (Германия), К. Лиухто – д-р экон. наук, проф., директор Панъевропейского института (Финляндия), С.Ф. Сутырин – д-р экон. наук, проф. (СПбГУ), С.Л. Ткаченко – д-р экон. наук, проф. (СПбГУ), А.Н. Швецов – д-р экон. наук (ФИЦ ИУ РАН)..

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в перечень ВАК по специальностям 5.2.3 Отраслевая и региональная экономика и 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-78664 от 10 июля 2020 г.

DOI: 10.31249/espr/2025.03.00

ISSN 1998-1791

© ИНИОН РАН, 2025

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

ECONOMIC AND SOCIAL PROBLEMS OF RUSSIA

SCIENTIFIC JOURNAL

Published since 1998
4 issues per year

N 3(63)

ECONOMICS OF EDUCATION: SOCIO-DEMOGRAPHIC AND SCIENTIFIC-TECHNICAL ASPECTS

Issue editor –
N.A. Korovnikova, PhD (Polit. Sci.)

Founder

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Editorials

Editor-in-chief: M. Polozhikhina – PhD (Geogr. Sci.), INION RAN, Russia

Executive secretary: N. Korovnikova – PhD (Polit. Sci.), INION RAN, Russia

Editorial board: M. Gorbunova - DS_n in Econ. Sci (Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Russia), D. Efremenko – DS_n in Polit. Sci. (HSE, Russia), M. Klinova – DS_n in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), N. Kononkova – DS_n in Econ. Sci. (Lomonosov MSU, Russia), K. Kostin – DS_n in Econ. Sci. (UNECON, Russia), N. Makasheva – DS_n in Econ. Sci. (HSE, Russia), A. Maltsev – DS_n in Econ. Sci. (Lomonosov MSU, Russia), E. Sindyashkina – PhD (Econ. Sci.) (IMEMO, Russia), S. Smirnov – DS_n in Econ. Sci. (INION RAN, Russia), O. Tolstoguzov – DS_n in Econ. Sci. (IE KarRC RAS, Russia).

Editorial council: A. Kuznetsov – Cor.-Mem. of RAS, DS_n in Econ. Sci. (INION RAN, Russia), Chairmen, V. Avtonomov – Cor.-Mem. of RAS, DS_n in Econ. Sci. (HSE, Russia), A. Bulatov – DS_n in Econ. Sci. (MGIMO University, Russia), M. Golovnin – Cor.-Mem. of RAS, DS_n in Econ. Sci. (IE RAS, Russia), V. Kondratev – DS_n in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), A. Libman – DS_n in Econ. Sci. (FU Berlin, Germany), K. Liuhto – DS_n in Econ. Sci. (PEI of TSE, Finland), S. Sutyurin – DS_n in Econ. Sci. (SpbU, Russia), S. Tkachenko – DS_n in Econ. Sci. (SpbU, Russia), A. Shvetsov – DS_n in Econ. Sci. (FRC CSC RAS, Russia).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index.

It is included in the list of the Higher Attestation Commission for specialties 5.2.3 Sectoral and regional economy and 5.2.5 World economy (economic sciences).

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media, Registration Certificate: ПИ № ФС 77-78664.

DOI: 10.31249/espr/2025.03.00

ISSN 1998-1791

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	7
--------------------------	---

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ **Проблемы стран и регионов**

<i>Коровникова Н.А.</i> Кадровое обеспечение отечественной высшей школы: вчера и сегодня	12
<i>Чухарев А.В.</i> Экспорт услуг высшего образования Российской Федерации на современном этапе: инструменты, показатели, экономический эффект	36
<i>Бахлова О.В., Ершова В.Г.</i> Проекты и инициативы политических партий России и Белоруссии в сфере образования	57
<i>Рахмонов А.Х.</i> Особенности образовательной миграции из Таджикистана	75
<i>Юрасова И.О., Баукин Е.А., Орехов И.А.</i> Анализ моделей образования в сфере экономики: российский и американский опыт	92
<i>Бражалович Ф.Л.</i> Высшее образование в Турции: внутренний и внешний потенциал	109

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Андрианова Р.А.</i> Инклюзивное высшее образование в России: достижения, противоречия и ресурсы развития (Обзор)	132
<i>Бессчетнова О.В.</i> Социальный иммунитет молодежи Союзного государства / Рец. на книгу: Храмцова Ф.И., Ерофеева М.А. Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства	147

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Правдина О.А., Рассказова А.А.</i> Инновационный потенциал научного волонтерства (Обзор)	156
<i>Степнова О.В., Хажакян В.О., Михонов В.В.</i> Гибридные формы обучения: преимущества и возможности (на примере Ступинского филиала Московского авиационного института)	170

CONTENT

Introducing the issue	7
-----------------------------	---

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS Problems of countries and regions

<i>Korovnikova N.A.</i> Staffing of Russian higher education: yesterday and today	12
<i>Chukharev A.V.</i> Export of higher education services of the Russian Federation at the present stage: tools, indicators, economic effect	36
<i>Bakhlova O.V., Ershova V.G.</i> Projects and initiatives of political parties of Russia and Belarus in the field of education	57
<i>Rakhmonov A. Kh.</i> Features of Educational Migration from Tajikistan	75
<i>Yurasova I.O., Baukin E.A., Orekhov I.A.</i> Analysis of education models in the field of economics: Russian and American experience	92
<i>Brazhalovich F.L.</i> Higher Education in Turkey: Internal and External Potential	109

PROBLEMS OF SOCIO-DEMOGRAFIC DEVELOPMENT

<i>Andrianova R.A.</i> Inclusive higher education in Russia: achievements, contradictions and resources for development (Review).....	132
<i>Besschetnova O.V.</i> Social immunity of the youth of Russia and Belarus / The book review: Khramtsova F.I., Erofeeva M.A. Constructive potential of the youth of Russia and Belarus as a security factor of the union state	147

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND INNOVATIVE ECONOMY

<i>Pravdina O.A., Rasskazova A.A.</i> Innovative potential of scientific volunteerism (Review).....	156
<i>Stepnova O.V., Khazhakian V.O., Mikhonov V.V.</i> Hybrid forms of education: advantages and opportunities (The example of the Stupinsky branch of the Moscow Aviation Institute)	170

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В последнее время мировое сообщество сталкивается с новыми системными вызовами, возникающими на фоне глобальных экономических трансформаций вследствие геополитических сдвигов и конфликтов. Это неизбежным образом сказывается на состоянии и динамике развития всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и образовательной. Кроме того, ввиду стремительного развития информационно-коммуникационных технологий разные направления человеческой деятельности, включая систему образования, вовлечены в процессы цифровой трансформации. В связи с этим на первый план для всех мировых акторов выходят вопросы подготовки квалифицированных специалистов, способных справиться с запросами инновационной экономики и современного образования в условиях весьма турбулентной международной повестки. Очевидно, что в первую очередь, это относится к области высшего образования, которое является генератором знаний и инноваций, а также драйвером развития интеллектуальных ресурсов социума.

Находясь в самом эпицентре геополитической напряженности (с февраля 2022 г.), Российская Федерация занимает активную позицию по защите своих интересов. Естественным образом это отражается как в ее внешнеполитической стратегии, так и во внутренней (в т. ч. и образовательной) политике. В связи с чем российская система образования оказалась перед необходимостью кардинальных изменений, в значительной мере направленных на ревитализацию ее традиций и поиск новых партнеров (ввиду разрыва отношений со странами коллективного Запада).

Помимо проблем структурно-концептуального и международного характера, перед отечественной системой образования стоят и другие не менее значимые задачи, обусловленные как национальной спецификой, так и глобальными трендами. Для их решения имеет смысл обратиться к опыту успешных зарубежных образовательных стратегий и практик – с точки зрения их анализа и адаптации к потребностям и особенностям российского научно-образовательного комплекса.

Все это актуализирует исследования социально-экономических, демографических и научно-технологических аспектов функционирования современных образовательных систем, которым и посвящен настоящий выпуск научного журнала «Экономические и социальные проблемы России».

Первую рубрику номера **«Мировая экономика и международные отношения. Проблемы стран и регионов»** открывает статья *Н.А. Коровниковой*, в которой автор обращается к анализу досоветского, советского и постсоветского периодов эволюции отечественной высшей школы с точки зрения определения особенностей ее кадрового обеспечения. В результате проведенного исследования были выявлены две группы организационно-управленческих и социально-экономических факторов. Сделаны выводы об особой роли государства в этом процессе, неоднозначности зарубежного влияния, целесообразности оптимизации системы подготовки, а также необходимости укрепления социального престижа и поддержки достойного уровня материального положения кадрового (профессорско-преподавательского) состава российской высшей школы. Осмысление богатого опыта становления отечественной системы высшего образования может помочь разрешить текущие и предупредить будущие противоречия ее кадрового обеспечения. В свою очередь, это позволит ей занять достойное место в международном образовательном пространстве.

В продолжение темы развития современной российской высшей школы *А.В. Чухарев* освещает актуальную проблему экспорта отечественных образовательных услуг. Автор трактует его не только как инструмент «мягкой силы», способствующий популяризации отечественного образования за рубежом, но и как перспективную государственную инвестицию. *А.В. Чухарев* подробно анализирует правовые основания и инициативы исполнительной власти Российской Федерации в указанном направлении. Отдельного внимания заслуживают выводы, основанные на собственных расчетах автора, согласно которым во внешней торговле России услугами высшего образования наметились позитивные тенденции. Хотя планируемые в программных документах РФ показатели полностью не достигнуты. Однако это связано не с контрпродуктивностью предпринимаемых мер государственной поддержки и содействия образовательному экспорту, а с завышенным характером ожиданий от эффекта их реализации.

Достаточно очевидно, что дальнейшее наращивание экспорта услуг российской высшей школы, укрепление ее позиций в мировом образовательном пространстве во многом зависит от развития сотрудничества с дружественными для России странами и надежными партнерами, в т. ч. и в сфере образования. В первую очередь, речь идет о взаимодействии с Республикой Беларусь (в рамках Союзного государства) с точки зрения выработки эффективной и взаимовыгодной образовательной политики, учитывающей непростой международный контекст. Этому вопросу посвящена статья *О.В. Бахловой* и *В.Г. Еришовой*, в которой представлен анализ программных положений, затрагивающих образовательную сферу, российской партии «Единая Россия» и белорусской партии «Белая Русь», а также рассмотрены результаты деятельности их представителей в комиссиях Парламентского Собрания Союза Беларуси и России в области образования. Исследователи приходят к выводу, что пока состояние союзной нормативной

базы в вопросах образования не вполне отвечает вызовам времени. В то же время подчеркивают перспективность партийного взаимодействия в русле разработки совместных образовательных инициатив. Своевременная реализация последних, в свою очередь, не только будет способствовать наращиванию образовательного и научно-технологического потенциала союзных стран, но и обеспечит их инновационное развитие в перспективе.

Проблематика взаимодействия в постсоветском образовательном пространстве получила свое продолжение в работе *А.Х. Рахмонова*, в которой рассматривается проблема образовательной миграции из Таджикистана. Как свидетельствуют приведенные в статье статистические данные, российское образование до сих пор остается наиболее привлекательным для современной таджикской молодежи. Тем не менее появляются и другие направления. Автору удалось выявить как основные проблемы, так и факторы образовательной миграции. Представления о них помогают понять действующие тенденции, а также могут служить основой для формирования внутригосударственных программ и международной стратегии сотрудничества Таджикистана (в первую очередь, с Россией) в сфере образования.

Несмотря на разрыв связей (после 22 февраля 2022 г.) России с бывшими западными партнерами, наиболее продуктивным представляется подход, учитывающий достижения и опыт в области высшего образования разных стран мира, в т. ч. США. *И.О. Юрасова, Е.А. Баукин, И.А. Орехов* провели сравнительный анализ образовательных программ ведущих российских и американских вузов по направлению «Экономика» (Economics degree) уровня бакалавриата¹ (с использованием статистических методов). Полученные результаты свидетельствуют как о частичной схожести, так и о структурных различиях российских и американских курсов. Вузы США оказались больше ориентированы на общие дисциплины и экономику, тогда как вузы РФ – на финансы и математику/информатику. Обнаруженные расхождения авторы интерпретируют через призму аксиологических и исторических особенностей. Сделанные ими выводы о преимуществах сбалансированных образовательных программ позволяют оптимизировать учебный процесс в российских вузах и повысить их устойчивость по отношению к внешним шокам.

Наконец, в рубрике затрагивается опыт азиатских стран. Статья *Ф.Л. Бражаловича* посвящена проблемам и возможностям высшего образования в Турции. Анализ основных показателей турецкого высшего образования за последнее десятилетие в целом свидетельствует о позитивных тенденциях его развития. Отмечается растущий престиж турецких вузов на международной арене. Согласно приведенным в статье данным, доход от экспорта услуг турецкого образования становится сопоставимым с объе-

¹ В выборку исследования вошли шесть категорий дисциплин: математика и информатика, экономика, финансы, гуманитарные науки, естественные науки и прочие дисциплины.

мами экспорта некоторых видов промышленной продукции. При этом экспорт образовательных услуг рассматривается как эффективный инструмент «мягкой силы» во внешней и внутренней политике государства. В то же время сохраняются диспропорции между направлениями подготовки кадров высшей квалификации и потребностями турецкого рынка труда. Однако власти страны уделяют пристальное внимание решению этого вопроса. Поэтому в обозримой перспективе следует ожидать укрепления внутреннего и внешнего образовательного потенциала Турции.

В раздел **«Проблемы социально-демографического развития»** включены работы, затрагивающие социальные аспекты образования, которым до сих пор уделяется недостаточно внимания в рамках образовательного дискурса.

Р.А. Андрианова отмечает существенный прогресс последних лет в сфере развития образовательных возможностей в РФ для учащихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Об этом свидетельствует проведенный автором обзор соответствующих нормативных документов, государственных программ, результатов исследований отечественных специалистов. Основное достижение инклюзивного высшего образования в РФ заключается в формировании современной «безбарьерной» образовательной среды. Однако нерешенным остается целый корпус проблем, связанных с психолого-педагогическим сопровождением учебного процесса для лиц с ограничениями здоровья. В этой связи автор акцентирует значимость социально-педагогических, материально-технических и психологических ресурсов, необходимых для обеспечения инклюзивной доступности образовательной среды, воспитания инклюзивной культуры и соблюдения принципов инклюзии, исключающих любую дискриминацию учащихся с инвалидностью и ОВЗ.

В своей рецензии на книгу Ф.И. Храмцовой и М.А. Ерофеевой «Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства» *О.В. Бессчетнова* концептуализирует весьма важный с точки зрения личностного и профессионального становления молодежи термин «социального иммунитета». Автор рецензии отмечает фрагментарность исследований и отсутствие единого подхода к его трактовке. Вместе с тем заметно повышение внимания к укреплению социального иммунитета в странах – участницах Союзного государства под воздействием трех ключевых институтов: государства, культуры и, конечно, образования. В заключении *О.В. Бессчетнова* отмечает, что рецензируемая книга может служить драйвером для дальнейших исследований социального иммунитета, в т. ч. в сопряжении с возможностями современных образовательных систем.

Завершает номер рубрика **«Научно-технический прогресс и инновационная экономика»**. Вошедшая в нее работа *О.А. Правдиной и А.А. Расказовой* содержит ретроспективный обзор становления научного волонтерства, а также описание некоторых его аспектов применительно к текущим

реалиям. Авторы рассматривают возможности и перспективы развития научного волонтерства в современной России, для чего анализируют соответствующие инициативы и программы. Свои выводы они подкрепляют данными официальной статистики. По мнению авторов, интеграция научного волонтерства и образования позволяет аккумулировать интеллектуальные ресурсы страны и направить их на решение актуальных задач отечественного научно-образовательного комплекса.

В заключительной статье *О.В. Степновой, В.О. Хажакян и В.В. Михонова* рассмотрены преимущества и недостатки традиционных (офлайн), дистанционных (онлайн) и гибридных образовательных форматов. Для их оценки авторами было проведено анкетирование студентов Ступинского филиала Московского авиационного института. Значимость полученных результатов обусловлена тем, что они отражают мнения обучающихся, которые часто остаются «за рамками» тематических исследований. Исследователи приходят к выводу об эффективности гибридных образовательных моделей, сочетающих в себе функционал традиционных офлайн-практик и цифровых платформ. Кроме того, предлагаются примерные учебные планы, которые можно адаптировать к специфике региональных технических вузов.

Ограниченный объем издания не позволяет осветить все разнообразные факты и сюжеты из истории и современной практики «экономики образования» в России и за рубежом. Однако мы постарались охватить те экономические, социально-демографические и научно-технические аспекты высшего образования, анализ которых представляет не только теоретико-концептуальный, но и практический интерес для дальнейшего дискурса. Выражаем надежду на то, что материалы данного выпуска могут быть полезными как для будущих фундаментальных исследований в области экономики образования, так и для операционализации эффективных образовательных моделей в настоящем.

Н.А. Коровникова

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДН ЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы стран и регионов

УДК 378+37.08

DOI: 10.31249/espr/2025.03.01

Н.А. Коровникова*

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Аннотация. Уже на протяжении нескольких веков отечественная высшая школа является генератором интеллектуального капитала, катализатором инновационных преобразований и экономического развития страны. В свою очередь, эффективность ее функционирования непосредственно зависит от результатов деятельности педагогических кадров. В силу текущих научно-технических трансформаций и геоэкономических процессов проблема наращивания кадрового потенциала российской системы высшего образования приобретает особую значимость. В настоящей работе последовательно рассмотрены три периода эволюции отечественной высшей школы с целью определения основных организационно-управленческих и социально-экономических факторов ее кадрового обеспечения. В результате получены выводы, которые позволяют лучше понять традиции и текущие возможности решения кадрового вопроса вузов. В их числе: определяющая роль государства как источника финансирования и основного «заказчика» квалифицированных кадров; цикличность и неоднозначность зарубежного влияния; необходимость совершенствования механизма подготовки профессорско-преподавательского состава. Отмечена особая значимость факторов социального престижа и материального положения с точки зрения укрепления кадрового потенциала российской высшей школы.

* **Коровникова Наталья Александровна**, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, России); natalia.kor@list.ru

Korovnikova Natalia, PhD (Polit. Sci.), leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); natalia.kor@list.ru

Ключевые слова: высшая школа; кадровое обеспечение; профессорско-преподавательский состав; Россия.

Для цитирования: Коровникова Н.А. Кадровое обеспечение отечественной высшей школы: вчера и сегодня // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 12–35.

N.A. Korovnikova
Staffing of Russian higher education:
yesterday and today

Abstract. For several centuries Russian higher education has remained a generator of intellectual capital, a catalyst for innovative transformations and economic development of the country. In turn, the efficiency of its functioning directly depends on the results of the activities of its teaching staff. Due to the current scientific and technological transformations and geoeconomic processes, the problem of increasing the human resources potential of the Russian higher education system is of particular importance. In this regard, this paper consistently examines three stages of the evolution of Russian higher education in order to determine the fundamental organizational and socio-economic factors of its staffing. As a result, conclusions were obtained that allow us to better understand the traditions and current possibilities of solving the personnel issue of higher education. These include: the defining “role of the state” as a source of financing and the main “customer” of qualified personnel to meet the needs of the country; the cyclical nature and ambiguity of “foreign influence”; the need to improve the mechanism of teaching staff training. Notes the special significance of factors of social prestige and financial status from the point of view of strengthening the human resources potential of Russian higher education.

Key words: higher education; staffing; teaching staff; Russia.

For citation: Korovnikova N.A. Staffing of Russian higher education: yesterday and today // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 12–35.

Введение

В условиях беспрецедентных темпов научно-технических трансформаций и инновационных преобразований последних лет интеллектуальный капитал превратился в один из наиболее ценных ресурсов современного социума. Основной вклад в его формирование вносят структуры высшей школы (ВШ)¹, выполняющие функции генерации новых знаний и технологических инноваций, а также подготовки высококвалифицированных специалистов для удовлетворения потребностей общества и государства. Иными

¹ В данном случае термин «высшая школа» трактуется в широком смысле и относится ко всему спектру высших учебных заведений (институты, академии, университеты и пр.).

словами, ВШ, являясь катализатором развития интеллектуального капитала, служит драйвером роста экономики и общественного благосостояния. В свою очередь, эффективность функционирования ВШ непосредственно зависит от уровня ее собственного кадрового потенциала¹, что неизбежно актуализирует вопрос об определении ключевых факторов его обеспечения.

Все это относится и к отечественной ВШ, которая уже несколько веков остается «кузницей» интеллектуального капитала страны и безошибочным «барометром общества»². После февральских событий 2022 г.³ ее роль и значение неумолимо возрастают в свете геоэкономического противостояния со странами Запада и нарастающей конкуренции со стороны новых азиатских и евразийских партнеров. К тому же выход России из Болонского процесса в мае 2022 г. поставил отечественную ВШ перед необходимостью кардинальных внутренних преобразований с опорой на традиции российской системы высшего образования (ВО). Очевидно, что успешность решения ВШ РФ этой непростой задачи во многом зависит от профессионализма и результативности ее профессорско-преподавательского состава (ППС).

В данном ключе весьма полезным оказалось проанализировать, какие организационно-управленческие и социально-экономические аспекты детерминировали положение и условия труда ППС отечественной ВШ на протяжении всех периодов ее эволюции (досоветском, советском и постсоветском). В результате исследования удалось определить пять главных факторов, которые, не теряя своей актуальности, определяют специфику кадрового обеспечения российской системы ВО. В их число входят: роль государства, зарубежное влияние, система подготовки, социальный престиж и материальное положение. Ниже рассматриваются особенности различных периодов развития отечественной ВШ в проекции пяти перечисленных факторов ее кадрового обеспечения.

Досоветский период становления ВШ

Роль государства. В экспертной среде преобладает точка зрения, согласно которой отечественная ВШ (с момента своего генезиса) формировалась «полностью по воле государства», которое выступало в качестве «монопольного

¹ Фокус данной статьи сосредоточен на выявлении факторов, определяющих положение и условия деятельности профессорско-преподавательских кадров ВШ, в свете того, что именно педагог является системообразующим субъектом образовательного процесса. Хотя кадровый состав вузов помимо педагогического, включает административный, технический, хозяйственный, медицинский и пр. персонал.

² По емкому выражению Н.И. Пирогова: «Общество видно в университете, как в зеркале и в перспективе. Университет есть лучший барометр общества» (цит. по: [Федорова, 2018, с. 64]).

³ Речь идет о начале Специальной военной операции (СВО) на Украине 24 февраля 2022 г., которая стала отправной точкой для существенных геоэкономических сдвигов, затронувших все сферы жизнедеятельности российского социума, включая высшее образование.

заказчика и основателя» отечественной системы просвещения [Гуркина, 2023, с. 103; Князев, 2025]. Формально исходным для развития досоветской ВШ событием принято считать открытие Славяно-греко-латинского училища (академии) (1685)¹, деятельность которого была направлена на кадровое обеспечение «высшего духовенства и государственных чиновников»² [Гуркина, 2023, с. 103]. Однако Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич обосновывают тот факт, что базисом отечественной ВШ стал «государственный проект формирования Академии наук и первого университета»³, «основным и единственным... драйвером и поставщиком» которого было государство [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 26, 28].

В то же время, несмотря на внушительный вес государственной власти в досоветской системе ВО, было бы некорректно редуцировать «роль государства» до «прямолинейного организационно-управленческого процесса» [Князев, 2025], поскольку степень государственного влияния и контроля «варьировалась в зависимости от общего политического и социального контекста развития страны» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 26]. Эволюцию «монархической» ВШ скорее можно представить в виде модели «амбидентных» (сменяющих друг друга) «реконструкций»: реформ, направленных на «децентрализацию» и «автономность» ВШ и контрреформ, целью которых было построение «авторитарной, формальной, централизованной системы» ВО⁴ [Князев, 2025]. Эти «реконструкции» нашли свое отражение в «типовых общеуниверситетских уставах» 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., которые определяли правовое положение и условия деятельности преподавателей императорских университетов⁵, формировавших ядро «монархической»

¹ Хотя в профессиональной среде так и не сложилось единого мнения относительно времени возникновения отечественной ВШ. Так, некоторые исследователи в качестве самостоятельного этапа выделяют «предысторию» ВШ (с XI в.), однако данный подход подвергается критике по целому ряду спорных пунктов (более подробно см.: [Мамяченков, 2018, с. 247–248]).

² Следует отметить, что вплоть до образования Академии наук именно образовательные институты при Церкви готовили «не только священнослужителей, но и специалистов для разных сфер деятельности», в т.ч. «управленческую элиту» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 29].

³ Академия наук с университетом и гимназией в Петербурге (1725) и Московский университет (1755) были открыты под патронажем первых лиц Российской империи (императора Петра I и императрицы Екатерины II, соответственно) [Гуркина, 2023, с. 103].

⁴ Так, государственное влияние снижалось в 1800-е (либеральный период институционального становления ВШ при Александре I) и 1860-е гг. (рост автономии ВШ в вопросах внутреннего управления; открытый доступ для всех социальных слоев; меры по повышению привлекательности преподавательской работы при Александре II), но возрастало в 1830-е (попытки придать ВШ административно-бюрократическую форму; главная функция ВШ – подготовка кадров для госслужбы; переход к модели «национального университета» под государственным контролем при Николае I) и 1880-е гг. («идея университета как стандартизованного государственного учреждения с преподавателями – государственными чиновниками» при Александре III) [Князев, 2025; Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 34, 37–39].

⁵ В 1917 г. функционировало 11 императорских университетов [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 50], общую информацию о которых см. [Императорские университеты ... , 2025].

ВШ. Важным с точки зрения роли государства в кадровом обеспечении ВШ представляется тот факт, что, согласно Уставам, пребывание в должности профессора российского императорского университета «по законодательству трактовалось как вид государственной службы», в связи с чем устанавливался срок службы (25 лет), материальное содержание и пенсионное обеспечение¹ [Хохлов, 2024, с. 25–26].

Государство изначально также являлось основным источником финансирования ВШ², причем госрасходы на образование постепенно возрастали (в 4,5 раза за 1866–1915 гг.). Хотя следует признать, что они составляли весьма небольшую долю от совокупных государственных расходов (варьировались в промежутке 0,2–0,5% за рассматриваемый период) [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 41–42].

В целом можно констатировать, что на протяжении всего досоветского периода государство оказывало существенное влияние на кадровую политику ВШ (посредством контроля за ее материальным обеспечением, содержанием образовательных программ, процессов и пр.). Последняя, в свою очередь, служила основным источником образованных кадров для государственной службы³.

Зарубежное влияние. Существенное иностранное (в основном немецкое) влияние, особенно выраженное на начальных этапах становления досоветской системы ВО, во многом было предопределено временным фактором. Первые университеты в Европе начали активно формироваться уже в XI–XII вв.⁴, то есть более чем на пять столетий ранее генезиса отечественной ВШ⁵.

¹ Уставы 1835, 1863 и 1884 гг. содержали «социальные гарантии и основные компоненты пенсионного обеспечения профессоров и всех лиц, имеющих отношение к императорским университетам» (более подробно см.: [Жуков, 2016, с. 176–178]).

² Вопрос о финансировании ППС встал довольно остро уже на начальных этапах становления отечественной системы ВО. Так, в 1765 г. московская профессура объясняла императрице Екатерине II «неудачи» университета «недостатком средств», который не позволял «заполнить пустовавшие кафедры» [Гуркина, 2023, с. 103].

³ Следует уточнить, что уже с середины XIX в. начинает постепенно формироваться «частный сектор с общественными и коммерческими учебными заведениями», что было обусловлено растущими потребностями отечественной индустрии. Так, накануне революции 1917 г. в систему ВШ входило 124 вуза, из которых 59 относились к негосударственному сектору образования [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 42], развитие которого заслуживает отдельного внимания в ходе дальнейших исследований досоветской ВШ.

⁴ Символичным с точки зрения популярности Болонской системы (в т.ч. на определенном этапе развития постсоветской ВШ) представляется тот факт, что первым университетом в Европе стал как раз-таки Болонский университет, открытие которого в 1088 г. может расцениваться в качестве «старта» дальнейшей институционализации европейской ВШ [Шеховцов, Шеховцова, 2013].

⁵ Единая система национального ВО (сеть высших учебных заведений) во главе с Министерством народного просвещения (учреждено в 1802 г.) были сформированы и того позднее – лишь в начале XIX в. [Гуркина, 2023, с. 104].

Упомянутый выше проект Академии наук также был «реализован на фоне негосударственных инициатив и импорта образовательных идей из Восточной и Западной Европы» (хотя впоследствии все же «вытеснил их») и «с точки зрения человеческих ресурсов» являлся «следствием институционального импорта» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 26, 29].

Фактически на протяжении всего досоветского периода проблема кадрового дефицита в ВШ обычно решалась за счет приглашения иностранной профессуры¹, а «зарубежная научная командировка» оставалась «важнейшей составляющей подготовки научно-преподавательских кадров» [Князев, 2025]. По емкому выражению О.В. Калашниковой, «Россия училась делу образования у Запада» [Калашникова, 2013, с. 60].

Система подготовки. Становление отечественной системы подготовки кадров для досоветской ВШ тормозили причины, не потерявшие отчасти и сегодня своей актуальности. По словам П. Н. Милюкова, в их числе: отсутствие «правильно организованной средней школы», низкая «потребность в высшем образовании» в российском обществе и ориентация ВО на нужды «правительства лишь для целей государственной службы» (цит. по: [Гуркина, 2023, с. 103]). Сказывались также неурегулированность вопроса о присуждении научных степеней и неотлаженность единой научно-аттестационной системы [Князев, 2025; Гуркина, 2023, с. 105].

Однако уже после 60-х годов XVIII в. специальная подготовка ППС ВШ начала проводиться на базе самих университетов, которые формировали свой профессорский корпус на основе отбора наиболее способных выпускников. Иными словами, кадровое обеспечение ВШ осуществлялось во многом за счет «академического инбридинга»². Только в начале XIX в. в Российской империи появляются профильные образовательные учреждения по подготовке педагогических кадров³.

Заметным достижением к началу XX в. стала модель профессиональной подготовки, разработанная Петербургской педагогической академией (1908) и Московским педагогическим институтом им. П. Г. Ше-

¹ Значение иностранной профессуры для кадрового обеспечения досоветской ВШ (в основном на начальной стадии ее становления) наглядно иллюстрируют следующие факты, приведенные в статье А.М. Феофанова: «в 1755 году из намеченных в новом университете 10 профессорских кафедр отечественный преподаватель занял лишь одну – им стал ученик Ломоносова Николай Поповский, тогда как остальные предназначались иностранцам»; а спустя почти полвека (в 1804 г.) из 28 профессорских кафедр Московского университета половину опять же планировалось укомплектовать за счет «вызванной» профессуры [Феофанов, 2011].

² Например, накануне революции 1917 г. в Санкт-Петербургском университете порядка 65% ординарных профессоров начинали свою карьеру в нем же [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 48].

³ Важным событием в этом отношении стало открытие в 1804 г. Петербургского педагогического института, который впоследствии был преобразован в Главный педагогический институт (1816), а затем в Санкт-Петербургский университет (1819) [Князев, 2025].

лапутина (1911), которая заключалась в следующем: «прикрепление в вузе к профессору с целью получения специальной подготовки; командировка в другой вуз России с целью знакомства и изучения опыта коллег для подготовки к преподавательской должности; командировка в один из ведущих вузов за рубежом для изучения опыта преподавания» [Калашникова, 2013, с. 63]. Наконец, в дореволюционной России были заложены основы системы аттестации и повышения квалификации ППС ВШ, которые предполагали научно-практическую, психологическую и морально-аксиологическую подготовку педагогических кадров наряду с соблюдением двух ключевых требований: знания «своих дисциплин», а также способности «к лекторскому, ораторскому мастерству» [Калашникова, 2013, с. 64].

Социальный престиж. Формирование «интеллектуального сословия» началось уже в период правления Александра I, когда оно было институционализировано в Уставе университетов 1804 г. [Князев, 2025]. Со второй половины XIX в. социальный статус ученых и профессуры заметно повысился. Они начали оформляться в самостоятельную страту, «осознающую и отстаивающую свои профессиональные права»¹.

Хотя исследователи отмечают, что в дореволюционной ВШ социальное положение преподавателей существенно дифференцировалось в соответствии с «различной ведомственной принадлежностью» вузов [Гуркина, 2023, с. 101]. Тем не менее их высокий статус подтверждался местом в Табеле о рангах. Например, должность экстраординарного профессора соответствовала по чину полковнику и коллежскому советнику (VI класс); декана, ординарного профессора – статскому советнику (V класс), должность ректоров – чинам действительного статского советника и генерал-майора (IV класс) (приведено по: [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 36]).

Преподавательское сообщество ВШ в предреволюционный период более чем на 50% было сформировано выходцами из дворянской среды (хотя и несостоятельной). Это еще раз свидетельствует о престижности профессорско-преподавательской деятельности, возможности таким образом «построить карьеру» и получить «привилегированное положение в обществе» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 47].

Материальное положение. Материальное положение преподавателей ВШ, как и социальный статус, варьировалось в зависимости от ведомственной направленности вузов, которые находились под патронажем не только Министерства народного просвещения, но и Святейшего синода, Министерств торговли и промышленности, внутренних дел, земледелия и пр., каждое из которых курировало финансирование учебных заведений своего профиля [Гуркина, 2023, с. 105]. Помимо этого, оплата труда в до-

¹ Так, в 1905 г. был создан либеральный Академический союз, в который вошли 1800 преподавателей 39 вузов, впоследствии (почти в полном составе) вступившие в конституционно-демократическую партию [Гуркина, 2023, с. 105].

советской ВШ была детерминирована такими показателями, как статус¹, стаж² и система гонораров³. Причем последняя наряду с заметным ростом численности студентов⁴ способствовала зарождению таких (по сей день весьма острых) проблем развития ВШ, как совместительство и кадровый дефицит⁵.

Несмотря на дифференциацию материального положения преподавателей дореволюционной ВШ, следует отметить весьма достойное содержание профессуры⁶. Зарплата последней в среднем была выше оплаты труда рабочего: 1730–1740-е гг. – в 22 раза; в 1804 г. – в 25; в 1835 г. – в 45; в 1863 г. – в 15; в 1890 г. – в 18, а в 1912 г. – в 17 раз, достигнув суммы 3 тыс. руб. [Шипилов, 2003, с. 37; Жуков, 2016, с. 179].

Таким образом, можно констатировать, что накануне революции 1917 г. в Российской империи сформировались фундаментальные основы и традиции функционирования ВШ, а также механизмы ее кадрового обеспечения. Однако все они подверглись системным трансформациям в русле государственной политики СССР.

Опыт советской ВШ

Роль государства. На протяжении советского периода эволюции отечественной ВШ можно выделить несколько стадий – в зависимости от флуктуаций социально-экономического и политического

¹ Если заработок профессуры «вполне соответствовал уровню и образу жизни среднего горожанина», то доходы приват-доцентов «не всегда отвечали потребностям человека, который должен был содержать семью» [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 47] и были даже ниже, чем у преподавателей гимназий [Гуркина, 2023, с. 106].

² Очевидно, что достаток прямо коррелировал со стажем педагогических кадров. В этом отношении интересно отметить весьма «возрастной» характер досоветской профессуры, средний возраст которой составлял 52 года (при средней продолжительности жизни мужчин менее 30 лет) [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 44], что также указывает на приличное материальное положение значительной части ППС ВШ.

³ Уставом 1884 г. была введена гонорарная система, которая предполагала выплаты в зависимости от количества студентов на курсе.

⁴ По некоторым данным, численность студентов с 1898/99 по 1913/14 уч. г. увеличилась на 320%, тогда как рост численности преподавательского состава составил всего 80% [Кузьминов, Юдкевич, 2021, с. 49].

⁵ В 1913–1914 гг. при общей численности преподавателей университетов около 4,5 тыс., 655 человек были внештатными приват-доцентами, а 34,5% штатных мест в вузах оставались вакантными [Гуркина, 2023, с. 104].

⁶ Иллюстративным с точки зрения материального положения профессуры в предреволюционной России представляется следующий пример: «Профессор мог позволить себе... питаться, к примеру, в ресторане “Прага” в Москве, где комплексный обед стоил 1 руб. 25 коп. За эту сумму 13 сентября 1912 г. ему бы предложили: консоме, пирожки, биск раковый, расстегайки, телятину “Букетьер”, жаркое из рябчиков, салат, меренги-гляссе и кофе» [Кудинов, 2014, с. 85].

контекста¹. Однако их объединяет то обстоятельство, что на каждой из них влияние государства было, по сути, безоговорочным во всех аспектах, в т.ч. и в решении кадровых вопросов ВШ². В 1921 г. был принят Устав ВШ³, который фактически ликвидировал ее автономию, система ВО была полностью подчинена советскому правительству⁴. Это, в свою очередь, неизбежно отразилось как на образовательных программах ВШ (в число обязательных вошли «марксистские дисциплины» наряду с закрытием некоторых гуманитарных кафедр и факультетов [Гуркина, 2023, с. 106]), так и на кадровом составе ВШ, положение и условия деятельности которого строго регламентировались нормативными документами советского образовательного права⁵.

В то же время следует подчеркнуть, что развитие ВШ вошло в число приоритетных направлений государственной политики уже на начальных этапах становления советской власти. Об этом свидетельствует размер бюджета ВО на 1927/28 уч. г., который достиг 93,1 млн руб. Причем на оплату труда ППС и «обслуживающего персонала» было выделено 40,4 млн руб. [Писанова, 2014, с. 76]. В целом за 1928–1940 гг. объем государственных ассигнований на ВШ увеличился в 28 раз [Писанова, 2014, с. 77]. На стадии послевоенного восстановления рост общих расходов на просвещение продолжился (с 56,9 млрд руб. в 1950 г. до 68,9 млрд руб. в 1955 г.) [Государственный бюджет СССР... , 2025], что положительным образом сказывалось на развитии ВШ⁶. Сохранилась эта тенденция и на позднесоветской стадии: расходы на образо-

¹ В качестве рабочего варианта (в т.ч. для будущих исследований) автор предлагает следующий подход к периодизации советского этапа: ранняя (постреволюционная, 1917 - к.1920-х гг.), мобилизационная (1930-1940-х гг.), послевоенная (восстановительная, 1950-1960-е гг.) и позднесоветская (предперестроечная, 1970-1980-е гг.) стадии.

² Хотя некоторые исследователи отмечают фрагментарные проявления автономии советских вузов. Например, на раннем этапе развития советской ВШ в 1922 г. было принято «Положение о высших учебных заведениях» (дополнялось в 1925 г. и в 1928 г.), содержащее основы управления советской ВШ, в котором были заметно расширены права ППС [Гуркина, 2023, с. 106].

³ Положение о высших учебных заведениях РСФСР от 2 сентября 1921 г. СНК РСФСР за подписью В.И. Ленина утвердил это «Положение...» как первый устав советской высшей школы [Ильченко, 2025].

⁴ Советская ВШ первоначально оказалась в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР (1917-1946); позднее управление ВШ осуществляли Всесоюзный комитет по высшей технической школе (1932) и Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (1936-1946). Наконец, управление ВШ было передано под контроль Министерства высшего и среднего специального образования СССР (1946–1988).

⁵ Более подробно анализ источников образовательного права в СССР см.: [Кожевина, 2017; Левченко, 2022].

⁶ Необходимо также отметить, что уже в Конституции 1936 г. был введен принцип бесплатности высшего образования в СССР (в Российской империи высшее образование было платным). Однако реально бесплатным для советских граждан высшее образование стало с 1956 г.

вание (в абсолютной величине) за период 1970–1988 гг. возросли на 26,9 млрд руб. (с 19,8 млрд руб. до 46,7 млрд руб.), или на 235%. Тогда как количество вузов за этот же период увеличилось всего на 10% (с 457 до 507) [Вахитов, 2014]¹. В свою очередь, это указывает на то, что целью образовательной политики государства были не количественные показатели ВО, а качество подготовки квалифицированных специалистов [Вахитов, 2014].

Хотя советскую ВШ считают чрезмерно политизированной, все же нельзя отрицать тот факт, что в результате целенаправленной государственной политики уже в 1930–1940-е гг. была сформирована система ВО, получившая впоследствии всемирное признание². Центральным элементом этой системы являлись ее педагогические кадры.

Зарубежное влияние. Следует признать, что на «ранней» и «мобилизационной» стадиях в советской ВШ предпринимались попытки как использовать заимствованные на Западе образовательные практики и методы³, так и компенсировать нехватку собственных квалифицированных кадров (особенно в годы индустриализации) за счет приглашения иностранных специалистов, получавших «высокую заработную плату (до 1932 г. с обязательной валютной частью) по типовым и индивидуальным трудовым соглашениям» [Долгова, 2025, с. 126].

Однако основным контингент ППС ВШ СССР составляли отечественные специалисты, подготовка и деятельность которых протекали в контексте становления советской образовательной системы, отличной от западной по целому ряду критериев, в их числе [Вахитов, 2014; Рубцов, 2023, с. 70–71]: полное государственное обеспечение, нивелировавшее необходимость поиска источников внешнего финансирования и высокая доля госрасходов на образование (см. выше); ориентация на внутренние стандарты и «знаниевый» подход, подразумевавший обучение студентов «алгоритму применения знания»⁴; всеобщий равный доступ к бесплатному ВО; акцент на фундаментальные исследования и мощная теоретическая база; строгий порядок и структурированность образовательных процессов, отсутствие проблемы

¹ Следует оговориться, что представленные данные отражают общие тенденции по стране, хотя при более детальном изучении можно обнаружить их дифференциацию на республиканском и областном уровнях.

² Эффективность советской системы ВО доказала не только востребованность советских специалистов на Западе («утечка мозгов») в ранний постперестроечный период, но и официальные данные западной статистики: ЮНЕСКО в 1991 г. ставило советское высшее образование на 3-е место в мире [Вахитов, 2014].

³ В т.ч. бригадно-лабораторный, «малых групп», проектов и пр., которые однако довольно скоро показали свою неэффективность в советских реалиях [Гуркина, 2023, с. 107].

⁴ Сравнение преимуществ и недостатков «знаниевого» и «компетентностного» подходов, а также возможности их адаптации к стандартам современной российской ВШ относится к числу дискуссионных вопросов (см. например: [Матушанский, Завада, 2008, с. 30; Рубцов, 2023, с. 70–71]) и требует более тщательного анализа в ходе дальнейших исследований в русле педагогики, социологии, психологии, экономики и пр.

«принудительной» ротации и, как следствие, стабильность профессорско-преподавательской деятельности.

Система подготовки. На стадии становления советской ВШ вопрос подготовки педагогических кадров «стал сродни проблеме создания «нового советского человека». Поэтому «педагогические вузы, открывавшиеся в Советской России в первые годы советской власти, быстро стали важной частью системы ВШ» и «одним из самых массовых типов высших учебных заведений», хотя они и «проигрывали по престижности техническим или медицинским высшим школам» [Бушуева, Бушуев, 2023, с. 13]. Помимо профильных учреждений в 1917–1938 гг. функционировал Институт красной профессуры (ИКП), также готовивший кадры для преподавания общественных наук в вузах¹.

Однако профессиональная квалификация ППС советской ВШ оставалась на весьма низком уровне вплоть до начала 1930-х годов, что неизбежно вызывало серьезную обеспокоенность у советского руководства. Так, в постановлении от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» уровень подготовки в ВШ был признан «неудовлетворительным». В числе причин отмечались необеспеченность вузов квалифицированными научно-педагогическими кадрами и отсутствие качественных учебно-методических материалов [Гуркина, 2023, с. 108]. Поэтому значительное внимание в постановлениях 1930–1940-х годов уделялось совершенствованию и переработке учебных планов, разработке новых программ и учебной литературы, усилению общетеоретической подготовки специалистов.

Важным событием как для развития советской системы ВО в целом, так и для наращивания ее кадрового потенциала в частности, стало создание в 1925 г. аспирантуры (очной и заочной), которая признавалась «основной формой подготовки профессорско-преподавательских и научных кадров». В ряду преимуществ советской аспирантуры следует отметить: понятный порядок зачисления и учебной подготовки аспирантов, четкая формулировка их прав (в т. ч. обеспечение государственной стипендией на 3-летний период обучения) и обязанностей. Помимо этого, были «введены индивидуальные планы научно-исследовательской работы для каждого сотрудника кафедр, а руководству предписывалось создать все условия для систематического повышения научной квалификации работников» [Гуркина, 2023, с. 108]. Уже в 1938 г. в аспирантуре 288 вузов и 267 научно-исследовательских институтов обучались 13 тыс. аспирантов» [Гуркина, 2023, с. 108].

В ходе эволюции советской аспирантуры сформировался получивший всемирное признание механизм ее функционирования, состоящий из последовательных организационных форм послевузовской подготовки²:

¹ Более подробно анализ ИКП как «государственного проекта по обновлению научно-педагогической сферы» см.: [Долгова, 2020].

² Хотя сам вопрос о согласованности вузовской и послевузовской подготовки кадров ВШ не был формализован до 1987 г., когда система послевузовской подготовки стала считаться неотъемлемой частью единой системы непрерывного образования [Матушанский, Завада, 2008, с. 27].

институтов стажеров-исследователей; очного и заочного соискательства; докторантуры и перевода кандидатов наук на должность научных сотрудников [Матушанский, Завада, 2008, с. 29]. Очевидно, что опыт советской аспирантуры востребован и сегодня. Его адаптация к текущим весьма турбулентным условиям функционирования российской ВШ позволит возродить лучшие отечественные традиции и укрепить ее позиции в международном образовательном пространстве.

Социальный престиж. На ранней стадии советского периода статус ППС ВШ был заметно подорван вследствие ряда реформ, начавшихся с 1918 г. В результате в вузы стали принимать без экзаменов и даже без предоставления документа о среднем образовании. Была создана так называемая «пожарная лестница в вузы» для рабочих («рабфаки»), а также отменены ученые степени (степень доктора восстановлена только в 1926 г.) [Гуркина, 2023, с. 106]. Все это негативно сказалось на уровне кадрового потенциала советской ВШ. В связи с чем в 1927–1929 гг. была поставлена задача разработки механизма «планомерной подготовки будущих кадров профессуры и аспирантов» (см. выше) [Калашникова, 2013, с. 65].

Уже к началу мобилизационной стадии (началу 1930-х годов) этот негативный тренд был приостановлен¹. В 1940-е годы привилегированное положение и образ «здоровой зажиточности и бытового изобилия», подчеркивающий особый статус ППС ВШ, лег в основу мифологемы «заслуженной награды», «транслируемой в кинематографе и художественной литературе тех лет»² [Долгова, 2025, с. 128].

В течение следующих стадий советского периода³ отношение в обществе к преподавателям и ученым оставалось исключительно уважительным, вплоть до старта реформ конца 1980-х годов. Педагог ВШ воспринимался как «авторитетный ученый, носитель знаний, еще недоступных для большинства... обладающий высочайшим социальным статусом» [Гуркина, 2023, с. 110, 104], который был подкреплён достойными условиями труда, социальными гарантиями и материальным достатком.

Материальное положение. На протяжении двух начальных стадий развития советской ВШ (вплоть до 1937/38 уч. г.) сохранялась относитель-

¹ При этом численность преподавателей за период 1927/28–1930/31 уч. гг. трехкратно возросла (с 18 тыс. до 47 тыс. человек, соответственно) [Гуркина, 2023, с. 107]).

² Например, в фильмах «Сердца четырех» (премьера 1945 г.); «Весна» (1947), «Суд чести» (1948) и др.

³ Во многом социальный престиж научно-педагогических работников был обусловлен особым отношением к ним со стороны советского руководства. Наглядным примером может служить тот факт, что академиком Академии наук СССР любой член Политбюро (не говоря уже о нижестоящих руководителях госорганов) был обязан принимать без промедлений в течение одной недели [Жуков, 2016, с. 179].

но низкая почасовая оплата труда педагогических кадров¹. Хотя уже тогда наметилась тенденция по улучшению их материального положения. Так, в 1927 г. зарплата профессора составляла в среднем 200 червонных руб. (по сравнению с 182 руб. в 1925 г.), что однако соответствовало лишь «45% до-революционного уровня» [Долгова, 2025, с. 124]

Решением этой проблемы стал переход к штатно-окладной системе оплаты труда ППС (согласно постановлению СНК СССР от 11.11.1937), которая устанавливала месячные оклады, сумма которых варьировалась от 500 руб. до 1500 руб.²

На восстановительной стадии зарплаты работников просвещения (всех уровней) продолжали постепенно расти. Если в предвоенный 1940 г. их среднемесячная денежная зарплата составляла 337 руб., то в 1955 г. ее размер достиг 742 руб. (что соответствовало динамике средней зарплаты в целом по народному хозяйству – 339 и 711 руб., соответственно) [Средние зарплаты ... , 2011]. Причем материальное положение ППС ВШ в эти годы укреплялось не только за счет повышения окладов и их дифференциации «в соответствии с ученой степенью, а также... административной позицией»; но и за счет дополнительного «снабжения... промышленными и продовольственными товарами» (согласно постановлению СНК СССР от 06.03.1946), а также благодаря введению «дополнительных гарантий пенсионного обеспечения»³ [Долгова, 2025, с. 128, 133].

В период «оттепели» был инициирован процесс «упорядочения» заработной платы ППС (за счет отмены ряда надбавок «за отдаленность», понижающих коэффициентов за уровень ученой степени и научной результативности и пр. – подробнее см.: [Долгова, 2025, с. 130–131])⁴. На поздне-

¹ Нормы, установленные для ППС ВШ, определялись Положением об оплате труда служащих по учено-учебной части в ученых и научно-технических учреждениях, высших учебных заведениях, библиотеках, музеях и архивах РСФСР, принятые друг за другом (по причине инфляции) в 1918, 1919 и 1922 гг. [Долгова, 2025, с. 123].

² Размеры должностных окладов ППС составляли: старший лаборант с высшим образованием получал (в зависимости от стажа) 450–550 руб.; преподаватель без степени – 500–600 руб., со степенью – 600–800 руб.; доцент, кандидат наук – 700–900 руб.; профессор, доктор наук — от 1000 до 1300 (при стаже свыше 10 лет); заведующий кафедрой, доктор наук и профессор – 1100–1500 [Гуркина, 2023, с. 109].

³ В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июня 1961 г. «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» предусматривалось введение в вузах «должности профессора-консультанта,...который получал 50% оклада с сохранением пенсии (но не выше 350 руб. суммарно)» [Долгова, 2025, с. 133].

⁴ Следует отметить, что, несмотря на популярное мнение о «либерализации» (в т.ч. образовательной сферы) в хрущевский период «оттепели», отношение к ВШ в 1953–1964 гг. было неоднозначным. Так, описывая «постсталинскую» школьную реформу в статье, опубликованной в газетах за 21 сентября 1958 г., Н.С. Хрущев отмечал, что «высшая школа могла принять немногим больше трети выпускников средней школы» и предлагал «две радикальные меры: замену двух старших классов вечерней школой и обязанность проработать два года

советской стадии развития ВШ в число основных кадровых проблем вошло «наличие значительного слоя... работников с невысокой результативностью, усугубляемой уравнительностью заработной платы» [Долгова, 2025, с. 133–134]. Тем не менее материальное положение ППС ВШ оставалось вполне достойным. Накануне краха советской системы месячная зарплата кандидата наук, доцента составляла 350 руб., профессора – 450 руб., академиков Академии наук СССР и ректоров крупнейших вузов – около 1 тыс. руб., «при том что первый секретарь райкома КПСС официально получал 380 руб. в месяц» [Жуков, 2016, с. 179].

Ситуация кардинально изменилась на рубеже 1980–1990-х годов. Вследствие «ломки» советской ВШ «рейтинг профессора МГУ стал таков, что стоит он в 5–10 раз дешевле продавца, водителя троллейбуса, уборщицы» [Писанова, 2014, с. 78]). Тогда же ВШ пережила болезненные процессы радикального преобразования при деформации факторов ее кадрового обеспечения.

Кадровый вопрос российской ВШ в постсоветский период

Роль государства. На ранней постперестроечной стадии (1990-е годы) курс российского государства был направлен на «коренное» реформирование отечественной образовательной системы. Последнее во многом негативно сказалось на функционировании ВШ и положении ее ППС, которые были «исключены из числа сфер первоочередной поддержки государства» и «не рассматривались тогдашним руководством Российской Федерации в качестве инструмента решения неотложных задач финансовой стабилизации и реализации необратимых экономических и политических реформ» [Горбунов, 2006, с. 182]. Свидетельством снижения роли государства в управлении ВШ в эти годы¹ стало заметное укрепление негосударственного сектора ВО² [Горбунов, 2006, с. 182], привлекшего некоторую часть научно-педагогических кадров (с 3,8 тыс. человек в 1993/94 уч.г. до 78,8 тыс. человек в 2007/08 уч.г. [О законодательном обеспечении ..., 2010]).

на производстве перед поступлением в вуз» [Кумель, 2003]. Происхождение этих идей, по официальной версии, шло «из кругов руководителей высших технических учебных заведений». Однако уже в середине 1980-х гг., в ходе анализа дискуссий по поводу реформы 22 сентября 1958 г., историк Н.И. Фещенко пришел к выводу о том, что она была навязана преподавательским и административным кадрам ВШ со стороны советского руководства [Кумель, 2003].

¹ Представляется весьма интересным тот факт, что, несмотря на существенное ухудшение условий труда и материального обеспечения ППС в 1990 – начале 2000-х годов, его численность в государственных и муниципальных учреждениях высшего профессионального образования, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, продолжала возрастать с 219,7 тыс. человек в 1990/91 уч. г. до 342,7 тыс. человек в 2009/10 уч. г. [Численность ..., 2011].

² Если в начале 1991 г. на стадии регистрации находилось 45 негосударственных вузов, то в 1992 г. их было 92, в 1994 г. – 141, а в 1995 г. – уже 363 [Горбунов, 2006, с. 182].

Позднее, вследствие политики Минобрнауки РФ, проводимой с 2010/11 уч. г. и направленной на сокращение количества вузов и численности учащихся¹, а также на ужесточение требований, предъявляемых в рамках государственной аккредитации, ситуация заметно изменилась и неизбежно сказалась на численности ППС. За период 2010–2020 гг. она сократилась почти в 1,5 раза в государственных учреждениях ВО и в 2 раза – в частных [Ильина, 2022, с. 130].

После событий конца февраля 2022 г. развитие ВШ и ее кадрового потенциала вновь вошло в число приоритетных направлений госполитики. Об этом свидетельствует рост расходов на ВО с 24,4 млрд руб. в 2000 г. до 712 млрд руб. в 2022 г. [Индикаторы образования: 2024 ..., с. 141]. Более того, согласно закону о федеральном бюджете на 2025–2027 гг., доля бюджетных ассигнований, выделяемых на ВО, продолжит постепенно возрастать с 1,58% в 2025 г. до 1,68% в 2027 г.² [Рост бюджета ..., 2024]. Несмотря на предпринимаемые государством меры поддержки ВШ, общая численность ППС в 2023/24 уч. г. составила всего 216,1 тыс. человек³ [Образование в цифрах: 2024 ..., 2024, с. 95], что объясняется целым комплексом проблем и противоречий ВШ, часть из которых будет освещена ниже.

Зарубежное влияние. Одна из ключевых особенностей постсоветской ВШ – ее сильная зависимость от внешнеполитического курса государства, обуславливающего степень зарубежного влияния на систему отечественного ВО.

Так, в 1990-е годы началась «переориентация» ВШ «на западные стандарты и глобальный академический рынок» [Рубцов, 2023, с. 70]. В начале нулевых вектор образовательной политики оказался направлен преимущественно в сторону англо-американской системы образования. Переломным моментом стало подписание в сентябре 2003 г. Болонской декларации с целью формирования «общего пространства Россия – ЕС в области науки и образования» [Фомичев, 2013, с. 64–65]. Это событие, с одной стороны, вызвало весьма противоречивые процессы в ВШ⁴. С другой стороны, заставило ППС ВШ адаптироваться к новой для нее модели образования через

¹ По некоторым данным, за период 2010–2020 годов количество государственных вузов сократилось с 653 до 497 (на 24%), а контингент их учащихся уменьшился с 5849 тыс. человек до 3715 тыс. (на 37%). В частных вузах эти сокращения оказались еще более ощутимыми: количество вузов с 462 до 213 (на 54%) и с 1201 тыс. до 334 тыс. человек (на 87%), соответственно [Тараканов, Таточенко, Скрынченко, 2024, с. 118].

² Специалисты при расчетах господдержки ВО призывают учитывать уровень инфляции и предупреждают, что при сохранении инфляции на уровне 2024 г. (около 8% по данным ЦБ РФ) в 2025–2027 гг. реальное финансирование науки и высшего образования может сократиться на 4,5–5% [Рост бюджета ..., 2024].

³ Это ниже уровня 2017/18 уч. г. (245,1 тыс. человек), когда наметилась тенденция снижения численности ППС ВШ [Образование в цифрах: 2024 ..., 2024, с. 95].

⁴ В том числе отказ от традиций отечественного образования, превращение ВШ «в сферу услуг», распространение принципов «детоцентризма» [Гуркина, 2023, с. 110–111], «академического капитализма» [Рубцов, 2023, с. 70] и пр.

освоение «компетентностного» подхода, новых организационных и научно-методических требований, стандартов и пр.¹

В свою очередь, выход из Болонского процесса в мае 2022 г. вновь поставил российскую ВШ перед необходимостью кардинальных перемен. Достойно справиться с ними в свете текущих геоэкономических и научно-технических трансформаций возможно только при условии своевременной подготовки квалифицированных педагогических кадров, способных противостоять новым вызовам ВО.

Система подготовки. В современной системе ВО РФ функционирует вполне отлаженный механизм подготовки педагогических кадров для ВШ. Компонентами для него служат профильные педагогические вузы; магистратуры, реализующие дополнительную образовательную программу «Преподаватель высшей школы»; институты дополнительного образования, а также курсы повышения квалификации и переподготовки преподавательских кадров [Калашникова, 2013, с. 65]. Примечательно, что уже в начале 2020-х годов наметилась тенденция роста числа выпускников вузов, получивших квалификацию в области образования и педагогических наук (в 2023 г это увеличение составило 5% по отношению к 2021 г [Образование в цифрах ..., 2024, с. 71]). По результатам приемной кампании 2024 г., педагогические направления вошли в число наиболее популярных среди абитуриентов [Педагогические направления ..., 2025].

Однако нехватка молодых специалистов до сих пор остается в числе кадровых проблем ВШ², что может быть сопряжено с весьма низкими показателями количества выпускников аспирантуры (в т. ч. получивших кандидатскую степень)³. Хотя данная негативная тенденция несколько приостановлена (в 2023 г. было выпущено уже 14,1 тыс. аспирантов [Образование в цифрах ..., 2024, с. 46]) и интерес к аспирантуре среди молодежи постепенно возрастает. Тем не менее ее результативность остается в числе проблемных вопросов функционирования и кадрового обеспечения ВШ, который усугубляется социально-экономическими аспектами деятельности ППС.

Социальный престиж. По данным ВЦИОМ за 2024 г., более 60% россиян продолжают считать, что ВО обеспечивает успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей [Высшее образование в России ... , 2024]. Однако саму профессию преподавателя воспринимают как престиж-

¹ Причем оценки Болонской системы со стороны самих ППС изначально были весьма неоднозначны (см., например, [Чуева, 2011]). Как, собственно, и результаты ее внедрения. Вопрос о плюсах и минусах Болонской системы для российского ВО до сих пор остается в числе наиболее дискуссионных в экспертной среде (см., например: [Губернаторов, 2022]).

² Так, согласно расчетам экспертов НИУ ВШЭ, число преподавателей, осуществлявших деятельность по программам ВО в 2023/24 уч. г. в возрасте до 30 лет составляло 12,9 тыс. человек (всего около 6% от общего числа ППС ВШ) против 60,8 тыс. человек в возрасте старше 60 лет [Образование в цифрах: 2024 ..., с. 95].

³ 13,9 тыс. человек в 2022 г. против 35, 2 тыс. в 2012 г., из которых в 2022 г. кандидатскую степень получили лишь 1,8 тыс. человек (12,9%) [Мартынов, 2023].

ную лишь 16% [Профессии в России ... , 2023], что свидетельствует об относительно невысоком социальном статусе ППС.

Согласно некоторым экспертным суждениям, данный тренд наметился еще в 1980-е годы в силу таких причин, как [Карамышева, Щанина, 2024, с. 26–27; Рубцов, 2023, с. 72]: а) негативные стереотипы, связанные с научно-исследовательской деятельностью, в том числе вследствие невысокой «карьерной» мобильности (которая в определенной степени остается зависимой от наличия ученой степени); б) непрерывно возрастающая бюрократизация ВШ в ущерб креативности и исследовательской инициативности ППС; в) турбулентные условия труда, постоянная актуализация образовательных программ и стандартов, нестабильность развития образовательной сферы в целом, на фоне которых положение ППС представляется весьма неопределенными и воспринимается с недоверием; г) низкая самооценка своей деятельности со стороны самих педагогических кадров¹, в значительной степени обусловленная относительно низким уровнем оплаты труда, несоответствующим временным затратам, существенной когнитивной и эмоциональной нагрузке ППС ВШ.

Материальное положение. Упомянутое выше сокращение госрасходов на ВО (по сравнению с советским периодом) в 1990–2000-е годы естественным образом сказывалось на оплате труда ППС ВШ².

Поворотным стал 2012 г., когда российское государство взяло курс на улучшение материального положения научно-педагогических работников: были подписаны известные «майские» указы, согласно которым ППС ВШ должны получать «вдвое больше средней зарплаты по региону, в котором они живут»³ [Ильин, 2024]. По оценкам экспертов НИУ ВШЭ, эта цель была достигнута уже в 2018 г., когда средняя зарплата ППС по стране достигла суммы 82,5 тыс. руб. при средней заработной плате – 34,6 тыс. руб. [Рудаков, 2023, с. 7]. И эта цифра продолжает расти: в 2024 г. зарплата ППС составила уже 143, 5 тыс. руб. [Рынок труда ..., 2025].

Однако эксперты предостерегают излишне оптимистично оценивать материальный достаток ППС ВШ:

а) с 2015 г. для расчета показателей по «майскому» указу используется не обычная средняя зарплата (работников, которые трудятся по трудовому

1 Согласно результатам ряда отечественных исследований, общая самооценка престижности профессии остановилась на уровне 5,8 баллов из 10 (подробнее см.: [Карамышева, Щанина, 2024, с. 26]).

2 Весьма иллюстративными представляются результаты статистического обследования доходов, проведенного в вузах г. Перми в 1999 г.: более половины респондентов (56,2%) отмечали, что их среднемесячный доход находился ниже установленного в области прожиточного минимума – 716,3 руб. [О вторичной занятости ... , 1999, с. 47–48]. Тогда как по данным официальной статистики, среднемесячная номинальная зарплата работающих в экономике (по стране) в этом году составляла 1522,6 руб. [Среднемесячная номинальная ... , 2003].

3 По некоторым данным, на момент подписания «майских» указов зарплата ППС ВШ составляла 130% средней по региону [Ильин, 2024].

договору у юридических лиц), а среднемесячный доход от трудовой деятельности (зарплаты всех, кто трудится по ГПХ, у физлиц, предпринимателей и пр.)¹ [Ильин, 2024];

б) средняя заработная плата ППС ВШ складывается из зарплат преподавателей разных категорий, размер которых существенно различается²;

в) сохраняются заметные региональные различия в оплате труда ППС и уровне достижения показателей «майских» указов³;

г) оплата труда ППС продолжает зависеть от исполнения административных и управленческих обязанностей в большей степени, чем от академических достижений⁴.

Такое неоднозначное положение ППС ВШ, которое усугубляется существенной преподавательской нагрузкой⁵, неизбежно порождает смежные проблемы вторичной занятости, нарушения преемственности научно-педагогических школ, снижения качества квалификационной структуры ППС, а также угрозу кадрового дефицита. Все это заслуживает пристального внимания и анализа в ходе дальнейших исследований кадрового обеспечения российской ВШ с учетом вновь возникающих эндогенных и экзогенных вызовов ее развитию.

Вместо заключения: факторы кадрового обеспечения отечественной ВШ

Резюмируя вышеизложенное, можно выделить две группы факторов – организационно-управленческих («роль государства», «зарубежное влияние», «система подготовки») и социально-экономических («социальный престиж» и «материальное положение»), – которые оказывают неизменное влияние на функционирование и кадровое обеспечение отечественной ВШ (табл. 1).

¹ Согласно показателям Росстата, по итогам 2023 г. первая составила 74,8 тыс. руб., а вторая – 57,2 тыс. руб. Выходит, что согласно формальной цели «майских» указов средняя зарплата ППС ВШ должна составлять чуть более 114 тыс. руб. (этот показатель превышен). Однако по обычным средним зарплатам эта сумма должна быть выше и составлять почти 150 тыс. руб. [Рынок труда ... , 2025; Ильин, 2024].

² По некоторым данным, зарплата ректора вуза «в небольшом областном центре» может достигать 300–400 тыс. руб. при том, что у ассистента без научной степени – всего 20–25 тыс. руб. [Ильин, 2024].

³ Так, согласно Росстату, в 2024 г. уровень средней оплаты труда ППС в г. Москве достиг суммы более 230 тыс. руб., что почти в 4 раза выше, чем в Карачаево-Черкесской Республике (67 тыс. руб.) [Рынок труда ... , 2025].

⁴ Например, если профессор берет на себя «бумажную работу» в деканате или на кафедре, его зарплата вырастает приблизительно на 50% [Ильин, 2024].

⁵ Так, на одного педагога приходится 5–6 дисциплин в зависимости от статуса вуза [Ильин, 2024], преподавание которых осложняется изменениями образовательных программ после выхода из Болонского процесса. И это, не считая дополнительной методической, научно-исследовательской и практической работы ППС, которая хотя и предполагает стимулирующие выплаты, однако механизм их предоставления требует совершенствования и доработки (см. например: [Зарботная плата ... , 2023, с.19–20]).

Таблица 1

Факторы кадрового обеспечения отечественной ВШ*

Факторы	Периоды		
	Досоветский	Советский	Постсоветский (русский)
1	2	3	4
Организационно-управленческие			
Роль государства	Государственный патернализм в вопросах формирования кадрового потенциала ВШ (в первую очередь, ее «ядра» – императорских университетов), степень «автономности» которой определяли сменяющие друг друга государственные реформы и контрреформы	Доминирующая роль государства, оказывавшего существенную финансовую, социальную и правовую поддержку ППС ВШ на всех стадиях советского периода (с незначительными отклонениями)	Рост негосударственного сектора ВШ и его кадрового состава в 1990–2000-е годы; сокращение численности ППС ВШ (в государственных и тем более в частных вузах) вследствие политики Минобрнауки РФ (с 2010/11 уч. г.); усиление господдержки ВШ после февраля 2022 г. наряду с сохраняющимися кадровыми проблемами
Зарубежное влияние	Существенное европейское (преимущественно континентальное) влияние на кадровое обеспечение ВШ на начальных стадиях ее становления вследствие приглашения в дореволюционные вузы зарубежной (в основном немецкой) профессуры наряду с постепенным формированием отечественного корпуса педагогических кадров	Формирование отечественных (отличных, а по ряду параметров превосходящих западные) стандартов системы ВО, опосредовавших научно-педагогическую деятельность в ВШ	Усиление западного влияния с 1990-х годов; «вестернизация» (по англо-американскому образцу) отечественной ВШ после подписания Болонской декларации в 2000-е годы; разрыв связей с бывшими западными партнерами в сфере образования в русле событий 2022 г. наряду с поиском новых контактов ВШ, в т.ч. на азиатском и евразийском направлениях
Система подготовки	Сохранение практики «зарубежных командировок» лучших учеников в вузы Европы;	Создание специализированной структуры для подготовки	Налаживание комплексного механизма вузовской и послевузовской

<i>Продолжение таблицы</i>			
1	2	3	4
	появление собственных профильных учреждений; разработка образовательных моделей и требований к профессиональной подготовке, аттестации и повышению квалификации ППС ВШ (к началу XX в.); формирование кадрового потенциала по принципам «академического инбридинга»	научно-педагогических кадров – аспирантуры; акцент на совершенствовании системы подготовки ППС ВШ (с 1930-х годов)	подготовки ППС ВШ; особое значение аспирантуры, от результативности которой продолжает зависеть кадровый и интеллектуальный потенциал ВШ
Социально-экономические			
Социальный престиж	Формирование особого «интеллектуального сословия», социальное значение которого подтверждалось местом в Табеле о рангах; зависимость статуса от ведомственной направленности вуза	Особое отношение и поддержка ППС ВШ со стороны советского руководства; высокий социальный статус и уважение к научно-педагогическим кадрам в обществе	Сохраняющийся невысокий уровень социального престижа вследствие негативных стереотипов; нестабильности развития ВШ; высокой нагрузки и несоответствующей ей оплаты труда
Материальное положение	Дифференциация достатка в зависимости от ведомственного патронажа, а также от таких параметров, как стаж, статус и система гонораров; формирование основ системы социальных гарантий ППС; весьма достойное материальное обеспечение профессуры	Низкая почасовая оплата труда ППС на ранних стадиях развития советской ВШ (до 1937/38 уч.г.); последующий переход к штатно-окладной системе, способствовавший росту материального благосостояния (наряду с пенсионными гарантиями и товарным снабжением) ППС вплоть до конца 1980-х годов	Сокращение материальной господдержки ППС до «майских» указов; (с 2012 г.) формальное улучшение материального положения педагогических кадров ВШ наряду с сохраняющимися проблемами многозадачности, высокой нагрузки, вторичной занятости, снижения квалификационного уровня ППС

*Составлено автором.

Анализ представленных выше факторов (табл. 1) позволяет определить особенности формирования кадрового потенциала отечественной ВШ, которые являются общими на всех трех выделенных периодах ее эволюции. К их числу относятся: важная «роль государства» как источника финансирования и основного «заказчика» квалифицированных кадров для удовлетворения социально-экономических потребностей страны; цикличность и неоднозначность «зарубежного влияния»; необходимость совершенствования механизма подготовки профессорско-преподавательского состава; особая значимость факторов «социального престижа» и «материального положения» с точки зрения решения кадровых вопросов и проблем.

Представляется, что осмысление и усвоение богатого опыта становления отечественной системы ВО поможет разрешить текущие и предупредить будущие противоречия ее кадрового обеспечения. В свою очередь, это позволит российской ВШ занять достойное место в международном образовательном пространстве современности.

Список литературы

1. Бушуева Л.А., Бушуев А.С. История высшего педагогического образования в Советской России как предмет исследования (вместо предисловия) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 12–22.
2. Вахитов Д.Р. Образовательные системы СССР и Запада: сравнительный анализ преимуществ и недостатков // Вестник ТИСБИ. – 2014. – № 4. – С. 58–78.
3. Высшее образование в России: мониторинг // ВЦИОМ Новости. – 2024. – 26.11. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (дата обращения 01.06.2025).
4. Горбунов А.П. Российская высшая школа в условиях рыночных реформ 1990-х гг. // Новый исторический вестник. – 2006. – № 1(14). – С. 181–207.
5. Государственный бюджет СССР в 1940, 1946, 1950–1955 гг. // Исторические материалы. – URL: <https://istmat.org/node/18453> (дата обращения 01.06.2025).
6. Губернаторов Е. Ректоры назвали плюсы и минусы Болонской системы // РБК. – 2022. – 11.06. – URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2022/62a35d379a79470fde3a5839> (дата обращения 01.06.2025).
7. Гуркина Н.К. Из истории государственного руководства высшей школой в России (проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей) // Управленческое консультирование. – 2023. – № 5. – С. 101–112.
8. Долгова Е.А. Как платили ученым: динамика и приоритеты советской научной политики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 120–137.
9. Долгова Е.А. Слушатели Института красной профессуры: рекрутирование, академическое движение, трудоустройство // Социологический журнал. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 124–140.
10. Жуков В.И. Социальный статус профессора в Российской и Советской Империях и в демократической России: историко-социологическая компаративистика // Сова. – 2016. – № 1(28). – С. 174–181.

11. Ильин Н. Кто преподает в российских вузах // Т-Ж. – 2024. – 20.08. – URL: <https://t-j.ru/greprod-stat/> (дата обращения 11.02.2025).
12. Ильина И.Ю. Возрастная динамика профессорско-преподавательского состава высшей школы: актуальные тенденции и оценка перспектив // Вестник НГУЭУ. – 2022. – № 3. – С. 128–139.
13. Ильченко Е.В. ЭС: Устав 1921 // Летопись Московского университета. – URL: <https://letopis.msu.ru/content/es-ustav-1921> (дата обращения 01.06.2025).
14. Императорские университеты Российской империи // Знание.Вики. – URL: <https://znanierussia.ru/articles/> (дата обращения 01.06.2025).
15. Индикаторы образования: 2024 : статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 416 с.
16. Калашникова О.В. Эволюция подходов к проблеме подготовки преподавателей высшей школы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – С. 58–67. – URL: <file:///Users/MacBookAir/Downloads/evolyutsiya-podhodov-k-probleme-podgotovki-prepodavateley-vysshey-shkoly.pdf> (дата обращения 01.06.2025).
17. Карамышева Е.Ю., Щанина Е.В. Социально-профессиональный статус российского преподавателя вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 5. – С. 24–28.
18. Князев Е.А. Проблема подготовки преподавателей высшей школы в России XIX в. // Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина. – URL: <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/8-prep-vysshey-shkoly/3/knyzev.pdf> (дата обращения 11.02.2025).
19. Кожевина М.А. К вопросу о периодизации истории советского образовательного права // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 7. – С. 10–19.
20. Кудинов О.В. Зарплата профессоров в дореволюционной России // Экономика образования. – 2014. – № 4. – С. 84–85.
21. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 616 с.
22. Кумель Л. Образование в эпоху Хрущева: «оттепель» в педагогике? // Неприкосновенный запас. – 2033. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/2/obrazovanie-v-epohu-hrushheva-ottepel-v-pedagogike.html> (дата обращения 11.02.2025).
23. Левченко И.Е. Властное регулирование советской системы высшего образования // Культура и природа политической власти: теория и практика : сборник научных трудов / под общей редакцией А. А. Керимова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 159–167. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/117061> (дата обращения 11.02.2025).
24. Мамяченков В.И. Возникновение и развитие системы высшего профессионального образования в России: проблема периодизации // Научный диалог. – 2018. – № 2. – С. 243–251.
25. Мартынова С.В. Привлекательность аспирантуры продолжает расти // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2023. – 15.05. – URL: <https://issek.hse.ru/news/833286044.html> (дата обращения 11.02.2025).
26. Матушанский Г., Завада Г. Подготовка преподавателя высшей школы в условиях ее модернизации // Высшее образование в России. – 2008. – № 3. – С. 27–32. – URL: <file:///>

- Users/MacBookAir/Downloads/podgotovka-prepodavatelya-vysshey-shkoly-v-usloviyah-eyo-modernizatsii.pdf (дата обращения 11.02.2025).
27. Нормативные документы об образовании в России // ГАРАНТ-Образование. – URL: <https://edu.garant.ru/education/law/> (дата обращения 11.02.2025).
28. О вторичной занятости профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов вузов г. Перми / Н.Б. Сорокина, Е.Б. Плотникова, Л.И. Геращенко, И.А. Германов // Университетское управление: практика и анализ. – 1999. – №1. – С. 47–50. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42432/1/UM-1999-01-14.pdf> (дата обращения 11.02.2025).
29. О законодательном обеспечении модернизации системы педагогического образования // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. – 2010. – Вып. 13. – URL: <http://pda.iam.duma.gov.ru/node/8/4565/15711> (дата обращения 01.06.2025).
30. Образование в цифрах: 2024 : краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 132 с.
31. Педагогические направления вошли в число основных в приемной кампании 2024 года // Минпросвещение России. – 2025. – 17.01. – URL: <https://edu.gov.ru/press/9326/pedagogicheskie-napravleniya-voshli-v-chislo-osnovnyh-v-priemnoy-kampanii-2024-goda/> (дата обращения 01.06.2025).
32. Писанова А.К. Модернизация российской высшей школы: проблемы финансирования (к историографии вопроса) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 2(196). – С. 75–82.
33. Профессии в России: престиж, доходность, востребованность // ВЦИОМ. Новости. – 2023. – 05.07. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovannost> (дата обращения 01.06.2025).
34. Рост бюджета на высшее образование может не перекрыть инфляцию // Российский союз ректоров. – 2024. – 22.11. – URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/11/22/rost-rashodov-na-vysshee-obrazovanie-mozhet-ne-perekryt-inflyaciyu/> (дата обращения 01.06.2025).
35. Рубцов Ф.С. Проблемы кадрового обеспечения российской системы высшего образования // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 3(11). – С. 70–77.
36. Рудаков В.Н. Заработная плата российских преподавателей и ученых: дифференциация, структура и составляющие эффективного контракта : информационный бюллетень – Москва : НИУ ВШЭ, 2023. – 36 с. – URL: [https://www.hse.ru/data/2023/04/11/2027847314/ib_7\(49\)_2023.pdf](https://www.hse.ru/data/2023/04/11/2027847314/ib_7(49)_2023.pdf) (дата обращения 11.02.2025).
37. Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения 01.06.2025).
38. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике // Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. – 2003. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B03_14/IssWWW.exe/Stg/d010/i010520r.htm (дата обращения 01.06.2025).
39. Средние зарплаты 1940–1955 гг. // Livejournal. Ihistorian. – 2011. – 12.11. – URL: <https://ihistorian.livejournal.com/412544.html> (дата обращения 01.06.2025).
40. Средняя заработная плата работников списочного состава // ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/58809?id=58809> (дата обращения 11.02.2025).

41. Тараканов А.В., Таточенко А.Л., Скрынченко Б.Л. Высшее образование в России: основные этапы и перспективы развития – Москва : Юстицинформ, ИГА, 2024. – 281 с.
42. Татарнинова Е.А. Влияние системы образования на экономический рост // Вестник университета. – 2024. – № 5. – С. 129–136.
43. Федорова А.Л. Педагогические взгляды Пирогова Н.И. На проблемы науки и образования в университетах и современность // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2018. – Т. 3, № 3(22). – С. 62–66.
44. Феофанов А.М. Профессора-иностранцы в российских университетах во второй половине XVIII – первой половины XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professora-inostrantsy-v-rossiyskih-universitetah-vo-vtoroy-pолоvine-xviii-pervoy-pолоviny-xix-veka> (дата обращения 01.06.2025).
45. Фомичев И.В. Интеграция России в Болонский процесс. Чем это закончится? // Территория науки. – 2013. – № 2. – С. 62–77.
46. Хохлов Е. Б. «О правовом статусе преподавателей университетов Российской империи» // Ежегодник трудового права. – 2024. – Вып. 14. – С. 7–27.
47. Численность профессорско-преподавательского персонала образовательных учреждений высшего профессионального образования // Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. – 2011. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d2/07-50.htm (дата обращения 01.06.2025).
48. Чуева Д.Г. Болонский процесс в восприятии преподавателей вузов // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – 2011. – С. 297–302. – URL: <file:///Users/MacBookAir/Downloads/bolonskiy-protsess-v-vospriyatii-prepodavateley-vuza.pdf> (дата обращения 01.06.2025).
49. Шеховцов А.Н., Шеховцова Н.А. Традиции Болонского университета и современный Болонский процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. – 2013. – № 1(23). – С. 151–157. – URL: <https://volsu.ru/upload/medialibrary/9b9/3.%D0%A8%D0%B5%D1%85%D0%BE%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2%D1%8B.pdf> (дата обращения 01.06.2025).
50. Шипилов А. Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем и... будущем // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2003. – № 4. – С. 33–42.

Статья получена: 06.06.2025

Одобрена к публикации: 26.07.2025.

УДК 378+339.564

DOI: 10.31249/espr/2025.03.02

А.В. Чухарев*

**ЭКСПОРТ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ИНСТРУМЕНТЫ,
ПОКАЗАТЕЛИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ**

Аннотация. Статья посвящена вопросам внешней торговли услугами, осуществляемой Российской Федерацией, в первую очередь, отечественному экспорту услуг высшего образования. Обсуждаются концептуальные основы и конкретные меры в рамках реализации государственной политики по повышению конкурентоспособности и популяризации отечественной высшей школы за рубежом, определены основные векторы ее эволюционного развития. Представлен анализ ряда количественных показателей российского образовательного экспорта за период 2015–2024 гг., а также динамики доходов образовательных организаций, полученных из иностранных источников от осуществления образовательной деятельности за 2015–2023 гг. Выводом исследования служит констатация изменения восприятия экспорта образования в российской системе государственного управления в течение последнего десятилетия, проявившегося в смещении его акцента с политической компоненты на экономическую. Вместе с тем отмечается устойчивость экспортных потоков российского высшего образования и внушительный потенциал их увеличения.

Ключевые слова: экспорт образования; высшее образование; Россия; иностранные студенты; образовательные услуги; государственная политика.

Для цитирования: Чухарев А.В. Экспорт услуг высшего образования Российской Федерации на современном этапе: инструменты, показатели, экономический эффект // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 36–56.

* Чухарев Андрей Владимирович, младший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); andrewv100@mail.ru

Chukharev Andrey, junior researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); andrewv100@mail.ru

A.V. Chukharev
Export of higher education services
of the Russian Federation at the present stage:
tools, indicators, economic effect

Abstract. The article is devoted to the issues of foreign trade in services carried out by the Russian Federation, primarily the domestic export of higher education services. Discusses the conceptual foundations and specific measures within the framework of the implementation of state policy to increase the competitiveness and popularization of Russian higher education abroad, and identifies the main vectors of its evolutionary development. Presents the analysis of a number of quantitative indicators of Russian educational exports for the period 2015–2024, as well as the dynamics of income of educational organizations received from foreign sources from educational activities for 2015–2023. The conclusion of the study is the statement of a change in the perception of education exports in the Russian public administration system over the past decade, manifested in a shift in its emphasis from the political component to the economic one. At the same time, the paper notes the sustainability of the export flows of Russian higher education and the impressive potential for their increase.

Keywords: educational export; higher education; Russia; international students; educational services; state policy.

For citation: Chukharev A.V. Export of higher education services of the Russian Federation at the present stage: tools, indicators, economic effect // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 36–56.

Введение

Несмотря на актуализацию новых глобальных вызовов для мировой экономики, трансформацию правил международного хозяйственного взаимодействия, активное применение односторонних ограничительных мер экономического характера и формирование тренда к реиндустриализации в промышленно развитых странах, вектор развития мировой хозяйственной системы все еще остается ориентированным на усиление роли третичного сектора экономики. Особым значением в связи с чем наделяются такие отрасли, как образование, здравоохранение, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также информационные и телекоммуникационные технологии [Булетова, 2022]. В силу данных причин современный этап эволюции постиндустриальных хозяйственных систем нередко называют «экономикой знаний». Одной из ключевых движущих сил экономического роста и повышения уровня жизни человека в данной модели выступает не материальное, т. е. товарное производство, а генерация идей. Первостепенное значение обретают такие ресурсы, как информация и знания, а технологические инновации и скорость их распространения изменяют характер и масштаб производства данных ресурсов [Ерохин, 2025, с. 41].

Особую значимость для развития экономики страны в подобных условиях обретают наука и образование, как факторы, создающие ресурсный и человеческий капитал экономики знаний. На фоне активного развития цифровых технологий, упрощающих трансграничное взаимодействие между людьми, образование становится одним из наиболее динамично развивающихся секторов в структуре международной торговли услугами. Важность высшего образования в реалиях сегодняшнего дня наглядно демонстрирует статистика численности студентов в мире. Согласно данным ЮНЕСКО (подразделения ООН по вопросам образования, науки и культуры), число лиц, обучающихся по программам высшего образования, удвоилось за первую четверть XXI в. и достигло в 2022 г. показателя в 235 млн человек [Всемирная конференция ЮНЕСКО..., 2022], а к 2025 г. выросло еще на 8% и составило 254 млн человек [What you need to know ..., 2025]. Такая динамика свидетельствует об ускорении темпов роста численности студентов в мировой образовательной системе и расширении спроса на услуги высшего образования. Вместе с тем потенциал увеличения сектора остается весьма значительным, поскольку среднемировой коэффициент охвата высшего образования составляет 42% (с огромными различиями между отдельными странами и регионами) [What you need to know ..., 2025].

Наличие четко выраженной регионально-страновой диспропорции в разрезе охвата и доступности высшего образования актуализирует вопрос экспорта образовательных услуг. В российском правовом поле под ним понимается предоставление соответствующей услуги на территории страны-поставщика (обучение иностранного гражданина в образовательной организации на территории принимающего государства), либо на территории страны – получателя услуги посредством институционального присутствия страны – поставщика услуги (обучение гражданина в филиале иностранной образовательной организации на территории страны его проживания) либо посредством трансграничного оказания услуги (с использованием современных информационно-коммуникационных технологий) [Филиппова, 2019, с. 43]. Посредством экспорта образовательных услуг граждане стран с низким коэффициентом охвата высшего образования получают доступ к данному общественному благу. Это способствует не только повышению уровня жизни отдельно взятых индивидов благодаря расширению их карьерных перспектив, но и акселерации дальнейшего развития мировой хозяйственной системы, а также повышению эффективности международного сотрудничества за счет вовлечения в данные процессы специалистов высокой квалификации.

Россия традиционно занимает активную позицию в подготовке местных кадров для иностранных экономик. Более 100 лет прием иностранных студентов в отечественные образовательные организации выступает важным направлением государственной внешней политики. Первые специализированные образовательные организации для политико-просветительской подготовки иностранных специалистов были созданы в молодом советском

государстве в начале 1920-х годов [Шумилова, 2022, с. 63]. В СССР также была сформирована прочная юридическая, институциональная и инфраструктурная база для успешного функционирования системы обучения иностранных граждан в отечественных вузах. Всего с 1950 по 1990 г. в стране образование получили более 500 тыс. человек из 150 иностранных государств [Ивахнюк, 2025].

Несмотря на ощутимые потери, ядро этой базы удалось сохранить даже после распада СССР, когда подготовка иностранных специалистов на определенное время по объективным причинам была исключена из фокуса государственной политики России. В настоящее время в стране сложилось отчетливое понимание того, что привлечение иностранных граждан в отечественные образовательные организации способно принести внушительные долгосрочные дивиденды, в первую очередь политического и репутационного характера.

Вместе с тем переход российской экономики к рыночной модели создал предпосылки для того, чтобы рассматривать экспорт образования не только с позиций его потенциала в качестве инструмента «мягкой силы» — средства продвижения языка и культуры, а также образа страны за рубежом — но и в качестве важного фактора собственного геоэкономического развития. Экспорт образования способен выступить действенным инструментом привлечения на внутренний рынок страны средств из-за рубежа и увеличения доходности третичного сектора экономики, что оказывает благоприятное влияние на общее состояние хозяйственной жизни в государстве [Шилова, 2024, с. 7–8]. В условиях усиливающегося санкционного давления на Российскую Федерацию со стороны недружественных стран¹ и необходимости поиска новых источников пополнения государственного бюджета (на фоне разрыва ранее значимых каналов экономического сотрудничества со странами коллективного Запада), а также смены приоритетных направлений внешнеэкономической деятельности экспорт образования может рассматриваться в качестве перспективного и эффективного направления наращивания несырьевого экспорта России.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет концепция общественного блага П. Самуэльсона, Р. Масгрейва и М. Олсана, трактующая образование в качестве социально значимого феномена, сочетающего в себе элементы как общественного, так и частного блага. Несмотря на то что образование является благом, предусматривающим индивидуальное потребление, общественная выгода, проистекающая из практической реа-

¹ Число односторонних мер ограничительного характера в отношении физических и юридических лиц Российской Федерации к марту 2025 г. достигло 28 595 [Путин назвал число..., 2025].

лизации знаний и навыков, полученных в результате обучения, превращает образовательную сферу в благо национального и во многом даже мирового масштаба. Это делает его чрезвычайно схожим с чистым общественным благом [Жидков, 2017, с. 47–48]. Совокупность перечисленных факторов может объяснить повышенное внимание общества и государства к вопросам регулирования образования. Настоящее исследование исходит из того, что образование не должно и не может рассматриваться исключительно в рамках рыночной логики, превращаясь тем самым в обыкновенную потребительскую услугу. Вместе с тем было бы неправильно и нецелесообразно полностью исключать экономическую составляющую из сущности данного вопроса.

Временные рамки исследования ограничены в основном 2015 и 2024 гг. Это объясняется тем, что указанный период не только является приближенным к сегодняшнему дню, но и наблюдаемые статистические данные для этого временного интервала доступны в наиболее полном объеме.

Практическая часть работы основывается на анализе статистики, предоставляемой Министерством науки и высшего образования РФ (Минобрнауки России): формы № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» и № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования».

Под иностранными абитуриентами и иностранными студентами (обучающимися) в исследовании понимаются иностранные граждане и лица без гражданства, в том числе соотечественники, проживающие за рубежом, поступающие и обучающиеся в российских образовательных организациях по программам высшего образования (бакалавриата, специалитета и магистратуры) на условиях общего приема, в пределах квоты Правительства РФ, а также по договорам об оказании платных образовательных услуг.

Квота Правительства РФ как ключевой инструмент государственной поддержки экспорта образования

Поддержка международного сотрудничества в сфере высшего образования и содействие расширению присутствия отечественных образовательных услуг на зарубежных рынках провозглашались уже в ранних российских программных документах (в частности, в Концепции государственной политики поддержки партнерства образовательных учреждений РФ и зарубежных учебных заведений, созданных при поддержке СССР [Постановление Правительства РФ от 25.04.1995..., 1995]). Однако широкое привлечение иностранных студентов в российские образовательные организации на новейшем этапе истории началось в 2003 г. с принятием Правительством РФ постановления «О сотрудничестве с зарубежными странами в области

образования»¹ [Постановление Правительства РФ от 04.11.2003..., 2003]. Данным нормативно-правовым актом была определена величина приема иностранных граждан на обучение по программам высшего образования в государственные вузы за счет средств бюджета и установлены стороны, ответственные за финансирование расходов, связанных с обучением указанных лиц. Последними выступили федеральные органы исполнительной власти, к предметам ведения которых относились образовательные организации, выступавшие в качестве принимающих для иностранных студентов. Важно отметить, что уже в то время для иностранных обучающихся (составивших тогда 7 тыс. человек) были предусмотрены выплата стипендий и предоставление жилых помещений в общежитиях.

В дальнейшем целевой показатель приема иностранных студентов в российские образовательные организации неоднократно изменялся в сторону повышения. Так, спустя пять лет после начала имплементации указанного Постановления численность ежегодно принимаемых на обучение иностранных граждан была увеличена до 10 тыс. человек [Постановление Правительства РФ от 25.08.2008..., 2008]. В 2013 г., с установлением квоты Правительства РФ на обучение иностранных граждан и лиц без гражданства, ее значение достигло 15 тыс. человек в год [Постановление Правительства РФ от 08.10.2013..., 2013]. Важно отметить, что данным нормативно-правовым актом было гарантировано право обучения иностранных граждан в образовательных организациях РФ не только по программам высшего образования, но также по программам среднего и дополнительного профессионального образования, что стало существенным вкладом в расширение номенклатуры экспортируемых образовательных услуг. Кроме того, означенное Постановление обеспечило допуск к российской образовательной системе лицам без гражданства, которые, согласно данным ООН, наравне с беженцами (нередки случаи, когда две данные категории пересекаются) испытывают существенные трудности с реализацией своего права на образование [Глобальные вопросы повестки дня..., 2025; Доклад Специального докладчика..., 2018, с. 12, 14].

В 2020 г. Правительством РФ было принято решение о последовательном увеличении числа квотных мест, выделяемых на очередной учебный год, до 18, 23 и 30 тыс., начиная с 2021 г. [Постановление Правительства РФ от 18.12.2020..., 2020]. В настоящее время квота на обучение иностранных граждан и лиц без гражданства в образовательных организациях РФ также составляет 30 тыс. человек. Отбор кандидатов на обучение в пределах квоты осуществляется по двум ключевым линиям: в рамках плана приема (посредством отборочных мероприятий, проводимых на территории иностранных государств) и организаторами олимпиад (для школьников, а также для абитуриентов магистратуры). Общую координацию отбора и распре-

¹ Постановлением Правительства РФ от 25.08.2008 № 638 указанное постановление признано утратившим силу с 1 января 2009 г.

деления иностранных граждан на обучение в российских образовательных организациях осуществляет Минобрнауки России.

С момента своего установления в 2003 г. квота Правительства РФ на образование иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе соотечественников, проживающих за рубежом, расширилась более чем в четыре раза – с 7 тыс. до 30 тыс. мест. Причем постепенное, но более чем двукратное увеличение целевого показателя приема произошло в течение последних пяти лет. Это однозначно указывает на всевозрастающую заинтересованность Правительства России в развитии экспорта образовательных услуг и рассмотрение его в качестве перспективной государственной инвестиции.

Предоставление возможности иностранным гражданам обучаться в российских образовательных организациях за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в рамках квоты является наиболее масштабной мерой государственной поддержки российского экспорта образования. Наравне с этим во второй декаде XXI в. активно реализуется еще ряд проектов и программ, направленных на укрепление позиций России в мировой системе образования.

Деятельность органов исполнительной власти по содействию экспорту услуг в сфере высшего образования

Одной из первых в череде мер по раскрытию экспортного потенциала российской системы образования стала реализация запущенной в 2012 г. правительственной инициативы, направленной на повышение престижа российского образования путем адаптации отечественных образовательных организаций к мировым стандартам академической среды и укрепление их позиций в международных рейтингах университетов. Поскольку ведущим целевым показателем инициативы стало включение к 2020 г. не менее пяти российских вузов в сотню лучших по версии трех авторитетных международных рейтингов – Quacquarelli Symonds, Times Higher Education и Academic Ranking of World Universities – она получила название «Проект 5–100» [Указ Президента РФ от 07.05.2012..., 2012].

В рамках данной инициативы 21 российский вуз, отобранный по результатам открытого конкурса, получал дополнительную финансовую поддержку в виде государственных субсидий. Последняя была направлена на стимулирование разработки и эффективное исполнение стратегии развития университетов, а также на трансформацию механизмов их внутреннего управления [Шибанова, Платонова, Лисюткин, 2018, с. 32–33]. В контексте анализа эволюции отечественного экспорта образовательных услуг данный проект примечателен тем, что предполагал увеличение числа иностранных студентов, обучающихся в университетах-участниках, до 15% от совокупного количества [Ключарев, Неверов, 2018, с. 102]. Указанный проект неоднозначно оценивается специалистами, ставящими под сомнение оправ-

данность столь внушительных объемов инвестиций (80 млрд руб.), которые в итоге не привели к достижению главной цели. Вместе с тем признаются и определенные положительные изменения по ряду отдельных направлений в результате его выполнения [Тюрина, Ключарев, 2024, с. 80]. В частности, отмечается существенный вклад проекта в модернизацию процесса привлечения иностранных студентов [Вузы из проекта «5–100»..., 2021] и увеличения их доли в общей численности контингента. Уже к 2019 г. она достигла в вузах-участниках уровня в 16,5%, превысив проектируемый показатель и увеличившись относительно значений 2013 г. в 2,6 раза [Николаев, 2022, с. 153–154].

Следует также отметить запланированный на 2017–2025 гг. приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», ориентированный на повышение привлекательности российских образовательных программ, выведение на качественно новый уровень условий пребывания иностранных обучающихся в России, а также формирование и закрепление «бренда» российского образования на мировом рынке [Утвержден паспорт приоритетного проекта..., 2017]. Предполагается, что намеченные меры приведут и к увеличению выручки, получаемой от российского экспорта образовательных услуг. Поэтому в число целевых показателей наряду с увеличением общей численности иностранных граждан, обучающихся в вузах России (до 710 тыс. человек), входит и финансовый коэффициент проектируемого внебюджетного дохода (373 млрд руб.).

Проект предусматривает разработку и введение в эксплуатацию функциональной модели по привлечению иностранных абитуриентов в российские вузы, развитие новых форм образовательных программ (в том числе реализуемых на иностранных языках, с применением современных телекоммуникационных и цифровых технологий, сочетающих академическую и туристическую активности и т.д.), совершенствование нормативно-правовой базы регулирования приема и пребывания иностранных студентов в России, а также повышение осведомленности мирового сообщества о возможностях и достижениях российского образования. Вместе с тем проект критиковался за «технократический и прагматический детерминизм», развившийся в излишней формализации проектируемых результатов, а его количественные целевые показатели рискуют не быть достигнутыми (о чем речь пойдет ниже). Тем не менее его принятие признано важным и перспективным шагом на пути реформирования высшей школы в контексте необходимости ее адаптации к меняющейся конъюнктуре [Береснев, Жалин, Слизовский, 2017, с. 368].

Еще одной важной правительственной мерой, направленной на решение задач по улучшению восприятия и популяризации российской системы образования за рубежом, является недавно завершившийся федеральный проект «Экспорт образования», выступавший составной частью более объемного национального проекта «Образование» (сроки реализации: 2019–2024 гг.) [Паспорт национального проекта ..., 2018]. Достичь поставленную

перед проектом цель предполагалось за счет более широкого информирования иностранной аудитории об академических возможностях в России (создание специализированных сайтов), развития университетской инфраструктуры (строительство новых студенческих городков), совершенствования механизмов привлечения иностранных талантов (расширение отбора на обучение в России по итогам международных олимпиад и конкурсов до 20% от общего числа принятых в пределах квоты) [Погорельская, Дериглазова, 2024, с. 112–113].

Примечательно, что в части целевого показателя по численности иностранных обучающихся проектируемые результаты в рамках данного комплекса мер к моменту завершения срока их реализации были снижены относительно принятого ранее проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» на 175 тыс. человек. В рамках проекта «Экспорт образования» планировалось довести численность иностранных студентов в российских образовательных организациях до 425 тыс. человек к 2024 г., в то время как по проекту «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» она должна была составить 600 тыс. человек.

Наконец, одной из последних инициатив, входящих в рассматриваемое направление государственной политики, является федеральный проект «Россия – привлекательная для учебы и работы страна», реализуемый под эгидой Минэкономразвития с 2021 г. в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Данная инициатива, ориентированная главным образом на привлечение в Россию талантливой молодежи и квалифицированных кадров из-за рубежа, предполагает осуществление комплекса мер по стимулированию образовательной миграции. В том числе в рамках федерального проекта оказывается грантовая поддержка иностранным студентам. Несмотря на то что фактическая имплементация данной меры неоднократно переносилась (первоначально ее запуск планировался на 2022 г. [Минобрнауки разработает новую ..., 2021]), в 2025 г. двум тысячам иностранных студентов будет выделено финансирование из бюджета по грантам. Предоставление гранта предполагает не только покрытие расходов на обучение, но и предусматривает оплату перелета, проживания и медицинской страховки, а также выплату повышенной ежемесячной стипендии. Минобрнауки России планирует постепенно наращивать количество выделяемых грантов в рамках данной инициативы до 5 тыс. в 2028 г. [Россия в 2025 году выделит ..., 2025].

Важно заметить, что в последние годы все более заметную роль в стимулировании российского экспорта образовательных услуг играет Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств (СНГ), соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Агентство не только организует первый этап отбора иностранных граждан на обучение в российских образовательных организациях, проводимый на территории иностранных

государств (совместно с Министерством иностранных дел РФ и Минобрнауки России). Оно также на ежегодной основе проводит массовые информационно-просветительские мероприятия, нацеленные на популяризацию российского высшего образования за рубежом. Так, в 2023 г. под общей координацией Россотрудничества было организовано более 30 выставок-ярмарок с участием российских образовательных организаций (общим охватом свыше 120 тыс. участников), 10 из которых состоялись на территории семи государств – участников СНГ [Доклад о результатах деятельности ..., 2024]. В 2024 г. число подобных мероприятий незначительно снизилось – таковых было проведено 27. Однако расширилась их география: образовательные выставки с участием столичных и региональных российских вузов были проведены в 18 странах Европы, Азии, Африки и Южной Америки [Доклад о результатах деятельности ..., 2025]. Также в 2024 г. в рамках проведения отборочных мероприятий для кандидатов на обучение в пределах квоты Россотрудничеством были организованы олимпиады по русскому языку для школьников и студентов. Мероприятия прошли во Вьетнаме, Азербайджане и Конго, совокупное число участников составило порядка 14 тыс. человек [Доклад о результатах деятельности ..., 2025].

Наряду с Россотрудничеством, следует отметить Ассоциацию «Глобальные университеты», деятельность которой также ориентирована на укрепление позиций российских образовательных организаций на мировом рынке. Ассоциация была учреждена Минобрнауки России в 2014 г. с целью консолидации усилий университетов-участников для достижения ими международной конкурентоспособности. Сегодня в объединение входит 24 российских вуза [Об Ассоциации, 2025; Дмитрий Чернышенко ..., 2025]. С 2017 г. Ассоциация проводит для иностранных абитуриентов международную олимпиаду OpenDoors (более 10 профилей), призеры и победители которой получают возможность обучаться в Российской Федерации на уровне бакалавриата, магистратуры или аспирантуры за счет бюджетных средств в пределах квоты Правительства (без необходимости проходить вступительные испытания) [Об Олимпиаде]. В 2024 г. ее участниками стали порядка 150 тыс. человек, география охватила 185 стран, а общее число победителей и призеров по трекам превысило 6 тыс. человек [Дмитрий Чернышенко ..., 2025].

Опираясь на совокупность представленных выше фактов, можно заключить, что привлечение иностранных обучающихся в российские образовательные организации во второй декаде XXI в. стало все чаще находиться в фокусе внимания государственной политики России. Возрастает количество мер, нацеленных на раскрытие экспортного потенциала российской системы образования. Данное направление деятельности все чаще выделяется в качестве отдельного и самостоятельного в различных государственных инициативах, проектах и программах. Следует отметить определенную активизацию работы по данному треку после 2015 г. Обращает на себя внимание смена целеполагания государственной поддержки экспорта высшего

образования. Если ранее оно рассматривалось в большей степени с политической точки зрения – как действенный инструмент «мягкой силы», – то теперь в нем прослеживается явный экономический мотив [Погорельская, Дериглазова, 2024, с. 114–115]. Кроме того, все более отчетливой становится эволюция инструментария, используемого для стимулирования российского образовательного экспорта. Точечная поддержка конкретных университетов (как это было, например, в рамках Проекта 5–100) сменяется более комплексными, ориентированными на широкий перечень участников и направлений деятельности мерами. Акцент постепенно смещается в сторону все более широкого привлечения в Россию иностранных талантов, оказания им всесторонней адресной поддержки. Это указывает не только на довольно успешную адаптацию государственной политики по международному сотрудничеству в сфере образования к рыночным реалиям, но и на более четкую расстановку ее приоритетов, ориентированных на постепенный переход количественных показателей в качественные.

Количественные показатели российского экспорта услуг высшего образования и его экономические эффекты

С целью оценки текущего состояния российского экспорта образовательных услуг, выявления тенденций и направлений в его развитии, а также определения характера и степени влияния на него государственной политики представляется обоснованным обратиться к ряду количественных показателей. Среди них наиболее важными являются динамика приема и численности иностранных граждан в образовательных организациях Российской Федерации в абсолютных и относительных величинах. Для анализа экономического эффекта, производимого экспортом образовательных услуг высшего образования из России, предлагается обратиться к динамике доходов образовательных организаций, получаемых из иностранных источников, и расчету усредненных показателей притока иностранного капитала, ввозимого в Российскую Федерацию иностранными студентами.

На протяжении последнего десятилетия число иностранных граждан, поступающих на обучение в образовательные организации Российской Федерации, последовательно увеличивалось, несмотря на незначительные колебания, наблюдаемые в некоторые годы (2016, 2017 и 2020 гг.). Это наглядно демонстрируют статистические данные, графически представленные на рисунке 1. Если на начало рассматриваемого периода совокупная величина приема в абсолютном значении составляла 88,7 тыс. человек, то к 2024 г. она увеличилась на 53%, достигнув показателя в 135,9 тыс. человек. В среднем в 2015–2024 гг. доля иностранных абитуриентов в общем приеме составляла 8,7%.

Примечательно, что динамика приема иностранных граждан отличалась большей устойчивостью на фоне суммарного коэффициента приема, учитывающего как численность поступающих из числа имеющих граж-

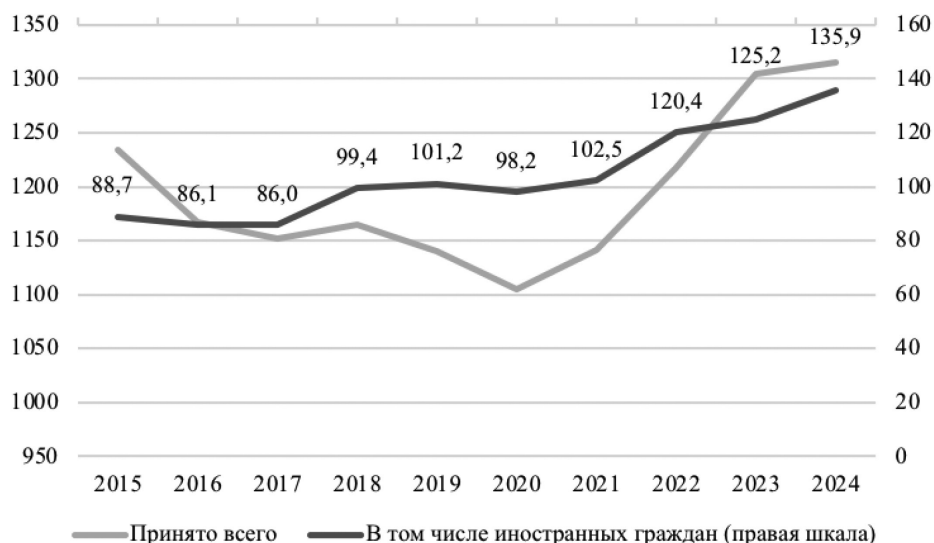

Рис. 1. Динамика приема на обучение по программам высшего образования (бакалавриата, специалитета, магистратуры) в России, тыс. человек

Составлено автором по: [Форма № ВПО-1 ... , 2025; Форма № ВПО-1 ... , 2024; Форма № ВПО-1 ... , 2023; Форма № ВПО-1 ... , 2022; Форма № ВПО-1 ... , 2021; Форма № ВПО-1 ... , 2020; Форма № ВПО-1 ... , 2019; Форма № ВПО-1 ... , 2018; Форма № ВПО-1 ... , 2017; Форма № ВПО-1 ... , 2016].

данство России, так и относящихся к иностранным гражданам. Общая численность студентов, поступающих на первый курс, сокращалась с 2015 по 2020 гг. и на минимуме потеряла более 10% от базового значения (1,23 млн человек в 2015 г. против 1,1 млн человек в 2020 г.). Однако после, в 2021–2024 гг. продемонстрировала уверенный рост до уровня в 1,31 млн человек (рис.1).

Очевидно, что действовавшие в связи с пандемией COVID-19 ограничения, сопряженные в том числе с необходимостью трансформации процессов в рамках приемных кампаний, не оказали существенного влияния на динамику поступления иностранных граждан в российские вузы. Это указывает на достаточно высокий уровень гибкости и адаптивности высшей школы, ее способность к оперативному налаживанию деятельности в новых реалиях.

Изменение геополитического контекста вокруг России, связанное с началом Специальной военной операции на Украине в 2022 г., также не повлекло за собой снижения численности иностранных абитуриентов российских университетов. Напротив, она даже увеличилась по сравнению с предыдущим 2021 г.: рост составил порядка 20%, рассматриваемый по-

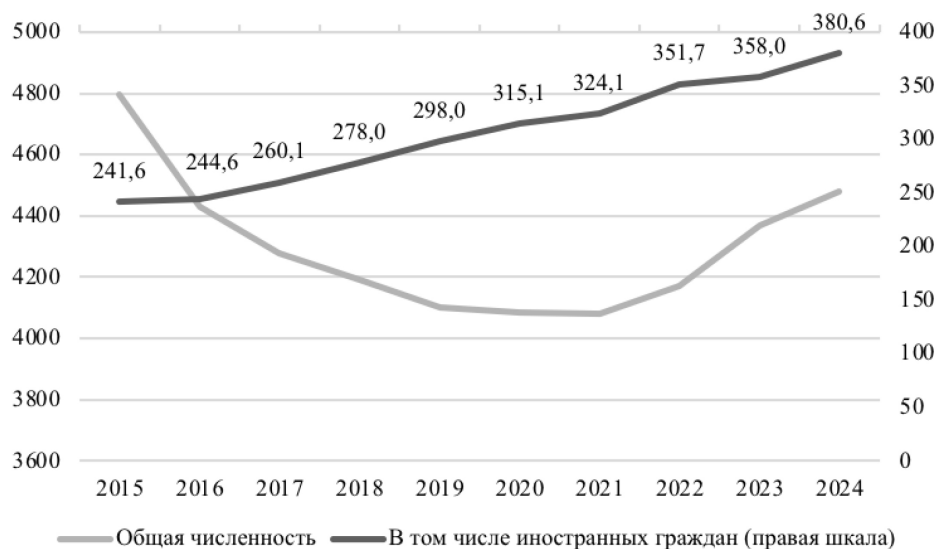

Рис. 2. Изменение численности студентов, обучающихся по программам высшего образования (бакалавриата, специалитета, магистратуры) в России, тыс. человек.

Составлено автором по: [Форма № ВПО-1 ... , 2025; Форма № ВПО-1 ... , 2024; Форма № ВПО-1 ... , 2023; Форма № ВПО-1 ... , 2022; Форма № ВПО-1 ... , 2021; Форма № ВПО-1 ... , 2020; Форма № ВПО-1 ... , 2019; Форма № ВПО-1 ... , 2018; Форма № ВПО-1 ... , 2017; Форма № ВПО-1 ... , 2016].

казатель увеличился со 102,5 тыс. до 120,4 тыс. человек (рис. 1). В данном контексте важно заметить, что в 2022 г. для абитуриентов из числа граждан Донецкой и Луганской Народных Республик (на момент проведения приемной кампании 2022/23 уч. г. еще не вошедших в состав Российской Федерации), а также из числа граждан Украины предусматривалась возможность поступления в российские образовательные организации в рамках квоты Правительства [Абитуриенты из Донбасса ..., 2022].

Вместе с увеличением показателей приема растет и численность иностранных студентов, обучающихся в образовательных организациях Российской Федерации (рис. 2). За период с 2015 по 2024 гг. данный параметр прибавил практически 60% своего базового значения (в абсолютных величинах – 139 тыс. человек) и достиг отметки в 380,63 тыс. человек (рис.2).

Достигнутое не соответствует целевым показателям проектов «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (проектируемое значение на 2024 г. – 600 тыс. обучающихся) и «Экспорт образования» (проектируемое значение – 425 тыс. обучающихся). Тем не менее оно представляется вполне ощутимым успехом в деле развития экспорта российского высшего образования, поскольку не только демонстрирует кратное уве-

личение численности иностранного контингента, но и указывает на общую устойчивость и положительную направленность анализируемой динамики.

Численность иностранных студентов в России в 2016–2024 гг. в среднем увеличивалась на 5% ежегодно. Причем удельный вес иностранных граждан в общем количестве обучающихся вырос с 5% в 2015 г. до 8,5% в 2024 г. В совокупности это указывает на возрастающий интерес иностранцев к получению высшего образования в России (рис. 2). Следует также учитывать тот факт, что в рассматриваемую статистику входят только студенты, обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Учащиеся из числа аспирантов, ординаторов, ассистентов-стажеров и адъюнктов в ней не учитываются. В связи с чем успех в достижении цели проекта «Экспорт образования» предстоит переоценить с поправкой на величину этих категорий обучаемых. В общем наблюдаемая динамика демонстрирует скорее не контрпродуктивность мер поддержки и содействия образовательному экспорту, сколько завышенный характер ожиданий, связанных с эффектами от их реализации.

Валовый объем денежных средств, полученный российскими образовательными организациями от образовательной деятельности в сфере высшего образования из иностранных источников, фактически можно рассматривать в качестве индекса экспорта услуг образования. За период с 2015 по 2023 гг. он составил 139,52 млрд руб. (рис. 3). При этом следует отметить неуклонный характер роста доходности данного вида деятельности. Средние темпы его увеличения составили в рассматриваемом временном интервале 23,6% год к году, зафиксирован эпизод достижения уровня в 36% год к году (2019 г.).

Базовое значение рассматриваемого показателя составляло в 2015 г. 5,74 млрд руб., что равнялось немногим более 0,7% от общего объема средств образовательных организаций, полученных от всех видов деятельности и из всех источников. Отчетный на конец рассматриваемого периода коэффициент, в свою очередь, остановился на уровне 31,1 млрд руб. (2,25% от валового объема денежных средств – 1,381 трлн руб.), увеличившись за девять лет более чем в пять раз. Несмотря на то, что доходы от экспорта образования все еще составляют лишь весьма незначительную часть совокупных финансовых поступлений в образовательные организации, увеличение их удельного веса указывает на возрастающую роль данного вида деятельности в экономической модели отечественной высшей школы.

Важно также заметить, что согласно экспертной оценке затраты иностранных студентов непосредственно на образование составляют лишь порядка трети их совокупных расходов в стране пребывания [Погорельская, Дериглазова, 2024, с. 108]. Опираясь на эти данные и беря в расчет определенную выше сумму доходов университетов, полученных из иностранных источников по статье «образовательная деятельность по программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура)», равнявшуюся в 2023 г. 31,1 млрд руб., можно заключить, что общий объем мигрировавшего вместе с иностранными студентами капитала из-за рубежа в Россию за указанный период составил более 90 млрд руб.

Рис. 3. Изменение объема средств, полученных образовательными организациями России от образовательной деятельности по программам высшего образования (бакалавриата, специалитета, магистратуры) из иностранных источников

Составлено автором по: [Форма № ВПО-2 ... , 2024; Форма № ВПО-2 ... , 2023; Форма № ВПО-2 ... , 2022; Форма № ВПО-2 ... , 2021; Форма № ВПО-2 ... , 2020; Форма № ВПО-2 ... , 2019; Форма № ВПО-2 ... , 2018; Форма № ВПО-2 ... , 2017; Форма № ВПО-2 ... , 2016].

Несколько большие результаты дает подсчет, произведенный на основании данных о среднемесечном объеме трат студентов в России. Согласно недавнему исследованию, проведенному Т-банком, таковые составляют в среднем порядка 33 тыс. руб. ежемесячно [Исследование показало ... , 2025], что в совокупности дает 396 тыс. руб. в год. При общем контингенте иностранных студентов, обучающихся на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры по договорам об оказании платных образовательных услуг, в 250 869 человек (по состоянию на 2023 г.) одни лишь их расходы, напрямую не связанные с обучением, должны составить около 100 млрд руб. Если включить в статистику еще 107 123 иностранных студента, обучающихся за счет средств бюджетов различных уровней, данная сумма возрастет до 141,7 млрд руб.

Таким образом, валовый объем средств, привнесенных в экономику России иностранными студентами в 2023 г., должен составить около 172,8 млрд руб. В любом случае становится очевидным ощутимый экономический эффект от прибытия в страну иностранных студентов, существен-

но сказывающийся не только на доходах вузов, но и на экономике принимающих городов и регионов.

Кроме того, благодаря недавним поправкам в Закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ», иностранные студенты, обучающиеся в российских образовательных организациях, получили возможность трудоустраиваться на работу в упрощенном порядке в свободное от учебы время. Данная процедура не требует от соискателя вакансии получения специального разрешения или патента, достаточно представить справку из университета [Николаев, 2022, с. 153–154].

Заключение

В последние годы содействие раскрытию экспортного потенциала системы образования стало неотъемлемой частью государственной политики Российской Федерации. Начиная со второй декады XXI в. Правительство предпринимает активные усилия по приданию динамики данному направлению внешнеторговой активности. Крупные государственные инициативы, рассмотренные в основной части исследования, хотя и не достигли всех заявленных целей, внесли существенный вклад в повышение конкурентоспособности отечественного высшего образования на мировом рынке, способствовали росту его престижа за рубежом и более широкой информированности мировой общественности о возможностях и достижениях отрасли.

Минувшее десятилетие означилось смещением стержневого содержания, вкладываемого властями в понятие «экспорт услуг образования». Из политической плоскости оно переместилось в плоскость экономическую. Образовательные услуги в настоящее время рассматриваются не только как действенный элемент «мягкой силы», но и как значительный источник дохода, способный повысить благополучие не только системы образования, но и экономики страны в целом. При этом риск избыточной коммерциализации отрасли, вызывающий дискуссии о снижении качества образования в угоду получения университетами большего дохода, представляется возможным нивелировать за счет привлечения талантливой иностранной молодежи.

Проанализированные количественные показатели российского экспорта услуг высшего образования хоть и не демонстрируют «взрывного» роста, свидетельствуют в пользу устойчивости его характера. Даже в моменты кризисов мирового масштаба российское высшее образование не только не теряет, но обретает все большую популярность в глазах иностранцев. Оно все в большей степени рассматривается как перспективное направление развития несырьевого экспорта, что особенно актуально в текущих геополитических условиях. Однако инструментарий его поддержки со стороны государства необходимо совершенствовать и далее, чтобы достигнутые успехи могли быть надежно закреплены и эффективно развиты.

В ближайшие годы, в связи с запланированным возвращением к национальной системе уровней образования, экспорт услуг данной сферы скорее

всего столкнется с дополнительными трудностями. Необходимо обеспечить плавность и последовательность данного перехода, предусматривающие своевременную адаптацию всех сторон взаимодействия к новым реалиям. Ощутимый вклад в решение поставленной задачи может внести информационно-разъяснительная работа по уже сложившимся каналам коммуникации с иностранными абитуриентами, которые следует перманентно расширять и совершенствовать. Значительный потенциал также сохраняет развитие новых форм экспорта образования и создание более широких возможностей по закреплению квалифицированных иностранных специалистов в России.

Список литературы

1. Абитуриенты из Донбасса могут поступить в любой российский вуз // Минобрнауки России. – 2022. – 04.07. – URL: clck.ru/3Mj2pw (дата обращения 15.06.2025).
2. Береснев Д.Н., Жалин В.А., Слизовский Д.Е. Политика Российской Федерации по повышению экспортного потенциала системы образования: риски и возможности старта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2017. — Т. 19, № 4. – С. 366–378.
3. Булетова Н.Е. Оценка уровня развития «экономики знаний» в субъектах Российской Федерации: структурно-ранговый подход // Экономическая безопасность. – 2022. — Т. 5, № 4. – С. 1225–1246.
4. Всемирная конференция ЮНЕСКО в Барселоне определит будущее высшего образования // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. – 2022. – 18.05. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1423732> (дата обращения 15.06.2025).
5. Вузы из проекта «5–100» так и не вошли в топ-100 международных рейтингов: Какие причины не позволили до конца выполнить указ Путина // РБК. Инвестиции. – 2021. – 18.02. – URL: <https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/602cbddf9a7947765cbb58e5> (дата обращения 15.06.2025).
6. Глобальные вопросы повестки дня. Беженцы // ООН: официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/refugees> (дата обращения 15.06.2025).
7. Дмитрий Чернышенко: Представители 185 стран приняли участие в олимпиаде ассоциации «Глобальные университеты» для поступления в вузы РФ // Минобрнауки России. – 2025. – 04.03. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/95974/> (дата обращения 15.06.2025).
8. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2024 год / Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. – Москва, 2025. – 45 с. – URL: https://rs.gov.ru/app/uploads/2025/04/drond-za-2024_dlya-razmeshheniya_aprel-2025.pdf (дата обращения 15.06.2025).
9. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2023 год / Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. – Москва, 2024. – 38 с. – URL: <https://rs.gov.ru/app/uploads/2024/04/drond-2023-dlya-razmeshheniya.pdf> (дата обращения 15.06.2025).

10. Доклад Специального докладчика по вопросу о праве на образование // ООН. Генеральная Ассамблея. – 2018. – 27.07. – 29 с. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/241/73/pdf/n1824173.pdf> (дата обращения 15.06.2025).
11. Ерохин В.В. Ценность знаний в эпоху экономики знаний // Экономика науки. – 2025. – Т. 1, № 1. – С. 39–49.
12. Жидков А.С. Концепция общественного блага и развитие сферы услуг // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2017. – № 4(23). – С. 46–54.
13. Ивахнюк И.В. Образовательная миграция: опыт СССР // РСМД. Аналитика и комментарии. – 2025. – 27.05. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovatel'naya-migratsiya-opyt-sssr/> (дата обращения 15.06.2025).
14. Исследование показало, сколько студенты тратят в месяц и на что // РБК. – 2025. – 09.04. – URL: <https://www.rbc.ru/society/09/04/2025/67f5e1369a7947595e355b9b> (дата обращения 15.06.2025).
15. Ключарев Г.А., Неверов А.В. Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2018. – № 1, Т. 18. – С. 100–116.
16. Минобрнауки разработает новую грантовую систему поддержки для студентов из-за рубежа // ТАСС. – 2021. – 15.10. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12673349> (дата обращения 15.06.2025).
17. Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 2. – С. 149–166.
18. Об Ассоциации // Ассоциация «Глобальные университеты»: официальный сайт. – URL: <https://globaluni.ru/#/about> (дата обращения 15.06.2025).
19. Об Олимпиаде // OpenDoors. Russian Scholarship Project. “Global Universities” Association. – URL: <https://od.globaluni.ru/> (дата обращения 15.06.2025).
20. Паспорт национального проекта «Образование». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 24.12.2018 № 16 // Минобрнауки России. – 2018. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения 15.06.2025).
21. Утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» в редакции протокола от 30.05.2017 // Правительство России. – 2017. – URL: <http://government.ru/projects/selection/653/28013/> (дата обращения 15.06.2025).
22. Погорельская А.М., Дериглазова Л.В. Экспорт российского высшего образования как услуги: инструменты и текущие результаты // Высшее образование в России. – 2024. – № 10, Т. 33. – С. 104–125.
23. Постановление Правительства РФ от 18.12.2020 № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Гарант: справочно-правовая система. – 2020. – URL: <https://base.garant.ru/75091924/> (дата обращения 15.06.2025).
24. Постановление Правительства РФ от 25.08.2008 № 638 «О сотрудничестве с зарубежными странами в области образования» // Гарант: справочно-правовая система. – 2008. – URL: <https://base.garant.ru/5757616/> (дата обращения 15.06.2025).
25. Постановление Правительства РФ от 25.04.1995 № 418 «О концепции государственной политики поддержки партнерства образовательных учреждений Российской Федерации

- и зарубежных учебных заведений, созданных при содействии СССР» // Гарант: справочно-правовая система. – 1995. – URL: <https://base.garant.ru/1582881/> (дата обращения 15.06.2025).
26. Постановление Правительства РФ от 04.11.2003 № 668 «О сотрудничестве с зарубежными странами в области образования» // Гарант: справочно-правовая система. – 2003. – URL: <https://base.garant.ru/12133082/> (дата обращения 15.06.2025).
27. Постановление Правительства РФ от 08.10.2013 № 638 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Гарант: справочно-правовая система. – 2013. – URL: <https://base.garant.ru/70468236/> (дата обращения 15.06.2025).
28. Путин назвал число санкций, введенных против России // РИА Новости. – 2025. – 18.03. – URL: <https://ria.ru/20250318/putin-2005735698.html> (дата обращения 15.06.2025).
29. Россия в 2025 году выделит 2 тысячи грантов иностранным студентам // Интерфакс. – 2025. – 21.03. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1015890> (дата обращения 15.06.2025).
30. Тюрина И.О., Ключарев Г.А. Итоги проекта «5-100»: проекция на трудоустройство выпускников // Социологические исследования. – 2024. – № 9. – С. 79–88.
31. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Гарант: справочно-правовая система. – 2012. – URL: <https://base.garant.ru/70170946/> (дата обращения 15.06.2025).
32. Филиппова М.Ю. Экспорт образования как правовое явление // Вестник Академии права и управления. – 2019. – № 1(54). – С. 39–45.
33. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2024 год // Минобрнауки России. – 2025. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/12/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%92%D0%9F%D0%9E-1%202024%20%D0%B3.zip> (дата обращения 15.06.2025).
34. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2023 год // Минобрнауки России. – 2024. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/12/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%92%D0%9F%D0%9E-1%202023%20%D0%B3.zip> (дата обращения 15.06.2025).
35. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2022 год // Минобрнауки России. – 2023. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/12/%D0%92%D0%9F%D0%9E-1%202022.zip> (дата обращения 15.06.2025).
36. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2021 год // Минобрнауки России. – 2022. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/12/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%92%D0%9F%D0%9E-1%202021%20%D0%B3.zip> (дата обращения 15.06.2025).

37. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2020 год // Минобрнауки России. – 2021. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2020/12/VPO-1_za_2020_g.zip (дата обращения 15.06.2025).
38. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2019 год // Минобрнауки России. – 2020. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO-1_za_2019_g.rar (дата обращения 15.06.2025).
39. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2018 год // Минобрнауки России. – 2019. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO_1_2018.rar (дата обращения 15.06.2025).
40. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2017 год // Минобрнауки России. – 2018. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO_1_2017.zip (дата обращения 15.06.2025).
41. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2016 год // Минобрнауки России. – 2017. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/%D0%A1%D0%92%D0%9E%D0%94_%D0%92%D0%9F%D0%9E-1_2016.rar (дата обращения 15.06.2025).
42. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2015 год // Минобрнауки России. – 2016. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO_1_2015.rar (дата обращения: 15.06.2025).
43. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2023 год // Минобрнауки России. – 2024. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/07/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%D0%92%D0%9F%D0%9E-2%D0%B7%D0%B0%202023%D0%B3.zip> (дата обращения 15.06.2025).
44. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2022 год // Минобрнауки России. – 2023. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/06/%D0%A1%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%B7%D0%B0%202022%D0%B3.zip> (дата обращения 15.06.2025).
45. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2021 год // Минобрнауки России. – 2022. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO-2_2021.zip (дата обращения 15.06.2025).

- minobrnauki.gov.ru/upload/2022/10/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%92%D0%9F%D0%9E-2%20%D0%B7%D0%B0%202021%20%D0%B3%20%D0%B2.2.zip (дата обращения 15.06.2025).
46. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2020 год // Минобрнауки России. – 2021. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/files/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%92%D0%9F%D0%9E-2%20%D0%B7%D0%B0%202020%20%D0%B3.zip> (дата обращения 15.06.2025).
47. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2019 год // Минобрнауки России. – 2020. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/svody_VPO-2_zh_2019_g.zip (дата обращения 15.06.2025).
48. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2018 год // Минобрнауки России. – 2019. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/Svody_VPO-2_zh_2018_g.zip (дата обращения 15.06.2025).
49. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2017 год // Минобрнауки России. – 2018. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO-2_2017.rar (дата обращения 15.06.2025).
50. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2016 год // Минобрнауки России. – 2017. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO-2_2015.rar (дата обращения 15.06.2025).
51. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». Сведения за 2015 год / Минобрнауки России. – 2016. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/VPO-2_2015.rar (дата обращения: 15.06.2025).
52. Шибанова Е.Ю., Платонова Д.П., Лисюткин М.А. Проект 5-100: динамика и паттерны развития университетов // Университетское управление: практика и анализ. – 2018. — Т. 22, № 3. – С. 32–48.
53. Шилова Е.С. Экспорт российского образования в странах БРИКС: тенденции и перспективы в современных условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки. – 2024. – № 1. – С. 7–26.
54. Шумилова А.С. Формирование и развертывание системы обучения иностранных студентов в вузах Советского Союза // Журнал российских исследований. – 2022. – № 7. – С. 53–65.
55. What you need to know about higher education // UNESCO. – 2025. – 23.06. – URL: <https://www.unesco.org/en/higher-education/need-know#:~:text=Some%20254%20million%20students%20are,and%20is%20set%20to%20expand> (дата обращения 15.06.2025).

Статья получена: 22.06.2025

Одобрена к публикации: 21.07.2025.

О.В. Бахлова, В.Г. Ершова*

**ПРОЕКТЫ И ИНИЦИАТИВЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
РОССИИ И БЕЛОРУССИИ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В статье анализируется содержание программных позиций ведущих политических партий стран – участниц Союзного государства в сфере образования. Исследование базируется на совокупности материалов официальных партийных сайтов и союзных интернет-ресурсов. Охарактеризованы ключевые партийные проекты, показаны особенности интерпретации партиями интеграционных научно-образовательных задач в рамках работы их представителей в комиссиях Парламентского Собрания. Артикулированы отсылки к повышению конкурентоспособности, внедрению инноваций, достижению социального благополучия, социально-экономической модернизации, безопасности на национальном и союзном уровнях. Предложены меры по расширению функционала общественных объединений в формировании единого научно-образовательного пространства России и Белоруссии.

Ключевые слова: единое образовательное пространство; социально-экономическая модернизация; союзное строительство; политические партии; Россия; Белоруссия.

* **Бахлова Ольга Владимировна**, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия); olga.bahlova@mail.ru

Bakhlova Olga, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor of the Department of General history, political science and area studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia); olga.bahlova@mail.ru

Ершова Валентина Геннадьевна, аспирант, преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва; valentina.ushkina2017@gmail.com

Ershova Valentina, Postgraduate student, Lecturer of the Department of General history, political science and area studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia); valentina.ushkina2017@gmail.com

Для цитирования: Бахлова О.В., Ершова В.Г. Проекты и инициативы политических партий России и Белоруссии в сфере образования // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 57–74.

O.V. Bakhlova, V.G. Ershova
Projects and initiatives of political parties of Russia and Belarus
in the field of education

Abstract. The article analyzes the content of the programmatic positions of the leading political parties of the member countries of the Union State in the field of education. The study is based on a collection of materials from official party websites and allied Internet resources. The key party projects are characterized, the peculiarities of the parties' interpretation of integration scientific and educational tasks within the framework of the work of their representatives in the commissions of the Parliamentary Assembly are shown. References are articulated to increasing competitiveness, introducing innovations, achieving social well-being, socio-economic modernization, and security at the national and union levels. Measures are proposed to expand the functionality of public associations in the formation of a common scientific and educational space in Russia and Belarus.

Keywords: common educational space; socio-economic modernization; union building; political parties; Russia; Belarus.

For citation: Bakhlova O.V., Ershova V.G. Projects and initiatives of political parties of Russia and Belarus in the field of education // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 57–74.

Введение

Образование в современных условиях является важным ресурсом поступательного развития личности, общества, всей страны. И это касается не только раскрытия потенциала и обеспечения социально-экономической модернизации, но и многих других сторон и сфер жизнедеятельности. Образование также небезосновательно воспринимается как один из инструментов успешной реализации внешней политики, достижения национальных интересов и высоких темпов экономического роста. Распространено его понимание в контексте продвижения «мягкой силы» государства, укрепления его влияния и позиций на международной арене [Бобыло, 2018; Исаев, Матвиенко, 2020]. «Мягкая сила», прежде всего, интерпретируется в системе координат налаживания, выстраивания и расширения социально-экономической кооперации (сотрудничества) [Най, 2023; Нье, 2008]. Полагаем, уместно рассматривать образование как ее важную составляющую и в ракурсе интеграционного взаимодействия. Например, с позиций парадигмы «политического объединения» А. Этzioni, в которой речь идет о нормативной силе и проинтеграционных факторах [Etzioni, 2001]. К числу подобных факторов можно по праву отнести и сходство систем образования, базирующихся на общих аксиологических началах.

Особое значение в анализируемой плоскости имеет Союзное государство России и Беларуси (СГ, Союзное государство). Один из актуальных ориентиров СГ – формирование единого/общего/союзного научно-образовательного пространства. В последнее время характерными становятся акценты на формировании новой стратегии развития образования в ситуации беспрецедентных вызовов государственности стран-участниц СГ извне, на ключевой роли системы образования в защите экономического, технологического, духовного и культурного суверенитета СГ. Представителями политического сообщества, органов государственной власти Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ) подчеркиваются фундаментальность, широта охвата и социальная направленность реализуемых программ и инициатив в данной области. Так, министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков, отмечая интенсивность российско-белорусских контактов, насыщенность вопросов научно-технологической повестки, признает союзное строительство основой безопасности и долгосрочной стабильности взаимоотношений [Россия и Белоруссия ..., 2022]. Министр образования РБ А. И. Иванец указывает на их связь с обеспечением «достойного будущего наших молодых граждан» [В Союзном государстве ..., 2022].

Проводится подобное сопряжение и в интеграционных актах и документах. Например, формирование единого образовательного пространства СГ в общем русле его научно-технологического развития предполагает обеспечение независимости и конкурентоспособности государств – участников Договора о создании Союзного государства 1999 г. [О Стратегии ..., 2024]. Однако в целом состояние союзной нормативной базы не вполне отвечает требованиям и вызовам современности. В том числе понятие «единое образовательное пространство» отсутствует в Декрете Высшего Государственного Совета (ВГС) от 29 января 2024 г., хотя образование включено в более широкий социально-гуманитарный блок (9-е направление) [Об основных ..., 2024]. Между тем именно этот документ закрепляет ключевые направления интеграционного развития СГ на среднесрочную перспективу.

Главную роль в продвижении самой идеи интеграции в научно-образовательной сфере, аргументации концептуальных подходов и внедрении совместных практик играют национальные и союзные институции. Пожалуй, определяющими до сих пор остаются межведомственные контакты. Основной инструмент согласования позиций – совместные заседания коллегий Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства просвещения РФ, Министерства образования РБ, Государственного комитета по науке и технологиям РБ. Также осуществляются совместные планы мероприятий на двухлетний период. В частности, в Плане на 2023–2024 гг. предусматривались такие направления, как воспитательная работа, совершенствование системы обучения, проведение патриотических мероприятий, кадетское образование. Намечено создание белорусско-российского ресурсного центра по научно-методическому сопровождению педагогических классов [В 2023–2024 ..., 2023].

Вовлекаются и иные участники – образовательные учреждения, научное и экспертное сообщество, общественные объединения. Весьма значима, например, деятельность ассоциаций вузов и школ России и Беларуси. Принимаются новые решения подобного плана (о создании Ассоциации средних специальных учебных заведений, Университета высоких технологий СГ и пр.). Полагаем, особую лепту в общее дело могут внести и политические партии обеих стран, предлагающие свое видение проблем и перспектив развития образовательных систем, путей и методов их совершенствования и пр. Преимущественно партийная деятельность затрагивает национальный уровень, но вместе с тем проецируется и на интеграционное взаимодействие. Ведущие партии России и Белоруссии, как и другие социально-политические акторы и агенты, пытаются реагировать на вызовы, стоящие перед СГ, формулируя определенное понимание насущных интеграционных задач в разных сферах. Цель настоящей статьи – охарактеризовать содержание программных позиций и предложений политических партий РФ и РБ в сфере образования с учетом общесоюзных и внутригосударственных приоритетов, а также потребностей социально-экономической модернизации, общенациональной консолидации, обеспечения безопасности и укрепления СГ как интеграционного объединения.

Обзор литературы

Научная литература по проблематике развития научно-образовательной сферы в рамках СГ довольно обширна. При этом следует отметить ее многослойность ввиду артикуляции и нередко – переплетения нескольких фокусных точек, обозначаемых российскими и белорусскими исследователями. Выделим следующие ключевые тематические направления в их работах.

Стратегия развития образования на национальном уровне. Новые реалии внешней и внутренней политики стран обуславливают критический анализ современных концепций и моделей образования с точки зрения их адекватности происходящим изменениям. Для российских и белорусских экспертов типична концентрация на суверенных целях и задачах [Афанасьева, 2024; Варлен, 2023; Дмитриченко, Аванесова, 2024; Климова, Чернышева, Миронов, 2022; Старовойтова, 2022]. В этом свете особо актуализируются образовательный и технологический компоненты суверенитета [Попова, 2024]. Верифицируются перспективы государственной образовательной политики в контексте «третьей миссии» университета, создания необходимых общественных благ и конкурентоспособной системы управления человеческими ресурсами [Черных, Тихоновская, 2021].

Роль институтов гражданского общества в формировании государственной политики в сфере образования [Матюшева, 2024]. Данные вопросы изучаются в том числе через призму углубления кооперации вузов, научных организаций и производственных компаний как необходимого условия для мо-

дернизации экономики и общества. И. Н. Трофимова подчеркивает: масштаб и скорость инновационных эффектов образовательной политики зависят не только от элиты, техно-элиты, но и от широкой поддержки общества [Трофимова, 2021, с. 25–26]. Отдельно отметим обращение российских авторов к роли политических партий в рассматриваемой области. Так, ими констатируется расширение образовательных инициатив Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (ЕР) [Бокова, 2024]. Указывается на выраженную связь образовательной проблематики с поддержанием уровня социальных благ в программах политических партий левого спектра [Галкина, 2020]. Проявляется интерес к сопоставлению проектной деятельности российских и белорусских политических партий [Бахлова, Вагапов, Ершова, 2024].

Евразийское и союзное образовательное пространство. Российские и белорусские авторы склонны анализировать процессы сотрудничества не только на союзном, но и более широком – евразийском пространстве в русле постсоветской и современной социокультурной и геоэкономической трансформации. Ими указывается на неисчерпанность потенциала идеи единого образовательного пространства [Абрамова, 2021; Бахлова, Бахлов, 2024; Гушин, 2023; Корело, 2022; Сергеев, 2024]. Акцентируется необходимость более активного использования высшего образования в качестве одного из ресурсов интеграции. Исследуется его корреляция с экономической составляющей «мягкой силы» и интеграционным потенциалом государств [Золкина, 2022]. Артикулированы проблематика профессиональных компетенций в условиях перехода к Индустрии-4.0, значение развития права в сфере научно-образовательного сотрудничества, официального включения научно-образовательных вопросов в интеграционную повестку [Шугуров, Шугурова, 2020]. Санкционная политика внешних акторов интерпретируется как фактор, побуждающий к углублению интеграционного взаимодействия РФ и РБ в сфере образования [Анопченко, Сурилов, 2023; Сурилов, 2023]. Анализируются программы, призванные повысить привлекательность и конкурентоспособность образования РФ и РБ [Майорова, 2018].

Один из важнейших позитивных моментов – активизация исследовательского интереса к проблематике образования в ракурсе интеграционных процессов. При этом многие авторы справедливо ссылаются на уникальность евразийского и союзного опыта интеграционного развития и все больше отходят от рекомендаций перенимать либо копировать европейскую модель интеграции. Однако далеко не всегда, что касается не только теоретического, но и социально-экономического, а также политического дискурсов, удается найти нужный баланс между требованиями суверенизации и императивами интеграции. Специфика политических систем в целом, партийных систем РФ и РБ, в частности, нередко обуславливает «периферийность» общественных объединений стран – участниц СГ и в теории, и на практике. Их участие в поддержке союзного строительства на разных направлениях нуждается в комплексном изучении.

Материалы и методы

Исследование базируется на материалах следующих интернет-ресурсов: 1) официальных сайтов политических партий РФ и РБ: в первую очередь, источниками служили программные партийные документы, а также информация о проектной деятельности партий; 2) официальных сайтов органов государственной власти РФ и РБ, прежде всего, министерств и ведомств, наделенных компетенцией в образовательной сфере; 3) информационно-аналитического портала СГ и официального сайта Парламентского Собрания Союза Беларуси и России: союзных источниках нормативного характера (преимущественно решениях Высшего Государственного Совета, ВГС) и сообщениях, иллюстрирующих ход и результаты процесса формирования общего научно-образовательного пространства СГ, а также участие в нем политических партий.

Ключевые методы исследования – традиционный неформализованный анализ документов, сравнение, кейс-стади, многоуровневый системный анализ. Были изучены документы, размещенные на указанных интернет-ресурсах. Базовыми критериями отбора документов для анализа выступали верифицируемость (например, принадлежность определенной политической партии) и репрезентативность, содержательная наполненность – наличие категорий и сюжетов, затрагивающих образовательную плоскость. Выявлены главные проблемные смысловые блоки: интерпретация партиями связи научно-образовательных и социально-экономических задач; трактовка ими предпочтительных направлений развития научно-образовательной сферы; видение векторов международного научно-образовательного сотрудничества.

Первостепенное внимание было уделено парламентским партиям РФ (представленным в Государственной Думе Федерального Собрания (ГД ФС) – с учетом итогов думских выборов 2021 г.) и белорусским партиям, имеющим представительство в Национальном собрании (НС) РБ (с учетом итогов парламентских выборов 2024 г.) с концентрацией на ЕР и Белорусской политической партии «Белая Русь» (БР). Обе партии в своих странах либо уже занимают доминирующее положение и обладают конституционным большинством (как ЕР), либо стремятся его занять (как БР). И ЕР, и БР располагают мощным политическим ресурсом – поддержкой действующих глав государств. Кроме того, они проявляют наибольшую активность в проектной плоскости, также весьма активны на региональном и местном уровнях. Партии имеют соглашение о сотрудничестве, что вкупе с названными обстоятельствами позволяет рассчитывать на согласование их позиций по ряду актуальных вопросов союзного строительства, в т. ч. в образовательной плоскости.

Партии рассматриваются как участники сложной, разветвленной системы разноуровневых коммуникаций в национальном и союзном пространствах. Теоретический фундамент – социально-коммуникационный подход

Н. Лумана с акцентом на смысловой коммуникации подсистем (в том числе политики, экономики и образования и пр.) и функциональной дифференциации системы [Луман, 2004; Луман, 2006].

Результаты исследования

Внутригосударственный уровень. Анализ программных документов и проектов ведущих политических партий РФ и РБ позволил определить несколько типичных для них системообразующих смысловых сюжетов в научно-образовательной сфере.

«Единая Россия». В «Народной программе» ЕР фокусная точка – общенациональная повестка развития, вокруг нее выстраиваются основные разделы и блоки [Народная программа ..., 2025]. Вопросы, охватывающие научно-образовательную проблематику, объединены в блок «Современное образование и передовая наука» (раздел «Благополучие людей»). Образование и наука интерпретированы как стратегические ресурсы национального развития. Приоритетом бюджетной политики провозглашено устойчивое, опережающее финансирование этих сфер, увеличение расходов на их развитие с целью обеспечения их конкурентоспособности. Основные ориентиры ЕР раскрываются в рамках 46 конкретных направлений. Они сформулированы кратко, но емко. Социальная составляющая прослеживается вполне ощутимо (предлагается обеспечение всех нуждающихся семей с детьми местами в дошкольных образовательных организациях, сохранение здоровья учащихся, непрерывный рост заработной платы педагогических работников дошкольных организаций и школ и пр.). В целом спектр поднятых в «Народной программе» вопросов довольно широк (от дошкольного образования до среднего профессионального и вузовского), они проецируются на всю систему образования страны. Многие предложения тесно сопрягаются с такими категориями, как «модернизация», «развитие», в том числе: о разработке стандарта «Школа большой страны» с учетом опыта работы центра «Сириус» и других лучших практик; о создании условий для развития цифровой образовательной среды школ; о начале перехода на современную отраслевую модель подготовки рабочих кадров и о превращении региональных университетов в локомотивы технологического и социально-экономического развития территорий; о запуске проекта поддержки передовых инженерных школ; об обеспечении развития университетского технологического предпринимательства и пр. Включено в программу и положение о постоянном совершенствовании условий для международного научно-образовательного сотрудничества и кооперации, однако СГ при этом никак не упоминается. Хотя многие значимые проекты на современном этапе, в том числе в области высоких технологий, реализуются с участием белорусских специалистов, включая проекты, финансируемые из союзного бюджета либо научными фондами РФ и РБ.

Предложения (притом не единичные) в общих рамках анализируемой проблематики включены и в ряд других блоков. Например, в блоке «Хорошая

работа – достаток в доме» говорится о необходимости модернизации системы профессионального образования с учетом новых требований рынка труда. Это же справедливо и для блоков раздела «Сильная Россия». Так, в блоке «Экономика развития» провозглашается задача содействовать структурной трансформации экономики с акцентом на технологический суверенитет. Намечается реализация мер поддержки проектов технологического лидерства, модернизации экономики, повышения производительности труда и стимулирования НИОКР и пр. В блоке «Культура, история, традиции» содержится призыв к созданию цифровых ресурсов по истории и исторической географии, доступных для всех уровней образования и пр., а в блоке «Внешняя и оборонная политика» – к разработке концепции и проведению реформы военного образования. Вместе с тем и в данном разделе ни СГ, ни РБ вообще не упоминаются, несмотря на отсылки к намерению «развивать интеграционные структуры, основанные на равноправии и открытые к взаимодействию с окружающим миром» [Народная программа ..., 2025].

Среди 22 действующих ныне партийных проектов ЕР к интересующей нас сфере самое непосредственное отношение имеет проект «Новая школа», распространяющийся по состоянию на 17 января 2025 г. на 87 регионов России [Новая школа ..., 2025]. Он ориентирован на развитие инфраструктуры, строительство и капитальный ремонт учреждений общего и среднего профессионального образования, оснащение их современным оборудованием. Как и в «Народной программе», в описании проекта воспроизводятся положения о сопряжении совершенствования системы образования, повышения уровня социально-экономического развития страны, ее конкурентоспособности. В рамках проекта предусматриваются партийный контроль реализации программы «Школьный автобус», проведение всероссийских акций по подготовке к новому учебному году, Народной акции «Рисуем Победу», всероссийских конкурсов патриотической направленности («Парта Героя», «Лица Героев») и др. Научно-образовательная проблематика затрагивается и в ряде других проектов ЕР, таких как «Выбирай свое», «Зеленая экономика», «Культура малой Родины» и др.

«Белая Русь». В программе БР [Программа партии ..., 2025] нет специального блока, посвященного науке и образованию, но многие структурные разделы имеют названия, сходные с теми, что указаны в «Народной программе» ЕР. В программе очевиден акцент на фундаментальных ценностях белорусского народа, увязываемых с решением, помимо прочих, таких важнейших стратегических задач, как получение качественного образования и построение динамично развивающейся экономики. В целом аксиологическое начало в данном документе гораздо более артикулировано, нежели в «Народной программе» ЕР. Но много и прагматичных положений. В блоке «Сильная экономика» среди приоритетов деятельности БР выделим, прежде всего, привлечение научных исследований в сферу экономики (в том числе за счет стимулирующих средств), повышение качества образования, создание новых форм дополнительного образования в области экономики. Особенно много социально ори-

ентированных положений, в первую очередь в блоке «Благополучие граждан». Обращает на себя внимание предложение об обеспечении баланса интересов личности, общества, государства в сфере образования, о поддержке инициатив и проектов, направленных на сохранение достигнутого и поэтапное повышение уровня финансирования системы образования. В блоке «Культура, традиции, память» в общем русле выстраивания выверенной исторической и идеологической политики предусматривается совершенствование эффективной государственной системы воспитания и образования детей и юношества. В отличие от ЕР, в программе БР непосредственно упоминается о СГ (блок «Внешняя политика») в свете развития партнерства в его рамках. В то же время ни научно-образовательный, ни – более широко – социально-экономический компонент взаимодействия с Россией БР также не акцентирует. В ее программе подразумевается нацеленность на «развитие международных экономических связей с дружественными государствами», а также на «расширение международных связей с политическими партиями дружественных государств по линии партийной дипломатии», без их расшифровки [Программа партии ..., 2025].

На официальном сайте БР представлена информация о 12 осуществляемых проектах, в том числе о проекте «Спина к спине», в описании которого Россия названа ближайшим другом и стратегическим партнером, братским государством. Проект предназначен для оказания гуманитарной помощи жителям Курской области РФ, пострадавшим от ВСУ [Проекты ..., 2025]. Ни один из проектов не распространяется прямо на научную и образовательную сферы. Но в некоторых из них отдельные коррелирующие с ними аспекты выявляются («Партия – Детям», фестиваль «Время» и др.).

Более предметно интересующая нас взаимосвязь проявляется в проектах Республиканского общественного объединения (РОО) «Белая Русь», на базе которого БР и «выросла» как политическая партия. На официальном сайте РОО сообщается о 15 собственных и 6 партнерских проектах [Проекты. БЕЛАЯ РУСЬ, 2025]. В их наименованиях и содержании налицо существенное сходство с проектами БР. Из общего числа партийных проектов отметим «Наследие» – республиканский конкурс исследовательских проектов по патриотическому воспитанию, проводимый среди учащихся и работников учреждений профессионально-технического и среднего специального образования; «Школу молодого лидера», направленную на интеграцию перспективного молодежного актива выпускных курсов вузов в общественную деятельность. РОО организует множество традиционных социальных акций, например, «В школу – с Белой Русью» (предполагает оказание помощи в подготовке к школе детей из многодетных, малообеспеченных семей, воспитанников специализированных учреждений образования) [Проекты. БЕЛАЯ РУСЬ, 2025].

На внутригосударственном уровне наиболее весомыми инструментами продвижения предложений политических партий представляются парламентские механизмы. Так, депутаты Государственной Думы ФС РФ согласно ст. 104 Конституции входят в круг субъектов, наделенных правом законодательной инициативы [Конституция Российской ..., 2025]. Аналогичная норма действует

в РБ – данным правом, помимо прочих субъектов, обладают депутаты Палаты представителей Национального собрания (НС) РБ, а также Всебелорусского народного собрания (ВНС) (ст. 99 Конституции) [Конституция Республики ..., 2025]. Как свидетельствуют, например, данные сайта Комитета ГД ФС РФ по науке и высшему образованию, депутаты из разных фракций весьма активно выступают с законодательными инициативами, предлагая внести определенные изменения в федеральные законы «Об образовании в Российской Федерации», «О науке и государственной научно-технической политике» и пр. [Законопроекты, находящиеся на рассмотрении в комитете ..., 2025].

Союзный уровень. На уровне СГ политические партии РФ и РБ могут некоторым образом влиять на формирование интеграционной повестки в разных сферах и областях благодаря выстраиванию и поддержанию взаимных коммуникаций по межпартийной линии, на площадках различных форумов, иных мероприятий под эгидой СГ, Форума регионов Беларуси и России и пр., на платформе союзных институций. Яркий пример межпартийного партнерства – заключение соглашения о взаимодействии и сотрудничестве между ЕР и БР в феврале 2024 г., пришедшего на смену соглашению ЕР с РОО «Белая Русь» 2022 г. Соглашение предусматривает совместные консультации по актуальным вопросам, обмен делегациями, опытом законодательской деятельности, развитие межпартийных связей и контактов, создание условий для всесторонней интеграции российской и белорусской молодежи. Фиксируется ориентация на развитие интеграции в рамках СГ [«Единая Россия» ..., 2024]. В этом смысле соглашение восполняет некоторые пробелы, имеющиеся в партийных документах. В то же время в названном соглашении не прописаны детально приоритеты применительно к тем или иным сферам интегрирования, в том числе и образовательной.

Об инициативах политических партий РФ и РБ в формате союзных институций можно рассуждать скорее опосредованно. В первую очередь, речь идет об их участии в работе национальных deputаций в ПС (как членов национальных парламентов). Показательны здесь функционирование нескольких семинаров при ПС, работа его комиссий (прежде всего в настоящее время – Комиссии по науке и образованию) и сессии ПС (табл. 1).

Приведенные данные лишь частично характеризуют специфику участия представителей политических партий в рассматриваемых процессах. Следует учитывать, что они задействованы в обсуждении, в первую очередь, как делегаты национальных парламентов. Причем идентификация партийной принадлежности в большей мере возможна для участников из РФ. Долгое время в составе НС РБ было крайне незначительное партийное представительство, большинство членов Палаты представителей и Совета Республики заявляли о себе как о беспартийных. Сейчас, как отмечалось, ситуация изменилась, но пока это недостаточно сказалось на общем положении дел в анализируемой плоскости. Более детальное изучение результатов деятельности названных союзных формирований, как и всех парламентских партий РФ и РБ в данной области, может стать предметом отдельной статьи.

Таблица 1

**Участие политических партий РФ и РБ в обсуждении вопросов
формирования единого образовательного пространства
Союзного государства***

Событие	Дата	Сюжет, социально- экономический аспект	Участники, партийная принадлежность	Общие результаты, перспективы для СГ
1	2	3	4	5
61-е заседание постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России на тему «Интеграция систем общего образования Республики Беларусь и Российской Федерации как основа создания единого образовательного пространства Союзного государства»	19.11.2020	Вопросы совместной деятельности по формированию единого образовательного пространства СГ, разработке единых образовательных стандартов, созданию и реализации инновационных образовательных проектов СГ; акцент на социальной составляющей образования, равных правах граждан РФ и РБ	Отдельно упоминаются член Комиссии ПС по труду, социальной политике и здравоохранению, председатель Постоянной комиссии Совета Республики НС РБ по образованию, науке, культуре и социальному развитию В. А. Лискович (профсоюзное движение), председатель названной комиссии, член Комитета Совета Федерации ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству Е. В. Афанасьева (член Высшего Совета ЛДПР) и др.	Принят проект рекомендаций министерствам и ведомствам РФ и РБ и Постоянному Комитету по разработке Стратегии формирования единого образовательного пространства СГ; по анализу нормативной базы; по стандартизации дошкольного и школьного общего образования; по подготовке учебно-методических пособий для педагогов и разработке учебной программы и учебного пособия по истории Союзного государства
72-е заседание постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России	01– 02.11.2023	Роль педагога в современном мире, повышение его престижа; позитивный опыт сохранения советских практик;	Председатель Комиссии ПС по культуре, науке и образованию, первый заместитель председателя Комитета Госдумы ФС РФ	Приняты рекомендации, в том числе предполагающие рассмотрение возможности разработки инновационной научно-практической

Продолжение таблицы				
1	2	3	4	5
«Практика формирования и задачи синхронизации структурно-методических систем и стандартов среднего и высшего образования в Беларуси и России»		образование как ключевой фактор технологического суверенитета СГ	по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Н.П. Бурляев (член фракции «Справедливая Россия – За правду» (СРЗП)), член Комиссии, член Комитета Госдумы ФС РФ по культуре О.М. Германова (член фракции «Единая Россия») и др.	программы Союзного государства «Подготовка руководящих кадров в интересах Союзного государства на основе интеграции подходов к проектированию и реализации образовательных программ»
Заседание Комиссии Парламентского Собрания по культуре, науке и образованию	08.02.2024	Вопрос о предварительных итогах исполнения бюджета СГ за 2023 г. по соответствующим направлениям деятельности Комиссии	Председатель Комиссии Н.П. Бурляев (СРЗП), члены комиссии, в их числе представитель ЕР О.М. Германова, депутат Палаты представителей НС РБ А.В. Старовойтова, (член Коммунистической партии Беларуси до 2016 г.) и др.	Констатирована реализация всех запланированных мероприятий, включая Конкурс научно-технического творчества учащихся СГ «Таланты XXI века»
Заседание Комиссии Парламентского Собрания по культуре, науке и образованию	22.05.2024	Вопросы подготовки к проведению «правительственного часа» на тему «Формирование и развитие общего культурного, научного и образовательного пространства Союзного государства»	Члены Комиссии (см. выше)	Рекомендовано продолжить реализацию основных задач государственной политики в сфере образования, добиться выполнения приоритетных направлений развития системы среднего и высшего образования в СГ современных условиях

Продолжение таблицы				
1	2	3	4	5
66-я сессия Парламентского Собрания	17.06.2024	Тематика развития научного и образовательного пространства СГ; акцент на импортозаме- щении, развитии инновационных технологий и социально значимых сфер	Делегаты ПС: Председатель ПС – Председатель ГД ФС РФ В.В. Володин (ЕР), члены Совета ПС – Н.П. Бурляев (СРЗП) и др., депутаты ПС О.С. Гайдукевич (Либерально- демократическая партия Беларуси), Ю.И. Наркевич (БР), Л. И. Калашников (Коммунистическая партия РФ) и др.	Рекомендовано усилить межгосударст- венное взаимодействие в образователь- ной сфере, развивать опыт реализации совместных программ высшего образования, цифровизации сферы высшего образования, расширить сотрудничество по реализации совместных студенческих проектов, организации летних учебных практик, мастер-классов и конкурсов и пр.
Заседание Комиссии Парламентского Собрания по культуре, науке и образованию	12.07.2024	Вопрос о ходе реализации рекомендаций постоянно действующего семинара при ПС на тему «Практика формирования и задачи синхронизации структурно- методических систем и стандартов среднего и высшего образования в Беларуси и России»	Члены Комиссии (см. выше). Отдельно упоминается член Комиссии (ныне – председатель Комиссии по науке и образованию), О.М. Германова (ЕР).	Рекомендовано продолжить реализацию основных задач государственной политики в сфере образования, рассмотреть вопросы подготовки кадров высшей квалификации и актуальные проблемы совершенст- вования и сближения систем образования РФ и РБ

*Составлено авторами на основании данных: [Комиссия Парламентского собрания по науке и образованию].

Заключение

Содержание партийных позиций во многом корреспондирует с внутригосударственными и общесоюзными ориентирами в научно-образовательной сфере. В свою очередь, они вытекают из совокупности внешних и внутренних детерминант, актуализировавших значение импортозамещения, инновационного развития, структурной перестройки экономик стран-участниц, устранения определенных барьеров внутри самого СГ, социальной активности, «экономического патриотизма»¹, духовного и технологического суверенитета.

Примечателен интерес молодежи РФ и РБ к образовательной проблематике, что обусловлено определенными социально-демографическими тенденциями и отчетливо просматривается в союзных инициативах, акцентирующих необходимость привлечения молодежи в науку, повышения ее активности в сфере инновационной деятельности, популяризации дополнительных возможностей в рамках СГ. Это справедливо, например, для Конкурса научно-технического творчества учащихся СГ «Таланты XXI века», Форума вузов инженерно-технологического профиля, предполагающего поддержку талантливой молодежи, намерения создать общую базу данных молодых ученых СГ и пр.

Прослеживается заметное сходство во взглядах ЕР и БР на задачи и направления развития научно-образовательной сферы в своих странах, в отсылках к ее модернизации с целью повышения конкурентоспособности и внедрения инноваций. В программных документах обеих партий подчеркивается важность стимулирования и финансовой поддержки образования и науки. Проводится также сопряжение с социальным развитием и благополучием граждан. При этом позиция ЕР сформулирована более прагматично, в позиции БР просматриваются выраженный ценностный компонент и акцент на справедливости. Территориальный аспект явно более артикулирован в программных документах и проектах ЕР. Однако пока недостаточно четко обозначена позиция обеих партий относительно векторов как международного, так и союзного научно-образовательного сотрудничества.

На данный момент функционал ведущих политических партий РФ и РБ по продвижению своего видения развития научно-образовательной сферы концентрируется в основном в законодательной плоскости национального уровня. На союзном уровне его усиление может корреспондировать с общим совершенствованием интеграционных механизмов, включая

¹ Так, «экономический патриотизм» партиями РФ увязывается, прежде всего, с ориентацией деятельности хозяйствующих субъектов на обеспечение развития и благополучия своей страны, их отказом от «теневых» схем, с добросовестной уплатой налогов, повышением качества и конкурентоспособности отечественных товаров, а также со стимулированием населения в целом и молодежи, в особенности, потреблять товары отечественного производства, приобретать профессию и трудоустраиваться на родине, и пр.

переход к полноценному Парламенту СГ и созданию союзных общественных объединений, способных претендовать на обретение консультативного статуса при союзных институтах. Политические партии при этом могут либо влиться в такие объединения, либо выступать их партнерами. Пока на ближайшую перспективу для них более вероятны наращивание активности в выстраивании связей по горизонтали и обогащение программных документов положениями интеграционной направленности. В социально-экономическом и политическом смыслах это оказало бы дополнительную существенную поддержку интеграции в рамках СГ.

Список литературы

1. Абрамова М.А. Евразийское образовательное пространство: идея и реализация // Философия образования. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 127–142.
2. Анопченко Т.Ю., Сурилов М.Н. Развитие механизма интеграции систем высшего образования Беларуси и России в рамках Союзного государства // Плехановский научный бюллетень. – 2023. – № 2(24). – С. 5–12.
3. Афанасьева К.А. «Суверенное» будущее российского образования как политико-управленческая проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 98–105.
4. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Формирование единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в ракурсе политики патриотического воспитания // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 3(128). – С. 426–445.
5. Бахлова О.В., Вагапов Д.Р., Ершова В.Г. Совершенствование государственного управления в программных документах и проектах политических партий «Единая Россия» и «Белая Русь» // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 81–90.
6. Бобыло А.М. Образование как главный фактор в обеспечении национальных интересов государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2018. – Вып. 2. – С. 217–224.
7. Бокова Э.И. Образовательные инициативы парламентской партии «Единая Россия» в период с 2013 г. по 2024 г. // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14, № 7(112). – С. 2218–2225.
8. Варлен М.В. Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 10(155). – С. 87–94.
9. В 2023–2024 годах Россия и Белоруссия проведут мероприятия по обмену педагогическим опытом, совместные патриотические акции и фестивали // Минпросвещения России. – 2023. – 11.01. – URL: <https://edu.gov.ru/press/6413/v-2023-2024-godah-rossiya-i-belorussiya-provedut-meropriyatiya-po-obmenu-pedagogicheskim-opytom-sovmestnye-patrioticheskie-akcii-i-festivali/> (дата обращения 17.01.2025).
10. В Союзном государстве востребовано единое научно-образовательное пространство // Ритм Евразии. – 2022. – 02.07. – URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2022-07-02--v-sojuznom-gosudarstve-vostrebovano-edinoe-nauchno-obrazovatelnoe-prostranstvo-60742> (дата обращения 17.01.2025).

11. Галкина Г.М. Образовательная политика в программах политических партий (на примере Коммунистической партии Российской Федерации и Справедливой России) // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 3(55). – С. 796–802.
12. Гуцин А.В. Основные векторы развития российско-белорусского сотрудничества в области образования на современном этапе // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 195–204.
13. Дмитриченко Л.И., Аванесова И.Б. Наука и образование как объект социальной ответственности государства // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 1. – С. 65–86.
14. «Единая Россия» и «Белая Русь» подписали соглашение о взаимодействии и сотрудничестве // Единая Россия : федер. сайт. – 2024. – 15.02. – URL: <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-i-belaya-rus-podpisali-soglasenie-o-vzaimodejstvii-i-sotrudnichestve> (дата обращения 17.01.2025).
15. Законопроекты, находящиеся на рассмотрении в комитете // Комитет Государственной Думы по науке и высшему образованию. – URL: <http://komitet-nauka.duma.gov.ru/rabota-komiteta/zakonoproekty> (дата обращения 17.01.2025).
15. Золкина Д.Г. Российское высшее образование как инструмент евразийской интеграции // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. – 2022. – № 1. – С. 83–98.
17. Исаев А.В., Матвиенко В.А. Особенности применения «мягкой силы» как инструмента внешнеполитической деятельности России и США (на примере образовательной политики) // PolitBook. – 2020. – № 2. – С. 159–178.
18. Климова Е.К., Чернышева Т.Е., Миронов А.С. Образовательная политика в постсоветской России // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 4. – С. 178–195.
19. Комиссия Парламентского Собрания по науке и образованию // Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. – URL: <https://belrus.ru/info/komissiya-parlamentskogo-sobraniya-po-nauke-i-obrazovaniyu/> (дата обращения 17.01.2025).
20. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 27.02.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 17.01.2025).
21. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 17.01.2025).
22. Корело О.Н. Интернационализация образования как институциональный механизм интеграционных процессов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2022. – № 21-1. – С. 110–119.
23. Луман Н. Общество общества. I. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. – Москва : Логос, 2004. – 232 с.
24. Луман Н. Общество общества. IV. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова; под ред. А. Антоновского, А. Глухова, О. Никифорова. – Москва : Логос/Гнозис, 2006. – 320 с.

25. Майорова Е.С. Государственная политика в сфере экспорта образовательных услуг в России и Беларуси // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2018. – № 18-3. – С. 249–255.
26. Матюшева Т.Н. Формирование единой общенациональной стратегии развития образования – задача общества и государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 5(168). – С. 55–60.
27. Най Дж. Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером : пер. с англ. – Москва : Родина, 2023. – 256 с.
28. Народная программа «Единой России» // Единая Россия : федер. сайт. – URL: <https://er.ru/party/program> (дата обращения 17.01.2025).
29. Новая школа // Единая Россия : федер. сайт. – URL: <https://proekty.er.ru/projects/novaya-skola> (дата обращения 17.01.2025).
30. Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы : Декрет Высшего Государственного Совета от 29.01.2024 № 2 // Информационно-аналитический портал союзного государства. – 2024. – 31.01. – URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvary-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody> (дата обращения 17.01.2025).
31. О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года : Постановление Высшего Государственного Совета от 29.01.2024 № 2 // Информационно-аналитический портал союзного государства. – 2024. – 31.01. – URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvary-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda> (дата обращения 17.01.2025).
32. Попова А.В. Образовательный и технологический суверенитет России : к вопросу о возрождении передовых инженерных школ // Теория государства и права. – 2024. – № 3-2(40). – С. 105–116.
33. Программа партии // Белорусская партия «Белая Русь». – 2025. – URL: <https://partiya.by/program> (дата обращения 17.01.2025).
34. Проекты. Белая Русь // Республиканское общественное объединение «Белая Русь». – 2025. – URL: <https://1br.by/projects> (дата обращения 17.01.2025).
35. Проекты // Белорусская партия «Белая Русь». – 2025. – URL: <https://partiya.by/projects> (дата обращения 17.01.2025).
36. Россия и Белоруссия успешно сотрудничают по всем вопросам научно-технологической повестки // Министерство науки и высшего образования РФ. – 2022. – 18.05. – URL: <https://minobnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/51397/> (дата обращения 17.01.2025).
37. Сергеев Н.М. Вопросы формирования единого образовательного пространства Союзного государства // Постсоветский материк. – 2024. – № 3(43). – С. 83–93.
38. Старовойтова И.А. Совершенствование высшего образования в Республике Беларусь: ключевые направления и результаты // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2022. – № 4(117). – С. 50–54.
39. Сурилов М.Н. Правовая оценка влияния иностранных санкций на интеграцию систем высшего образования Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. – 2023. – № 3(51). – С. 53–70.

40. Трофимова И.Н. Российская образовательная политика и конфликты интересов в сфере инноваций // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 25–38.
41. Черных С.С., Тихоновскова С.А. Перспективы государственной политики в сфере модернизации российского образования // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. – 2021. – № 12(14). – С. 91–100.
42. Шугуров М.В., Шугурова И.В. Научно-образовательная интеграция ЕАЭС как фактор технологической модернизации: правовые и организационные вопросы // Международное право и международные организации. – 2020. – № 3. – С. 37–68.
43. Etzioni A. Political Unification Revisited : On Building Supernational Communities. – Lanham : Lexington Books, 2001. – 412 p.
44. Nye J.S. The Powers to Lead. – New York : Oxford Univ. Press, 2008. – 240 p.

Статья получена: 06.02.2025.

Одобрена к публикации: 14.07.2025.

А.Х. Рахмонов*

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Аннотация. В настоящей статье показано, что образовательная миграция граждан Таджикистана за последние два десятилетия превратилась в один из самых интенсивных потоков академической мобильности в Центральной Азии. В данном контексте рассмотрены некоторые теоретико-концептуальные подходы к трактовке образовательной миграции. Показана география распределения таджикских студентов по странам мира. Выявлены демографические и социально-экономические факторы (высокая доля молодежи, международные программы обмена, возможности карьерного роста, культурно-лингвистические аспекты принимающих стран) и проблемы (финансовое бремя домохозяйств, «утечка мозгов», процессы (ре) адаптации студентов, диспропорции потребностей национального рынка труда и зарубежных учебных программ) образовательной миграции из Таджикистана. Сделан вывод о необходимости совершенствования национальной образовательной системы, создания привлекательных условий для возвращения выпускников и развития стратегий, направленных на интеграцию полученных ими знаний в экономику страны.

Ключевые слова: образовательная миграция; академическая мобильность; зарубежные вузы; молодежь; Таджикистан.

Для цитирования: Рахмонов А.Х. Особенности образовательной миграции из Таджикистана // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 75–91.

* **Рахмонов Абубакр Хасанович**, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия); abubak.93@mail.ru

Rakhmonov Abubakr, PhD in Econ. Sci, Senior Research Associate, Institute for Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia); abubak.93@mail.ru

A.Kh. Rakhmonov
Features of Educational Migration from Tajikistan

Annotation. This article shows that the educational migration of Tajik citizens over the past two decades has become one of the most intensive flows of academic mobility in Central Asia. In this context the article considers some theoretical and conceptual approaches to the interpretation of educational migration. Shows the geographical distribution of Tajik students across the world. Reveals demographic and socio-economic factors (high proportion of young people, international exchange programs, career opportunities, cultural and linguistic aspects of host countries) as well as problems (financial burden of households, “brain drain”, processes of (re)adaptation of students, disproportion of needs of the national labor market and foreign educational programs) of educational migration from Tajikistan. Concludes that it is necessary to improve the national educational system, create attractive conditions for the return of graduates and develop strategies aimed at integrating their knowledge into the country’s economy.

Keywords: educational migration; academic mobility; foreign universities; youth; Tajikistan.

For citation: Rakhmonov A. Kh. Features of Educational Migration from Tajikistan // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 75–91.

Введение

Образовательная миграция представляет собой значимый социальный процесс, который усиливается в текущих условиях трансформации национальных систем высшего образования. Получение «диплома» за границей становится стратегией повышения конкурентоспособности на рынке труда, расширения профессиональных возможностей и социальной мобильности. Для развивающихся стран, таких как Таджикистан, этот процесс играет особую роль, поскольку он связан не только с индивидуальными карьерными перспективами студентов, но и с социально-экономическими последствиями для страны в целом.

В последние десятилетия образовательная миграция из Таджикистана значительно возросла¹. Основными причинами этого являются высокая доля молодежи в структуре населения, недостаточное количество мест в национальных вузах, ограниченные образовательные возможности и перспективы трудоустройства в стране. Молодежь все чаще делает выбор в пользу зарубежного образования, рассматривая его как способ повысить свою квалификацию и получить доступ к международному рынку труда.

География образовательной миграции таджикских студентов охватывает преимущественно страны СНГ (в первую очередь, Россию и Казахс-

¹ Фокус данного исследования сосредоточен на процессах образовательной миграции таджикской молодежи в высшие учебные заведения зарубежных стран. – Прим. ред.

тан), а также Китай, Турцию и некоторые европейские государства. При наличии определенных положительных эффектов, образовательная миграция порождает ряд вызовов, среди которых: «утечка мозгов», сложности адаптации студентов за границей, финансовая нагрузка на семьи и проблемы реинтеграции выпускников на родине. Все эти особенности образовательной миграции из Таджикистана требуют всестороннего анализа факторов, влияющих на данный процесс, с целью последующей разработки эффективных образовательных и миграционных стратегий.

Образовательная миграция: к теории вопроса

В исследовательской среде разрабатываются различные подходы к интерпретации понятия «образовательной миграции», однако все их объединяет идея о том, что данный социальный процесс оказывает ощутимое влияние на демографическую динамику и социально-экономическое развитие в целом. Приведем некоторые из них.

Так, еще П.А. Сорокин в рамках своей теории социальной мобильности рассматривал образовательную миграцию как важный механизм продвижения по социальной лестнице [Sorokin, 1959]. Возможность обучения в более развитых регионах или странах предоставляет студентам дополнительные карьерные возможности, что способствует росту их благосостояния и социального статуса. В. Зелинский и В.Н. Сченснович расширили эту точку зрения, трактуя образовательную миграцию как один из видов территориальной мобильности. Они отмечали, что в условиях глобализации и конкурентной борьбы между образовательными учреждениями процесс международного студенческого обмена приобретает все большее значение [Zelinsky, 1971; Сченснович, 2023, с. 70].

Теория человеческого капитала, основы которой были отражены в трудах Т. Шульца, Дж. Минцера, Г. Беккера [Schultz, 1961; Mincer, 1974; Becker, 1975], представляет образовательную миграцию как экономически целесообразный процесс. В соответствии с этим подходом, образование является вложением в повышение квалификации и продуктивности человека, а миграция ради обучения рассматривается как осознанное стремление к экономическому и профессиональному благополучию. Подобной точки зрения придерживается и Дж. Сьяастад, который рассматривает образовательную миграцию как инвестицию в долгосрочное улучшение карьерных возможностей и финансового положения выпускников [Sjaastad, 2011].

П. Бурдьё и Дж. Коулман разработали концепцию социального капитала, играющего значительную роль в образовательной миграции [Bourdieu, 1986; Coleman, 1988]. Они утверждали, что социальные связи и академическая репутация учебных заведений влияют на выбор страны и университета для обучения со стороны абитуриентов. В рамках данного подхода в число факторов, детерминирующих процессы образовательной миграции, входят

международные академические программы, стипендии, университетские рейтинги, рекомендации выпускников и пр.

В свою очередь, А.Н. Николенко акцентирует внимание на институциональных аспектах образовательной миграции, среди которых выделяются государственные программы поддержки студентов и партнерство вузов на международной арене. Исследователь интерпретирует образовательную миграцию как форму территориальной и социальной мобильности, выделяя ее основную цель – получение качественного образования и расширение профессиональных перспектив [Николенко, 2009]. В отличие от экономической или политической миграции этот процесс ориентирован на поиск новых знаний и профессиональных навыков. Николенко подчеркивает, что ключевым фактором развития образовательной миграции остается возрастающая потребность в образовании в условиях экономики знаний [Николенко, 2009].

Альтернативный взгляд предлагает автор данной статьи, рассматривая образовательную миграцию как часть трудовой миграции. По его мнению, студенты из развивающихся стран редко возвращаются на родину после обучения, что способствует утечке мозгов и ослаблению интеллектуального потенциала стран исхода [Рахронов, 2024]. Данный подход позволяет видеть образовательную миграцию не только как индивидуальное стремление к знаниям, но и как элемент международного рынка труда, оказывающий влияние на экономическое развитие как стран-реципиентов, так и стран-доноров.

Факторы образовательной миграции из Таджикистана

Образовательная миграция вошла в число наиболее значимых социально-экономических проблем Таджикистана, который за последние десятилетия стал одним из государств, откуда значительное число молодых людей уезжают за границу с целью получения образования. Это явление обусловлено множеством факторов, включая демографические особенности страны, академическую мобильность, карьерные перспективы, а также языковые и культурные аспекты. Рассмотрим основные из них.

Высокая доля молодёжи. Образовательная миграция играет важную роль в формировании экономического и социального потенциала Таджикистана. Молодые люди, уезжая за рубеж с целью обучения, привозят обратно не только профессиональные навыки и знания, но и новый взгляд на мировые процессы, способствуя модернизации общества. В этой связи одним из важных факторов, влияющих на масштабы образовательной миграции, является рост численности молодежи (в возрасте 14–30 лет): по данным демографического ежегодника Таджикистана, с 1991 г. по 2024 г. он составил 1,3 млн человек (с 1,67 млн до 2,97 млн человек, соответственно) (рис. 1). На динамику в тот период повлияли высокая рождаемость и так называемый «демографический бум», при котором значительная часть населения находилась в детском и юношеском возрасте.

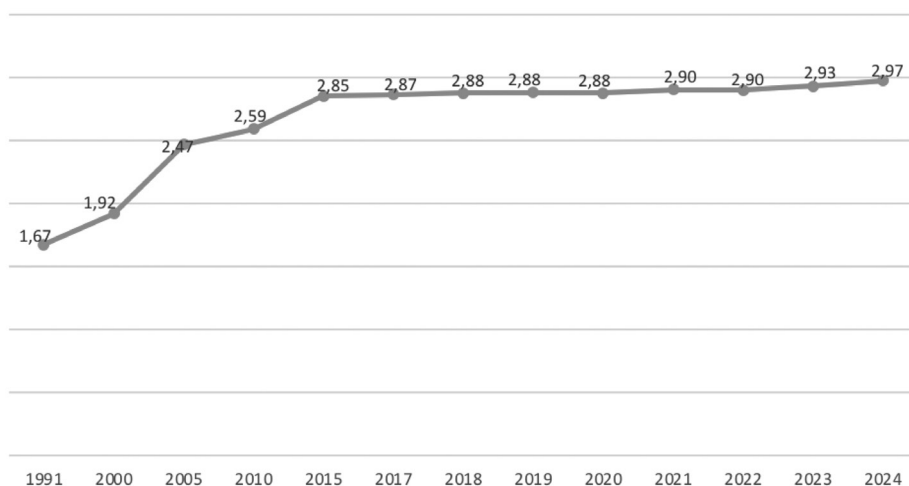

Рис. 1. Численность молодежи в Таджикистане в возрасте 14–30 лет в 1991–2024 гг., млн человек.

Источник: [Демографический ежегодник ..., 2021, с. 88;
Демографический ежегодник ..., 2024, с. 40].

После 2010 г. темпы этого процесса замедлились, и с 2015 г. численность молодых людей стабилизировалась на уровне 2,85–2,90 млн человек. Однако с 2023 г. года вновь наблюдается небольшое увеличение (с 2,93 млн до 2,97 млн человек к 2024 г.) (рис. 1). В целом средняя численность молодежи за период 1991–2024 гг. составила около 2,7 млн человек, а ее доля в структуре населения доходила до 32% [Демографический ежегодник ..., 2021, с. 88; Демографический ежегодник ..., 2024, с. 40].

С ростом численности молодых людей образовательная система Таджикистана начала испытывать недостаток аудиторных мест, современных программ и квалифицированных кадров. Это стало основным мотивом среди таджикской молодежи для отъезда на учебу за рубеж. Причем существенная часть молодых людей продолжает выражать недовольство качеством таджикского высшего образования и ситуаций на рынке труда. И такое отношение вполне обосновано: по данным ЮНИСЕФ, молодые люди в Таджикистане зачастую не имеют доступа к образованию и навыкам должного уровня, а после окончания учебы их ждут ограниченные возможности занятости [Вторая декада, 2019]. Слабое качество образования в сочетании с нехваткой рабочих мест внутри страны формируют у молодых специалистов чувство неопределенности в будущем. Социологические опросы показывают, что выпускники таджикских вузов нередко испытывают трудности с трудоустройством по специальности и неудов-

летворены уровнем заработных плат. В этих условиях получение диплома зарубежного университета воспринимается как шанс повысить свою профессиональную ценность и найти достойную работу за пределами родины. Таким образом, «демографический прессинг» (массовый выход молодежи на рынок образовательных услуг и труда) и внутренние социально-экономические ограничения являются мощным толчком к образовательной миграции из Таджикистана.

Академическая мобильность и международные программы обмена. Академическая мобильность и международные программы обмена также являются одними из ключевых факторов, способствующих образовательной миграции: ежегодно увеличивается количество квот и грантов на обучение за рубежом для граждан Таджикистана, что открывает новые возможности для получения ими качественного образования в других странах. Например, в России таджикские студенты в основном поступают на обучение по программе «Россотрудничество» [Официальный сайт «Россотрудничество», 2025]. В европейских странах широко распространены такие программы, как DAAD, CEMS, «Эразмус» и другие (см. например: [Рахманова, 2023]).

Среди государственных программ особое место занимает программа «Дурахшандагон» [Официальный сайт «Дурахшандагон», 2025], которая ежегодно отправляет значительное количество граждан Таджикистана на обучение в Россию, Казахстан, Китай, европейские государства, Канаду и другие страны. Данная программа играет важную роль в развитии образовательной миграции и подготовке высококвалифицированных специалистов в стране.

Помимо государственных программ, образовательная миграция из Таджикистана также осуществляется через различные стипендиальные инициативы. Среди них можно выделить «Stipendium Hungaricum» [Рахманова, 2023], стипендии Института Конфуция, стипендию Гарвардского института Рэдклиффа, стипендию Фонда Розы Люксембург, стипендию UM Stamps, международные стипендии GIST и многие другие [Подборка стипендий для ..., 2023]. Эти программы предоставляют возможность таджикским студентам обучаться в ведущих учебных заведениях мира, развивая их профессиональные и исследовательские навыки.

Таким образом, академическая мобильность и международные программы обмена способствуют расширению образовательных горизонтов граждан страны, повышению их конкурентоспособности на международном рынке труда и развитию международного сотрудничества в сфере образования.

Возможности карьерного роста в принимающих странах. Как уже отмечалось выше, все больше молодых людей в Таджикистане выбирают обучение за границей, стремясь получить качественное образование, признанное на международном уровне, а также использовать этот опыт в дальнейшем для построения успешной карьеры. Однако переезд в другую стра-

ну с целью учебы открывает не только новые академические горизонты, но и предоставляет значительные карьерные перспективы, в том числе возможность трудоустройства и интеграции в принимающем обществе.

Возможность карьерного роста в принимающих странах после окончания университета также входит в число основных факторов, влияющих на образовательную миграцию из Таджикистана. В то же время многие таджикские студенты не хотят возвращаться домой после окончания университета ввиду низкой заработной платы и высокой доли безработицы в Таджикистане. Помимо этого, некоторые принимающие страны создают благоприятные условия для трудоустройства иностранных выпускников¹.

Так, согласно исследованию, проведенному в рамках программы «Иммиграция через учебу» и профинансированному Институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса), лишь 28% таджикских студентов, обучающихся за рубежом, планируют вернуться на родину после завершения учебы. При том, что 65% из опрошенных предпочитают оставаться работать в стране обучения после получения диплома [Ашуров, 2018]. В числе причин такого решения: лучшие условия труда и более высокие зарплаты; признание квалификации и дипломов при трудоустройстве; широкие возможности для профессионального роста, развитая инфраструктура и доступ к современным технологиям в стране-реципиенте.

Языковые и культурные факторы: влияние русского языка и советского образовательного наследия. По данным Министерства образования и науки Таджикистана свыше 80% студентов из Таджикистана обучаются в России и других странах СНГ [Аслонова, 2024]. Русский язык и общая прошлая история являются главными факторами образовательной миграции из Таджикистана в эти страны.

Русский язык, будучи языком межнационального общения в бывшем СССР, сохраняет свое влияние в Таджикистане. Многие таджикистанцы владеют русским языком, что облегчает их интеграцию в российскую образовательную систему. Владение языком страны обучения снижает языковой барьер, способствует лучшему усвоению материала и облегчает повседневное общение. Кроме того, знание русского языка расширяет возможности трудоустройства как в России, так и в других русскоговорящих странах. Это делает российские вузы особенно привлекательными для таджикских студентов [Высшее образование ..., 2021].

¹ Например, Германия предоставляет выпускникам своих вузов возможность остаться в стране на 18 месяцев после окончания учебы для поиска работы. В Канаде действует программа Post-Graduation Work Permit (PGWP), позволяющая выпускникам работать в стране в течение нескольких лет после окончания обучения. В США студенты, получившие образование в области STEM (наука, технологии, инженерия, математика), могут претендовать на продленный срок работы в рамках программы OPT (Optional Practical Training) [Топ-10 стран ..., 2025].

Советская система образования до сих пор продолжает оказывать влияние на образовательные предпочтения таджикских студентов. Модель российского образования во многом сохраняет советские традиции, поэтому знакома многим студентам и их родителям, что способствует выбору в пользу учебы в России.

Кроме того, российские дипломы признаются в Таджикистане и других странах СНГ, что делает их более привлекательными по сравнению с дипломами вузов из других стран. Многие специалисты, получившие образование в России, пользуются высоким спросом на национальном рынке труда, что стимулирует новых абитуриентов поступать в российские университеты [Вузы России становятся ..., 2025].

Таким образом, образовательная миграция из Таджикистана в Россию и страны СНГ во многом предопределена влиянием русского языка и советского образовательного наследия. Доступность российской системы образования, ее схожесть с образовательными стандартами Таджикистана, а также культурная и языковая близость способствуют стабильному притоку таджикских студентов в российские вузы. Этот процесс продолжает укреплять образовательные и культурные связи между двумя странами, создавая благоприятные условия для будущего сотрудничества.

Помимо перечисленных, можно отметить и другие факторы: семейные стратегии (отправить ребенка учиться за границу считается вложением в будущее семьи), социально-политические аспекты (стремление молодежи к более открытой и стабильной среде) и др. Однако решающее значение имеют именно демография, качество и «доступность» образования на родине, экономические стимулы и международные образовательные возможности. Их совокупное действие формирует современные тенденции образовательной миграции из Таджикистана.

География образовательной миграции таджикских студентов

Масштабы и направления. По данным Министерства образования и науки Таджикистана, в 2024 г. численность студентов из Таджикистана за рубежом составила 41,2 тыс. человек [Аслонова, 2024]. Как упоминалось выше, основная доля таджикских студентов обучается в вузах стран СНГ (рис. 2).

В 2024 г. наибольшее число граждан Таджикистана обучалось в России – 33 178 человек, что составляет 80% от общего количества таджикских учащихся за рубежом (рис. 2). Этот показатель значительно превышает численность студентов в других странах, что объясняется языковой и исторической близостью России и Таджикистана, наличием большого количества русскоязычных программ, а также соглашений между странами по образовательным обменам.

Следующей популярной страной для получения образования стал Китай, где в 2024 г. обучались 2 900 таджикских студентов (рис. 2). Китай ак-

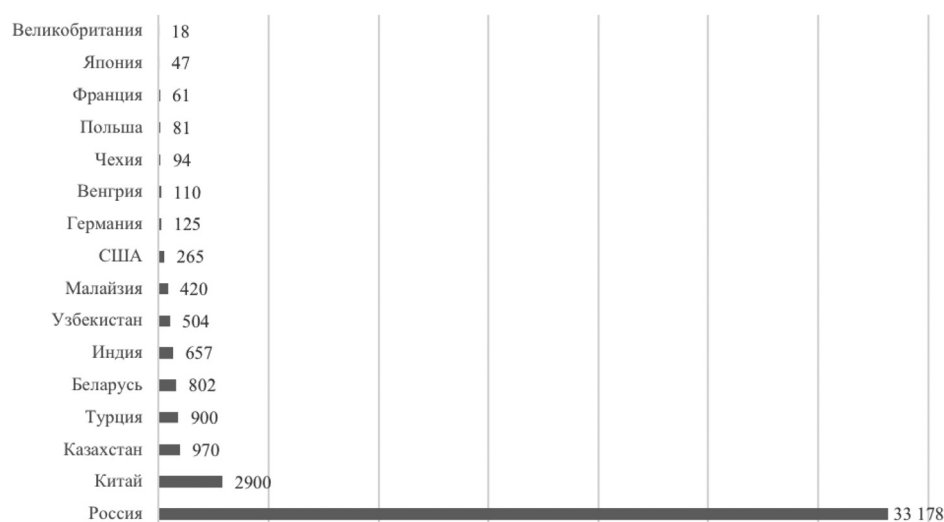

Рис. 2. Численность студентов из Таджикистана в зарубежных странах в 2024 г., человек.

Источник: [Аслонова, 2024; Monthly Nonimmigrant Visa ... , 2025].

тивно развивает образовательные программы для иностранных студентов, предлагая стипендии и гранты, что делает его привлекательным для молодежи из Центральной Азии. Помимо этого, Китай является важным экономическим партнером Таджикистана, что также мотивирует таджикскую молодежь получать образование в этой стране.

В тройку лидеров входит Казахстан с 970 таджикскими студентами (рис. 2). Географическая близость, схожесть образовательных систем и наличие программ на русском языке делают Казахстан удобным направлением для студентов из Таджикистана.

Помимо этих стран, значительное число таджикских студентов обучаются в Турции (900 человек) и Беларуси (802 человек), что объясняется как доступностью образования, так и существующими межгосударственными программами сотрудничества (рис. 2).

В странах Европы и Северной Америки численность таджикских студентов значительно ниже: В США обучаются 265 студентов, в Германии – 125, во Франции – 61, в Великобритании – 18 (рис. 2). Это связано с высокой стоимостью образования, сложностями в получении виз и строгими требованиями к знанию иностранных языков.

Интересно отметить, что к учебным заведениям азиатских стран, таких как Индия (657 человек), Малайзия (420 человек) и Узбекистан (504 че-

ловека), также наблюдается заметный интерес со стороны таджикских студентов (рис. 2). Это может объясняться наличием англоязычных программ по более доступным, чем в западных странах, ценам.

В целом можно констатировать, что выбор страны для получения образования определяется сочетанием таких аспектов, как языковые и культурные связи, наряду с доступностью и стоимостью обучения. Однако не менее значимыми факторами являются также экономические и политические отношения между странами: Таджикистан поддерживает тесные связи с Россией, Китаем и Казахстаном, что создает благоприятные условия для образовательного обмена.

Популярные направления подготовки таджикских студентов за рубежом. Еще одним важным аспектом образовательной миграции является профилизация – то, по каким специальностям обучаются таджикские студенты за границей. Анализ показывает, что выбор направлений зачастую обусловлен как личными предпочтениями и престижностью профессии, так и тем, какие компетенции востребованы на международном рынке. Наиболее популярными направлениями подготовки для таджикских студентов за рубежом являются медицина, юриспруденция, экономика/финансы, информационные технологии, международные отношения, а также различные инженерно-технические специальности. По свидетельству экспертов, чаще всего молодые таджики обучаются на врачей, юристов и экономистов [Большинство таджикских ..., 2023], что обусловлено востребованностью и высоким доходом представителей данных профессий.

В последние годы на передний план выходят и технические направления. Согласно наблюдениям представителей Россотрудничества, среди таджикских соискателей на обучение в РФ очень востребованы IT-специальности, компьютерные науки, программирование, а также архитектура и строительство [Как получить ..., 2023].

Важно отметить, что такой выбор профилей обучения далеко не всегда соответствует реальным потребностям экономики Таджикистана. Возникает дисбаланс между подготовкой кадров и спросом на них на родине. С одной стороны, ежегодно тысячи таджикских студентов получают дипломы юристов, финансистов и международников за рубежом, в то время как внутри страны перенасыщение этими специалистами приводит к трудностям с трудоустройством по специальности. С другой стороны, в критически важных отраслях (инженерия, педагогика, медицина) наблюдается острая нехватка квалифицированных кадров, несмотря на то что и за рубежом немало таджикских граждан получают образование в этих областях. Однако значительная часть из них либо не возвращается, либо предпочитает работать вне государственных структур¹.

¹ Более подробно данный вопрос рассмотрен в разделе «Несоответствие структуры зарубежной подготовки потребностям рынка труда». – *Прим. ред.*

Вызовы и последствия образовательной миграции

Помимо положительных эффектов образовательная миграция из Таджикистана служит причиной весьма негативных последствий как для экономики страны в целом, так и для самих студентов и их семей.

Финансовое бремя семей. С одной стороны, образование за рубежом открывает для таджикских студентов новые перспективы, позволяя им получить качественные знания и повысить конкурентоспособность на рынке труда. С другой стороны, для большинства из них, как и для их семей, этот процесс сопряжен с серьезными финансовыми трудностями.

Для многих таджикских семей отправка ребенка на обучение за границу – это серьезное финансовое испытание. Средняя зарплата в республике значительно ниже, чем уровень расходов студентов за границей. Многие семьи берут кредиты, продают имущество или полагаются на помощь родственников, работающих за рубежом. Однако даже при таких мерах поддержка часто оказывается недостаточной [Погорельская, Погодаев, 2024].

Несмотря на существование государственных стипендий и грантовых программ, они также зачастую не покрывают все расходы на образование. Например, в России, где обучается значительное число таджикских студентов, стоимость жизни, включая аренду жилья, питание, транспорт и учебные материалы, требует значительных финансовых вложений. В связи с этим многие студенты вынуждены работать в свободное от учебы время, что может негативно сказываться на их учебе и привести к хронической усталости.

Отток квалифицированных кадров. Отток квалифицированных кадров, или «утечка мозгов», также является одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивается Таджикистан. Высокий уровень эмиграции специалистов в таких сферах, как медицина, образование и наука, оказывает значительное влияние на экономическое и социальное развитие страны [Рязанцев, Письменная, Рахмонов, 2023]. Вложенные государством ресурсы в подготовку профессионалов в конечном итоге приносят пользу экономикам других стран, в то время как собственный рынок труда испытывает нехватку квалифицированных работников. При этом, согласно методологии ООН, каждый уехавший специалист обходится государству примерно в 300 тыс. долл. [Ryazantsev, Rakhmonov, 2024]. Это означает, что страна теряет значительные финансовые и интеллектуальные ресурсы, не получая взамен адекватного возмещения. По данным статистики, с 1991 по 2010 г. 266 тыс. специалистов в различных областях, особенно в здравоохранении и образовании, покинули страну [Ryazantsev, Rakhmonov, 2024]. Наши расчеты показали, что ущерб Таджикистану от миграции за указанный период составил 79,8 млрд долл.

Данные официальной статистики представляются менее пессимистичными. Министерство образования Таджикистана сообщает, что свыше 90% выпускников российских вузов, обучавшихся по межправительственным соглашениям и целевым направлениям, возвращаются и успешно трудоустраиваются в Таджикистане [От Душанбе до ..., 2025]. Участники пре-

зидентской программы «Дурахшандагон» по контракту обязаны отработать на родине не менее пяти лет, что обеспечивает приток квалифицированных кадров в госсектор, медицину, образование, науку и частный бизнес. Однако сохраняющиеся в стране низкий уровень заработной платы, ограниченные возможности карьерного роста, недостаточное финансирование науки и образования, а также общая нестабильность экономической ситуации стимулируют отток подготовленных специалистов.

Процесс адаптации в стране обучения. Адаптация студентов из Таджикистана в зарубежных странах является сложным и многоуровневым процессом. Он охватывает не только академическую среду, но и социально-культурную и бытовую сферы, а также сопряжен с рядом проблем, которые оказывают влияние на их успеваемость, психологическое состояние и социальную интеграцию [Погодаев, 2015].

Образовательные системы в разных странах часто строятся на принципах, существенно отличающихся от привычных для таджикских граждан. В странах Запада, например, акцент делается на критическое мышление, свободу выбора, индивидуальную ответственность и равные возможности для всех [Миронова, 2012]. В то время как в восточных государствах, включая Таджикистан, традиционно ценится коллективизм, уважение к старшим, семейные ценности и консервативный подход к жизненным вопросам.

Во время учебы за границей таджикские студенты могут столкнуться с новыми для них идеями, касающимися прав человека, гендерного равенства¹, свободы слова и самореализации. И они постепенно начинают воспринимать эти ценности как естественные, однако это может вызвать определенные сложности реадаптации после возвращения на родину (см. ниже).

Одним из ключевых препятствий на пути адаптации таджикских студентов остается языковой барьер. И хотя русский язык распространен среди таджикистанцев, уровень владения им не всегда достаточен для полноценного восприятия учебного материала.

Несоответствие структуры зарубежной подготовки потребностям внутреннего рынка труда. Отъезд значительной части молодежи за границу усиливает структурные дисбалансы в экономике страны-донора. Как уже отмечалось выше, экономика Таджикистана остро нуждается в инженерах, технологах, врачах для региональных учреждений и ИТ-специалистах, тогда как подавляющее большинство выпускников зарубежных программ получают образование по юриспруденции, финансам и менеджменту.

В результате, по данным СМИ, в Таджикистане складывается парадоксальная ситуация: несмотря на то что суммарно около 40 тыс. человек ежегодно оканчивают вузы (внутри страны и за рубежом), государство за-

¹ Например, студент, обучавшийся в Европе, может прийти к выводу, что гендерное равенство и независимость женщины в обществе являются важными аспектами прогресса. В свою очередь, это может вызвать недоумение или даже осуждение со стороны его семьи и окружения по возвращении на родину [Курбанова, 2012]

являет о дефиците специалистов в важных отраслях [Таджикистан: жажда ..., 2015]. Тысячи вакансий на крупных инфраструктурных проектах (например, Рогунская ГЭС) остаются незакрытыми. По оценкам национальных экспертов, в органах государственного управления недостает почти 4 тыс. квалифицированных работников; аналогичный дефицит характерен для школ и медицинских учреждений. К примеру, нехватка учителей в школах ежегодно составляет тысячи ставок¹. Похожая проблема в здравоохранении: дефицит врачей и среднего медперсонала сохраняется уже много лет [Ryazantsev, Rakhmonov, 2024].

Государственная «Программа профессионального обучения граждан Республики Таджикистан на 2021–2025 годы» предусматривает переобучение свыше 1 млн человек по востребованным специальностям, а внутри страны открываются новые инженерные факультеты. Однако без комплексного повышения качества высшего образования и создания привлекательных условий труда проблема несоответствия кадрового потенциала запросам экономики сохранится [Миллион за ..., 2024; Программа профессионального ..., 2020].

Реедаптация после возвращения и трансформация ценностных ориентиров. Еще одной (сопряженной с предыдущими) проблемой, с которой сталкиваются выпускники зарубежных вузов в Таджикистане, является несоответствие их квалификации уровню местного рынка труда. В развитых странах образовательные программы ориентированы на современные технологии, инновационные подходы и аналитическое мышление, в то время как таджикский рынок труда остается консервативным и слабо интегрированным в мировую экономику.

Например, специалисты в области информационных технологий, экономики, международного бизнеса или права могут обнаружить, что их знания и навыки не востребованы в стране или что работодатели предпочитают специалистов, получивших местное образование, ориентированное на реалии национального рынка. Это может привести к длительному периоду безработицы или к вынужденному поиску работы в другой сфере, не соответствующей профилю полученного за рубежом образования.

Сложность реедаптации также обусловлена бюрократическим процессом признания иностранных дипломов. Выпускники, получившие образование за рубежом, могут столкнуться с необходимостью прохождения дополнительной аттестации, сертификации или даже переобучения. В некоторых случаях это становится долгим и дорогостоящим процессом, который отталкивает молодых специалистов и побуждает их искать работу за границей, где их диплом признается автоматически.

Возвращение в родную страну после длительного пребывания за границей также может сопровождаться так называемым «обратным культур-

¹ Так, по официальным данным Министерства образования Таджикистана, только к началу 2024/25 уч. г. в школах страны не хватало около 4,3 тыс. учителей, особенно в сельской местности [Таджикистан столкнулся ..., 2025].

ным шоком». Многие студенты привыкают к другой системе ценностей, образу жизни и стилю работы, что делает процесс реадаптации довольно сложным [Савченко, 2010]. Например, выпускники, привыкшие к открытой дискуссии и демократическим принципам на рабочем месте, могут столкнуться с жесткой иерархической системой в таджикских организациях. Это приводит к чувству отчуждения и разочарования, а также к проблемам во взаимодействии с коллегами и работодателями.

Кроме того, возвращающиеся студенты могут испытывать сложности в личной и социальной жизни. Изменение менталитета, новые взгляды на общественные и семейные традиции иногда вызывают непонимание со стороны окружающих. Это может привести к социальной изоляции и даже к решению вновь уехать за границу в поисках более комфортной среды.

Таким образом, обучение за рубежом оказывает значительное влияние на мировоззрение таджикских студентов. Возвращаясь домой с новым набором знаний и ценностей, они часто сталкиваются с необходимостью заново интегрироваться в социокультурную среду Таджикистана, которая остается приверженной традиционным установкам. Этот процесс трансформации, с одной стороны, может вызывать напряженность в межпоколенческом и профессиональном взаимодействии. Однако, с другой стороны, может способствовать социальному прогрессу и экономическому развитию таджикского общества и государства.

Заключение

Образовательная миграция из Таджикистана является важным направлением миграционных процессов в Центральной Азии, оказывающим значительное влияние на социально-экономическое развитие страны. Основными факторами, определяющими образовательную миграцию, являются экономические мотивы, доступность зарубежного образования, межгосударственные образовательные соглашения, а также культурные и языковые связи, в первую очередь, с Россией. Ориентация таджикской молодежи на российские вузы обусловлена целым рядом объективных причин, в том числе: высокий уровень распространенности русского языка в Таджикистане, общее наследие советского образования, знакомство с российской образовательной системой, доступность грантов и квот. Однако в последние годы наблюдается диверсификация направлений образовательной миграции – увеличивается число студентов, обучающихся в Китае, Турции, странах Азии и Европы.

Одной из ключевых проблем для Таджикистана остается «утечка мозгов», так как значительная часть выпускников зарубежных вузов предпочитает оставаться в странах обучения, в которых существуют более благоприятные условия для их профессионального роста. Это приводит к кадровому дефициту в Таджикистане, особенно в высокотехнологичных и научных сферах.

Дополнительные вызовы связаны с финансовыми затратами на обучение за границей, сложностями адаптации студентов в инокультурной сре-

де, а также проблемами реинтеграции выпускников на родине, где уровень оплаты труда и условия профессиональной реализации зачастую уступают зарубежным возможностям.

Таким образом, образовательная миграция из Таджикистана представляет собой сложный и многоаспектный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные эффекты. В связи с чем требуется совершенствование национальной образовательной системы, создание привлекательных условий для возвращения выпускников на родину и развитие стратегий, направленных на интеграцию полученных ими знаний в экономику страны.

Список литературы

1. Аслонова Н. Минобрнауки назвало число обучающихся за границей таджикских студентов // Asia-Plus. – 2024. – 27.08. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20240827/minobrnauki-nazvalo-chislo-obuchayutshihhsya-za-granitsei-tadzhikskih-studentov?ysclid=m2ilpe3cup62840425> (дата обращения 10.02.2025).
2. Ашуров А. Исследование: таджикские студенты, обучающиеся за рубежом, не спешат вернуться домой // Radio Ozodi. – 2018. – 28.06. – URL: <https://rus.ozodi.org/a/29326100.html> (дата обращения 09.02.2025).
3. Большинство таджикских студентов для учёбы за рубежом выбирают российские вузы // Русский мир. – 2023. – 24.01. – URL: <https://russkiymir.ru/news/309643/> (дата обращения 24.05.2025).
4. Вторая декада // UNICEF. – 2019. – 30.09. – URL: <https://www.unicef.org/tajikistan/ru/вторая-декада> (дата обращения 20.05.2025).
5. Вузы России становятся все более популярны среди таджикских абитуриентов // Интернет-портал СНГ. – 2025. – 06.01. – URL: <https://e-cis.info/news/568/124121/> (дата обращения 18.02.2025).
6. Высшее образование в России: почему студенты из Центральной Азии так стремятся в российские вузы // Asia-Plus. – 2021. – 19.10. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20211019/visshee-obrazovanie-v-rossii-pochemu-studenti-iz-tsentralnoi-azii-tak-stremyatsya-v-rossiiskie-vuzi> (дата обращения 26.01.2025).
7. Демографический ежегодник Таджикистана 2021 / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – 2021. – 605 с. – URL: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/07/demografiya-21-1.pdf> (дата обращения 14.06.2025).
8. Демографический ежегодник Таджикистана 2024 / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – 2024. – 346 с. – URL: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/02/demog-01.01.2024.pdf> (дата обращения 14.06.2025).
9. Как получить квоту на обучение в вузах России? // Asia-Plus. – 2023. – 02.02. – URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230202/kak-poluchit-kvotu-na-obuchenie-v-vuzah-rossii> (дата обращения 19.05.2025).
10. Курбанова Л.М. Ценностные ориентации молодежи в условиях информационного общества // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 8(16). – С. 12. – URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (дата обращения 19.05.2025).
11. Миллион за 4 года: Как Таджикистан намерен вырастить новое поколение профессионалов // Asia-Plus. – 2024. – 03.09. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/>

- politics/20240903/million-spetsialistov-vlasti-tadzhikistana-postavili-zadachu-obuchit-professiyam-vseh-grazhdan-strani (дата обращения 14.05.2025).
12. Миронова О.А. Ключевые компетенции европейского образования // Мир образования – образование в мире. – 2012. – № 3(47). – С. 59–66.
 13. Николенко А.Н. Теоретические подходы к изучению учебной миграции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. – 2009. – № 1(9). – С. 229–234. – URL: <file:///Users/MacBookAir/Downloads/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-uchebnoy-migratsii.pdf> (дата обращения 24.05.2025).
 14. От Душанбе до Москвы: как российские вузы формируют элиту Таджикистана // SugNews. – 2025. – 16.05. – URL: <https://sugnews.com/2025/05/16/ot-dushanbe-do-moskvy-kak-rossijskie-vuzy-formirujut-jelitu-tadzhikistana/> (дата обращения 24.05.2025).
 15. Официальный сайт «Дурахшандагон» // Дурахшандагон. – URL: <https://durakhshandagon.tj/> (дата обращения 16.02.2025).
 16. Официальный сайт «Россотрудничество» // Россотрудничество. – URL: <https://rs.gov.ru/> (дата обращения 28.02.2025).
 17. Погодаев Н.П. Владение русским языком как условие адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве Томска // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 1(29). – С. 91–103.
 18. Погорельская А.М., Погодаев Н.П. Модернизация высшего образования в Таджикистане и особенности образовательного сотрудничества с Россией в 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 78. – С. 239–248.
 19. Подборка стипендий для граждан Таджикистана для обучения за рубежом // Asia-Plus. – 2023. – 04.09. – URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230904/podborka-stipendii-dlya-grazhdan-tadzhikistana-dlya-obucheniya-zarubezhom> (дата обращения 11.03.2025).
 20. Программа профессионального обучения граждан Республики Таджикистан на 2021–2025 годы от 31.12.2020 №703. // Adlia. – 2020. – 31.12. – URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=138591 (дата обращения 26.05.2025).
 21. Рахманова Ш. Могут ли граждане Таджикистана бесплатно учиться в Венгрии? // Asia-Plus. – 2023. – 01.11. – URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20231101/mogut-li-grazhdane-tadzhikistana-besplatno-uchitsya-v-vengrii> (дата обращения 05.03.2025).
 22. Рахмонов А.Х. Образовательная миграция из Таджикистана в страны ОЭСР: масштабы и тенденции // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 28–29 февраля 2024 г. – Ижевск : Изд-во УИР ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2024. – С. 451–457.
 23. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Рахмонов А.Х. Эмиграция молодежи из Таджикистана в страны Организации экономического сотрудничества и развития: история и современные тренды // Oriental Studies. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 1418–1443.
 24. Савченко И.А. Иностраный студент в России: условия и барьеры интеграции // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 4(110). – С. 25–31.
 25. Сченснович В.Н. Миграционные особенности стран Центральной Азии. (Аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир. – 2023. – № 1(327). – С. 59–71.

26. Таджикистан столкнулся с дефицитом учителей: не хватает более 4,3 тыс. специалистов // Avesta. – 2025. – 31.01. – URL: <https://avesta.tj/2025/01/31/tadzhikistan-stolknulsya-s-defitsitom-uchitelej-ne-hvataet-bolee-4-3-tys-spetsialistov/> (дата обращения 27.05.2025).
27. Таджикистан: жажда кадров и тысячи невостребованных дипломов // Radio Ozodi. – 2015. – 21.02. – URL: <https://rus.ozodi.org/a/26861417.html> (дата обращения 27.05.2025).
28. Топ-10 стран для трудоустройства после выпуска из вуза // Smapse Education. – 2025. – 11.06. – URL: <https://smapse.ru/top-10-stran-dlya-trudoustrojstva-posle-vypuska-iz-vuza/#:~:text=%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B0,%D0%92%D0%B8%D0%B7%D0%B0,%D1%81%20%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BE%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC%20+%20%D0%BE%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D1%83> (дата обращения 27.06.2025).
29. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. – New York : National Bureau of Economic Research: distributed by Columbia University Press, 1975. – 268 p.
30. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, edited by J. G. Richardson. – New York : Greenwood Press, 1986. – P. 241–258. – URL: https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_9155/objava_66783/fajlovi/Bourdieu%20The%20Forms%20of%20Capital%20_1_.pdf (дата обращения 28.05.2025).
31. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120. – URL: <https://faculty.washington.edu/matsueda/courses/587/readings/Coleman%201988.pdf> (дата обращения 28.05.2025).
32. Mincer J.A. Schooling, Experience, and Earnings. – New York : National Bureau of Economic Research, 1974. – 152 p. – URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/schooling-experience-and-earnings> (дата обращения 28.05.2025).
33. Monthly Nonimmigrant Visa Issuance Statistics // Travel.State.Gov. – URL: <https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/visa-law0/visa-statistics/nonimmigrant-visa-statistics/monthly-nonimmigrant-visa-issuances.html> (дата обращения 28.05.2025).
34. Ryazantsev S.V., Rakhmonov A.Kh. Emigration of Medical Personnel from Tajikistan Abroad: Causes and Consequences // Migration Letters. – 2024. – Vol. 21, N 4. – P. 1755–1767.
35. Schultz T.W. Investment in human capital // The American Economic Review. – 1961. – Vol. 51, № 1. – P. 1–17. – URL: <https://la.utexas.edu/users/hcleaver/330T/350kPEESchultzInvestmentHumanCapital.pdf> (дата обращения 28.05.2025).
36. Sjaastad J. Sources of Inspiration: The role of significant persons in young people's choice of science in higher education // International Journal of Science Education. – 2011. – Vol. 34, № 10. – P. 1615–1636.
37. Sorokin P. Social and Cultural Mobility. – New York : Free Press, 1959. – 645 p.
38. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. – 1971. – Vol. 61, № 2. – P. 219–249. – URL: <https://mobilitiek.nl/assets/Zelinsky-1971-The-Hypothesis-of-The-Mobility-Transition.pdf> (дата обращения 28.05.2025).

Статья получена: 17.03.2025

Одобрена к публикации: 23.07.2025.

УДК 378.4+338.46

DOI: 10.31249/espr/2025.03.05

И.О. Юрасова, Е.А. Баукин, И.А. Орехов*

**АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
РОССИЙСКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ**

Аннотация. Статья представляет результаты сравнительного анализа учебных планов ведущих американских и российских вузов, реализующих образовательные программы в сфере экономики. Эмпирические данные собраны на официальных сайтах десяти американских и шести российских университетов, на которых размещены образовательные программы направления подготовки «Экономика» (Economics degree) уровня бакалавриата. Для проведения исследования были использованы стандартные статистические процедуры, технически реализованные с помощью программного обеспечения MS Excel, XRealStats, Python 3. Прделанная работа позволила выявить и оценить структурные различия в распределении учебной нагрузки по категориям дисциплин. Сделанные выводы подчеркивают важность сбалансированности учебных программ, которая способствует их устойчивости к изменениям в образовательных трендах и позволяет взаимно обогащать образовательные системы в глобальном контексте.

Ключевые слова: высшее образование; экономическое образование; образовательные программы; сравнительный анализ; Россия; США.

*** Юрасова Ирина Олеговна**, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры Аудита и корпоративной отчетности Факультета налогов, аудита и экономического анализа Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия); iyurasova@fa.ru

Yurasova Irina, PhD in Econ.sci., associate professor, Audit and Corporate Reporting Department, Faculty of Taxes, Audit and Economic Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); iyurasova@fa.ru

Баукин Егор Алексеевич, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); shiva916@mail.ru

Baukin Egor, Financial University under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia); shiva916@mail.ru

Орехов Иван Алексеевич, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); iocoveredspace@gmail.com

Orekhov Ivan, Financial University under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia); iocoveredspace@gmail.com

Для цитирования: Юрасова И.О., Баукин Е.А., Орехов И.А. Анализ моделей образования в сфере экономики: российский и американский опыт // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 92–108.

**I.O. Yurasova, E.A. Baukin, I.A. Orekhov
Analysis of education models in the field of economics:
Russian and American experience**

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the curricula of leading American and Russian universities implementing educational programs in the field of economics. Empirical data was collected from official websites of ten American and six Russian universities where educational programs of the bachelor's degree in Economics are posted. To conduct the study, standard statistical procedures were used, technically implemented via MS Excel, XRealStats, Python 3 software usage. The conducted research makes it possible to identify and evaluate structural differences in the distribution of academic workload by discipline categories. The conclusions drawn emphasize the importance of balanced curricula, which makes them more resilient to changes in educational trends and mutually enrich of educational systems in a global context.

Keywords: undergraduate education; education in Economics; educational programs; comparative analysis; Russia; the USA.

For citation: Yurasova I.O., Baukin E.A., Orekhov I.A. Analysis of education models in the field of economics: Russian and American experience // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 92–108.

Введение: высшее образование в России и в США

В рамках современного подхода к высшему образованию выделяют три миссии университетов (вузов) – обучение, исследование, служение обществу (социальная миссия) [Зиневич, Мелехина, 2023, с. 89]. Однако мы не можем не подчеркнуть свое полное согласие с идеей, что «функция обучения была и остается главной составляющей деятельности вузов, которые являются основными «поставщиками» квалифицированной рабочей силы» [Коровникова, 2024, с. 124–125], и с тем, что «основная функция вузов заключается в образовании, а не в бизнесе и проведении научных исследований» [Положихина, 2018, с. 30]. В то же время следует отметить важность миссии университета по социально-экономическому и культурному развитию общества, поскольку «высшая школа интегрирует аспекты устойчивого развития в образовательные программы, определяет индикаторы и разрабатывает стандарты устойчивого развития, развивает корпоративную культуру и осуществляет структурные преобразования на пути к устойчивости» [Зиневич, Мелехина, 2023, с. 89–90], и сохранению человеческого капитала в регионах, в том числе через развитие университетских кампусов [Коровникова, 2023, с. 72–73].

При всей общественной значимости системы высшего образования, траектория ее развития в России в исторической ретроспективе весьма не проста. Особенностью последних 20 лет стали ее разнообразные реформы и апелляция к международному опыту. Одновременно в сфере отечественного высшего образования обостряется ряд специфических проблем системного характера, в их числе:

- сокращение притока новых кадров в профессорско-преподавательский состав вузов, связанное как с незаинтересованностью молодежи в карьере в сфере образования, так и с тем, что основным мотивом для поступления в аспирантуру является не научно-исследовательская деятельность, а более частные причины личного характера (уклонение от призыва на военную службу и пр.). Так, в 2022 г. прием в аспирантуру увеличился на 61 % по сравнению с 2021 г. (в предыдущем году этот рост составил 1 %), причем на бюджетной основе – всего на 4%, а по договорам об оказании платных образовательных услуг – в полтора раза (рассчитано авторами по данным: [Образование в цифрах, 2023, с. 46]);

- значительное превышение доходов в коммерческом секторе экономики над заработной платой сотрудников бюджетных образовательных учреждений, в результате чего: а) преподаватели вынуждены совмещать несколько работ, в связи с чем подготовке к проведению занятий часто уделяется недостаточно времени, как и разработке материалов, которыми можно разнообразить курсы; б) для специалистов-практиков преподавание становится хобби, к которому не разрабатывается полный комплект материалов, а спонтанно дается информация из отдельных кейсов (что хорошо для проведения мастер-классов, но не для системной учебной программы, предполагающей значительную и тщательную подготовку); в) «при этом, если какой-то профессионал из индустрии серьезно решает встать на путь преподавания в качестве второй основной деятельности, ему необходимо переквалифицироваться и изучать много нового» [Сычев, 2021];

- нарастание разрыва между профессиональными компетенциями выпускников и спросом на человеческий капитал со стороны работодателей, в т. ч. из-за неактуальных учебных планов, составляемых без учета современных требований (поскольку к их разработке часто относятся формально). Ряд экспертов винят в этом переход на Болонскую систему, которая дала немалый положительный опыт, особенно в технологии образовательного процесса, но не сработала в плане достижения главной номинированной цели – повышении качества образования [Анализ показателей ..., 2024, с. 51];

- снижение мотивации к обучению у студентов (в связи с невысокой корреляцией между образованием и заработком, особенно у начинающих специалистов; обучением в вузах и одновременной работой, часто не по специальности; низким уровнем отчисления по причине слабой успеваемости пр.).

Все эти негативные тенденции существенно ухудшают состояние системы высшего образования в России. В свою очередь, США до сих пор остаются одним из мировых лидеров в сфере науки и высшего образова-

ния. Хотя их лидерство не столь абсолютно: в Глобальном инновационном индексе страна уже не находится на первом месте, как и в Инновационном индексе Блумберга. Китай постепенно догоняет США и в этих сферах [Костяев, 2019, с. 72]. Однако информация по китайским учебным планам является более закрытой и в большей части не представлена на английском языке, поэтому не затронута в данном исследовании.

Американский опыт (см. например, [Костяев, 2019, с. 57]) все же заслуживает внимания с точки зрения его применения для решения некоторых российских проблем. Прежде всего, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- величина расходов на высшее образование. Сравнение трат на образование в России и США в абсолютных значениях уже может частично дать ответ, почему результаты американской системы высшего образования настолько успешны¹. Так, расходы на образование в расчете на одного обучающегося по программам высшего образования в США составляли в 2019 г. 35 347 долл., в России же – 14 803 долл., а в 2021 г. – 14 756 долл. (по паритету покупательной способности национальных валют). Хотя если приводить анализ относительных показателей, то разница не выглядит настолько устрашающе. Расходы на образование в процентах к валовому внутреннему продукту в США составили в 2019 г. 6%, а в России в этом же году – 4,3% [Образование в цифрах, 2023, с. 28–29]. Однако если принять во внимание разницу в объемах ВВП сравниваемых стран, то разрыв весьма ощутим;

- количество научных работ и патентов, в том числе в области экономики и финансов. «Состав верхней пятерки предметных областей, в которых Россия представлена наибольшим количеством публикаций, не менялся с 2014 г. В нее входят (иногда меняясь местами) прикладная физика, междисциплинарные исследования в области материаловедения, оптика, междисциплинарная физика, инженерия и электроника» [Положихина, 2019, с. 150]. Труды российских исследователей по экономическим наукам никогда не занимали верхние строки в рейтингах международных публикаций. В то время как США не только являются лидером по числу публикаций в социальных науках, но и во многом создают их теоретико-методическую базу;

- уровень квалификации выпускников и признание дипломов национальных высших учебных заведений в других странах. Например, в США действуют программы сертификации в области бухгалтерского учета и аудита (Certified Public Accountant, CPA), а также в сфере финансового анализа и управления (Chartered Financial Analyst, CFA), квалификация по итогам прохождения которой высоко ценится в финансовом секторе по всему миру. Перед высшей школой России стоит задача не только сохранения собственных традиций, но и развития международной деятельности в условиях усиливающегося санкционного давления. При этом на фоне старых проблем

¹ При этом не следует забывать, что в США высшее образование является платным, а в России – преимущественно бесплатным. – Прим. ред.

возникают новые, связанные с привлечением иностранных учащихся, официальным признанием отечественных дипломов на уровне межправительственных соглашений, доступом российских университетов к иностранной научной информации, их позиционированием в глобальных рейтингах¹ и др. [Анализ показателей ..., 2024, с. 52].

Для проведения сравнительного анализа российской и американской образовательных систем мы предпочли остановиться на таком понятии, как «качественное образование». Хотя оно во многом остается субъективным, но в настоящее время качество образования измеряется по четко определенным категориям, измеримым критериям и индикаторам, удобным и понятным для стейкхолдеров.

Особенностью российской системы высшего образования является доминирование государственных учреждений и, соответственно, ориентированность на государственный контроль качества. Поскольку государство выступает основным стейкхолдером, а вузы сталкиваются с необходимостью подотчетности внешним органам оценки, то критерии прозрачности и подотчетности были и остаются актуальными. Хотя в последние годы и происходит переход к концепции исключительности, что отражает восприятие качества, связанное с превосходством, эксклюзивностью и соревновательностью, а вузы выходят на новый уровень конкуренции, участвуя в гонке за позиции в международных рейтингах. «Просто превосходить конкурентов становится недостаточным, появляется необходимость быть лучше по всем возможным параметрам» [Корчак, Хавенсон, 2024, с. 14–15].

Цель проведенного исследования состояла в выявлении разницы в структуре дисциплин образовательных программ уровня бакалавриата, направления подготовки «Экономика» (bachelors degree in Economics) российских и американских вузов². Решением поставленной задачи стало проведение ряда стандартных статистических тестов в плоскости образовательного процесса, а именно – структуры учебных планов. В исследовании были использованы стандартные статистические процедуры, технически реализованные с помощью инструментария MS Excel, надстройки XRealStats, Python 3 и его библиотеки SciPy.

Методология исследования и полученные результаты

Для сравнительного анализа российской и американской моделей высшего образования в сфере экономики была разработана методика, основанная на статистическом анализе данных, собранных по образователь-

¹ Следует отметить, что до 2022 г. российские университеты наращивали свое представительство в международных рейтингах (THE University Impact Rankings) в рамках достижения глобальных целей устойчивого развития [Зиневич, Мелехина, 2023, с. 86].

² В исследовании были рассмотрены программы уровня бакалавриата, направления подготовки «Экономика», актуальные на 2024/25 уч.г. – *Прим. ред.*

ным программам вузов. Данные были структурированы в виде векторов, представляющих распределение учебных часов или долей учебного плана, отведенных на шесть категорий дисциплин: математика и информатика, экономика, финансы, гуманитарные науки, естественные науки и прочие дисциплины. Выборка включала 10 вузов из США (в т.ч. Massachusetts Institute of Technology (MIT), Stanford University (далее – Stanford), University of California (Berkeley), Yale University (далее – Yale), New York University (далее – New York), University of Chicago (далее – Chicago), Northwestern University (далее – NWU), Princeton University (далее – Princeton), University of Pennsylvania (далее – Pennsylvania), Colombia University (далее – Colombia)) и шесть вузов из России: Финансовый университет при Правительстве РФ (далее – ФУ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (далее – ВШЭ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (далее – РАНХиГС), Санкт-Петербургский государственный экономический университет (далее – СПбГЭУ), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (далее – РЭУ им. Плеханова), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (далее – МГУ). Выбор вузов был обусловлен требованием соблюдать паритет качества образования и привел к необходимости применения методов, устойчивых к малым объемам данных.

Следует уточнить ряд ограничений сравнения. Во-первых, в экономике США наиболее развит финансовый сектор, с крупнейшими банками и инвестиционными фондами. Это безусловно создает высокий спрос на специалистов в области экономики, финансов, менеджмента и бизнеса. В экономике России доминируют сырьевые отрасли, что, в свою очередь, определяет потребность в экономистах и финансистах более узкого (отраслевого) профиля.

Во-вторых, значимые отличия в структуре самой образовательной системы США и России влияют на количество различных учебных заведений, (не только экономической направленности). В США существует множество частных университетов и колледжей, что создает конкуренцию за студентов, в том числе по программам, связанным с экономикой и финансами. В России высшие учебные учреждения в основном государственные. В связи с чем программы более стандартизированы, а специализация на финансах или экономических дисциплинах менее ярко выражена.

Наконец, серьезное влияние на образовательную сферу имеют также культурные и исторические особенности стран. В США предпринимательство, капиталистические отношения и финансово-экономические подходы глубоко укоренены в культуру, а следовательно, спрос и интерес к экономическим и финансовым дисциплинам гораздо выше. В России переход к рыночной экономике состоялся в 1990-х годах, в связи с чем приоритет в системе образования сохраняют технические и естественнонаучные специальности. В итоге, в США экономическое направление широко представлено в разных вузах – из-за большого спроса на такие специальности, ры-

ночной конкуренции, привлекательности образа бизнесмена и финансиста. В России экономическое образование менее авторитетно (особенно в теоретическом плане – в том числе ввиду вынужденного быстрого перехода от подготовки специалистов для плановой экономики к обучению законам рынка). Хотя также является одним из распространенных направлений подготовки кадров высшей квалификации.

Для выявления различий и сходств между образовательными системами России и США в сфере экономики были проведены статистические тесты. Цель анализа состояла в определении структурных различий в распределении учебной нагрузки по перечисленным выше категориям дисциплин и оценке схожести образовательных подходов. Использованы методы: анализ главных компонент (Principal Component Analysis, PCA), тесты Колмогорова-Смирнова, Манна-Уитни, расстояние Вассерштейна, тест на перестановки, хи-квадрат, выбранные для снижения размерности данных, сравнения распределений и оценки значимости различий. Методы выбраны с учетом неоднородности данных (абсолютные и относительные показатели), малого размера выборки, исключающего параметрические тесты, и многомерности данных (шесть категорий). Непараметрические подходы обеспечили устойчивость анализа.

Безусловно, малая выборка снижает статистическую мощность исследования, повышая риск ошибок второго рода (ложноотрицательный результат). Различие определений и классификации дисциплин также может искажать результаты, особенно для PCA и хи-квадрат. Множественное тестирование увеличивает риск ошибок первого рода (ложноположительные результаты), однако его влияние было нивелировано с помощью поправки Бонферрони. Для минимизации погрешностей результаты интерпретировались комплексно. Методология обеспечила сравнительный анализ, но требует осторожной интерпретации и может быть адаптирована для повышения статистической мощности.

Анализ главных компонент (PCA) предполагает упрощение многомерных данных путем их преобразования в меньшее число новых переменных, называемых главными компонентами. В контексте сравнения образовательных программ вузов, PCA применяется к данным, где каждая строка представляет вуз, а столбцы – показатели доли часов учебного плана, отведенные на конкретные категории дисциплин (например, математика, экономика, финансы).

Для интерпретации результатов использовались следующие подходы.

1. График осыпи – показывающий, сколько вариативности данных объясняет каждая принципиальная компонента (через собственные значения).
2. Собственные векторы – показывают, как исходные показатели (например, часы, отведенные на математику или экономику) влияют на каждую главную компоненту.
3. Кластеры. Если вузы отображаются на плоскости, заданной первыми двумя главными компонентами, можно заметить группы вузов, которые

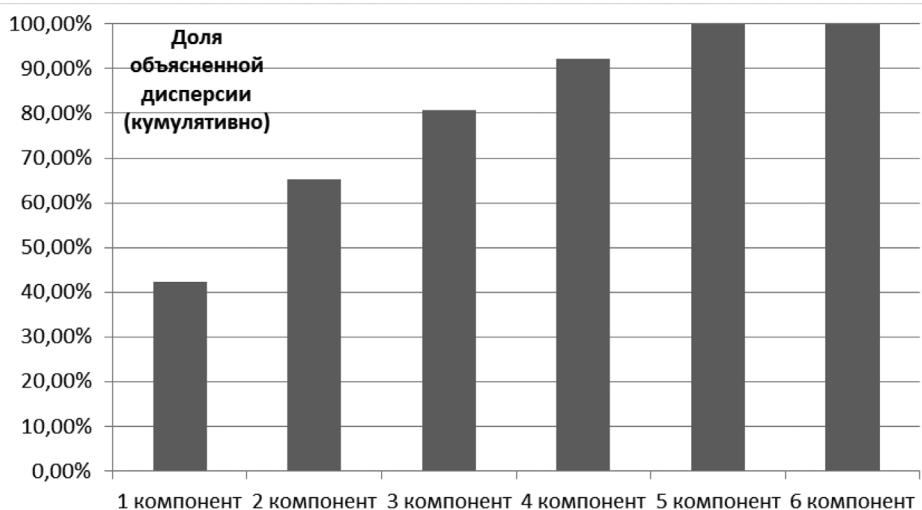

Рис. 1. График осыпи¹

Составлено авторами по данным расчетов.

близки друг к другу. Такие группы обоснованно указывают на схожие образовательные профили.

График осыпи, полученный в ходе анализа, выглядит следующим образом (рис. 1).

Как правило, достаточным для описания является число принципиальных компонент, кумулятивно объясняющее не менее 80% дисперсии исходных данных. В таком случае принято считать, что потеря данных незначительно влияет на восприятие результатов. В нашем исследовании на долю трех первых принципиальных компонент пришлось 80,81%.

Для упрощения интерпретации результатов можно приблизительно передать смысл каждой из трех принципиальных компонент (далее – 1 ПК), используемых в анализе на основании весов координат исходных векторов:

- ПК-1 условно демонстрирует степень гуманитарности вуза, т.е. вилку от максимальной связи с математикой и информатикой до преобладающей связи с гуманитарными науками. На итоговом графике является осью абсцисс: чем правее вуз, тем он «гуманитарнее»;

- ПК-2 выделяет различия между программами с акцентом на экономику (сильный отрицательный вклад) и теми, где больше внимания уде-

¹ Изначально рассмотрено шесть принципиальных компонент по количеству категорий (6-мерное пространство, в котором доля дисперсии, объясненная каждой из компонент, это отношение ее самой к сумме всех собственных значений). Далее рассматриваются только три, так как они объясняют подавляющую долю вариальности данных.

ляется финансам и математике/информатике (положительные вклады). Естественные науки и «другое» имеют отрицательный вклад, что указывает на меньший фокус на эти категории в вузах с высокими значениями ПК-2. Таким образом, ПК-2 можно интерпретировать как показатель специализации программы. На итоговом графике является осью ординат: чем выше вуз, тем сильнее там проявлена специализация;

– ПК-3 подчеркивает различия между программами, где больше внимания уделяется гуманитарным и естественным наукам (сильные положительные вклады), и теми, где акцент сделан на финансы и экономику (отрицательные вклады). ПК-3 можно интерпретировать как показатель более широкого академического подхода (с включением в программу гуманитарных и естественнонаучных дисциплин) в противовес узкой финансово-экономической специализации.

Исходя из того, что трехмерные графики громоздки и неудобны, вклад ПК-3 был отражен с помощью размера пунсона (кружка), представляющего вуз. При этом на рисунке красные кружки обозначают вузы, в которых наиболее заметен вклад точных наук, а синие – в которых существенен вклад экономических дисциплин¹. Чем больше размер пунсона, тем сильнее проявляется их ориентация (рис. 2).

Распределение по ПК-1 и ПК-2. Как видно на рис. 2, значительная часть вузов США сосредоточена в нижней части графика (отрицательные ПК-1 и ПК-2), что свидетельствует об их ориентации на экономику и естественные науки. Вузы РФ в среднем находятся выше по ПК-2, указывая на больший фокус на финансы и математику/информатику.

Систематических различий по ПК-1 нет, однако вузы РФ в среднем лежат гораздо выше и им присуща экстремальность по какой-либо или сразу по нескольким компонентам. Только два российских вуза (РАНХиГС и ФУ) попадают в центральный кластер и могут быть сопоставлены с американскими, сгруппировавшимися около начала координат.

Распределение по ПК-3. Красный цвет (положительная ПК-3) пунсонов, соответствующих Chicago, ВШЭ, New York, MIT, Colombia, Berkeley, указывает на их акцент на точные (включая естественные) науки. Самый большой размер у красных кружков, соответствующих Chicago (среди американских вузов) и ВШЭ (среди российских), подчеркивает их сильный уклон в математику, информатику и финансовые дисциплины. Синий цвет (отрицательная ПК-3) больших пунсонов, соответствующих СПбГЭУ, РАНХиГС, ФУ, Stanford, Pennsylvania, указывает на их узкую финансово-экономическую ориентацию. Вузы с большими размерами кружков демонстрируют большую экономическую направленность. Маленькие размеры пунсонов (например, соответствующие РЭУ им. Плеханова, МГУ, NWU,

¹ Под точными науками здесь и далее подразумеваются математика и информатика, а также естественные дисциплины из исходного списка, а под экономическими – экономические и финансовые дисциплины.

Princeton, Yale) свидетельствуют о слабовыраженной ПК-3, что говорит о большей сбалансированности между точными и экономическими дисциплинами.

Пересечения. MIT, Princeton, Columbia, NWU (США) и РАНХиГС, ФУ (РФ) группируются близко друг к другу, что указывает на схожесть их программ «в степени гуманитарности». Американские вузы калифорнийской ветви (Berkeley, Stanford, Yale) составляют плотный кластер в нижней левой части графика, что указывает на их схожесть, которая подтверждается на практике (исторически калифорнийские вузы используют близкие методики образования). Определенную близость также демонстрируют российские ВШЭ и СПбГЭУ, которые располагаются в верхней левой части графика, но они отличаются своей ориентацией (разный цвет соответствующих пунсонов).

Таким образом, анализ главных компонент показывает, что образовательные программы вузов США и РФ в сфере экономики демонстрируют как различия, так и сходства. Вузы США чаще ориентированы на общие дисциплины и экономику (отрицательные ПК-1 и ПК-2), тогда как вузы РФ склонны к акценту на финансы и математику/информатику (положительные ПК-2). Третья компонента выявляет дополнительный аспект, но ее вклад менее значим. Пересечения между вузами США и РФ указывают на частичную схожесть программ, особенно в финансово-математической области.

Использование теста Манн-Уитни (U-test) – непараметрического статистического метода для сравнения двух независимых выборок с целью определения, различаются ли их центральные тенденции (например, медианы). В данном исследовании тест применялся для сравнения распределения долей различных категорий дисциплин между вузами США и РФ. Если статистика U-test указывает на значимые различия (с учетом уровня значимости, в данном случае, $p < 0,05$), это означает, что распределения в двух группах существенно различаются.

Результаты теста Манна-Уитни для каждой категории дисциплин представлены в виде p-значений:

- математика и информатика: $p = 0,6354$ – различия незначимы ($p > 0,05$);
- экономика: $p = 0,8775$ – различия незначимы;
- финансы: $p = 0,0727$ – различия близки к значимым ($p \approx 0,05$);
- гуманитарные науки: $p = 0,6354$ – различия незначимы;
- естественные науки: $p = 0,0003$ – различия значимы ($p < 0,05$);
- другое: $p = 0,7925$ – различия незначимы.

Таким образом, тест Манна-Уитни показал, что наиболее выраженные различия между выбранными вузами США и РФ наблюдаются в категории естественных наук ($p < 0,05$), т.е. там, где одна из систем образования (отечественная) делает больший акцент. Финансы также демонстрируют тенденцию к различиям ($p \approx 0,05$), но результат требует дальнейшего анализа и проверки. Остальные категории (математика, экономика, гуманитарные науки, другое) не показали значимых различий, что говорит о схожести образовательных подходов в этих областях.

Такой результат во многом ожидаем из-за особенностей выборки. В представленных многопрофильных американских вузах естественные науки, как правило, включены в обязательные общеобразовательные требования (general requirements), что обеспечивает их присутствие в учебных планах. В российских вузах экономической направленности естественные науки в рамках программ по экономике вообще не представлены. Эта системная особенность подчеркивает более широкий охват дисциплин в образовательной модели многопрофильного вуза по сравнению с более специализированным.

Тест Колмогорова-Смирнова (KS-тест) – этот непараметрический метод используется для сравнения двух выборок с целью проверки, принадлежат ли они к одному и тому же распределению. В данном исследовании KS-тест применялся к каждой категории дисциплин для сравнения распределения долей учебных часов между вузами США и РФ.

Результаты KS-теста для каждой категории дисциплин представлены в виде статистики KS и p-значений:

- математика и информатика: $KS = 0,3333$, $p = 0,7125$ – различия незначимы ($p > 0,05$);
- экономика: $KS = 0,2667$, $p = 0,8876$ – различия незначимы;
- финансы: $KS = 0,6000$, $p = 0,0922$ – различия близки к значимым ($p \approx 0,05$);

- гуманитарные науки: $KS = 0,4000$, $p = 0,5055$ – различия незначимы;
- естественные науки: $KS = 1,0000$, $p = 0,0002$ – различия значимы ($p < 0,05$);
- другое: $KS = 0,4667$, $p = 0,3049$ – различия незначимы.

Таким образом, KS-тест подтвердил ранее сделанные выводы.

Расстояние Вассерштейна, также известное как Earth Mover's Distance (EMD), – это метрика, измеряющая «работу», необходимую для преобразования одного распределения в другое. В данном исследовании EMD применялось для каждой категории дисциплин для количественной оценки различий в распределении долей учебных часов между вузами США и РФ. Метод особенно полезен для малых выборок, так как он учитывает не только разницу в центральных тенденциях, но и форму распределений, интерпретируя их как «массы», которые нужно «перенести» из одного распределения в другое.

Значения расстояния Вассерштейна для каждой категории:

- математика и информатика: 0,0587 – умеренное различие, распределения имеют заметные, но не критичные отличия;
- экономика: 0,0319 – небольшое различие, распределения близки друг к другу;
- финансы: 0,0787 – значительное различие, распределения существенно различаются;
- гуманитарные науки: 0,0514 – умеренное различие, распределения имеют некоторые отличия;
- естественные науки: 0,0982 – наибольшее различие; распределения сильно отличаются;
- другое: 0,0433 – небольшое различие, распределения относительно схожи.

Таким образом, EMD, подтверждая ранее сделанные выводы, позволяет глубже представить структурные особенности образовательных программ. В частности, значительное различие в категории финансов может быть связано с учетом в отечественных вузах особенностей национальной финансовой системы, тогда как американские больше ориентируются на международный формат. Умеренные различия в категориях математики и информатики и гуманитарных наук могут быть обусловлены вариациями в структуре учебных планов. Например, вузы США больше фокусируются на интеграции математики в междисциплинарные курсы, тогда как в РФ внимание смещено на прикладные аспекты.

Тест на перестановки (Permutation Test) – этот непараметрический метод используется для проверки значимости различий между двумя выборками без предположений о распределении данных.

Для теста были выбраны две метрики: сумма абсолютных разностей и евклидово расстояние. Сумма абсолютных разностей измеряет общее расхождение между средними значениями по всем категориям, подчеркивая абсолютные отклонения без учета направления. Евклидово расстояние, на-

против, учитывает геометрическую близость векторов, акцентируя внимание на совокупной разнице с учетом корреляций между категориями. Эти метрики дополняют друг друга: первая выделяет локальные различия, вторая – общую структурную схожесть, что особенно важно для многомерных данных с малым размером выборки.

Результаты теста представлены наблюдаемыми статистиками и p -значениями:

- сумма абсолютных разностей: наблюдаемая статистика = 0,2636; $p = 0,1172$ – различия незначимы ($p > 0,05$);
- евклидово расстояние: наблюдаемая статистика = 0,1384; $p = 0,0692$ – различия близки к значимым ($p \approx 0,05$).

Таким образом, тест на перестановки выявил, что общие различия между образовательными программами вузов США и РФ по сумме абсолютных разностей незначимы, что указывает на отсутствие выраженных локальных расхождений в среднем по всем категориям. Однако евклидово расстояние демонстрирует тенденцию к значимым различиям, что может свидетельствовать о структурных отличиях в распределении учебной нагрузки, например, в балансе между категориями. Эти результаты в целом согласуются с выводами других тестов, но требуют дополнительного изучения.

Тест Хи-квадрат. – этот статистический метод используется для проверки независимости двух категориальных переменных. Данные были представлены в виде таблицы сопряженности, где строки соответствуют группам (США, РФ), а столбцы – категориям дисциплин. Для анализа частот данные были нормализованы так, чтобы сумма часов по всем категориям для каждой группы составляла 1000 (т.к. для проведения теста необходимы частоты, а не доли). Использование оригинальных данных повлекло бы за собой переориентацию теста на сравнения абсолютных значений, и, следовательно, отход от сравнения структуры. Тест сравнивает наблюдаемые частоты между собой по странам, предполагая независимость групп и категорий.

- Хи-квадрат статистика: 1044,4108 – большое значение статистики указывает на значительное расхождение между наблюдаемыми и ожидаемыми частотами;

- p -значение: стремится к нулю – различия значимы ($p < 0,05$), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о независимости распределения категорий от страны.

Ожидаемые частоты (после нормализации):

РФ: 1446,20; 1980,74; 348,47; 1218,32; 368,34; 637,92.

США: 2410,34; 3301,24; 580,78; 2030,54; 613,91; 1063,20.

Из-за того, что российских вузов в выборке меньше (шесть против 10), ожидаемые частоты в 5/3 раза меньше.

Ожидаемые частоты показывают, каким должно быть распределение часов (при сумме 1000), если бы оно не зависело от страны. Однако наблюдаемые частоты значительно отклоняются от ожидаемых, что отражено в высокой статистике Хи-квадрат.

Таким образом, тест Хи-квадрат выявил значимые различия ($p < 0,05$) в распределении нормализованных учебных часов (сумма 1000) по определенным категориям дисциплин между вузами США и РФ, что указывает на зависимость структуры учебных планов от образовательной системы. Большая статистика (1044,4108) подчеркивает выраженные расхождения, вероятно, обусловленные системными отличиями. Эти результаты подтверждают выводы других тестов и подчеркивают необходимость учета страновых особенностей при сравнении образовательных моделей.

Заключение: основные выводы исследования

Основной акцент исследования был сделан на распределении учебной нагрузки по определенным категориям дисциплин, что позволило глубже понять структурные особенности двух образовательных систем. Сравнительный анализ образовательных программ в сфере экономики российских и американских вузов выявил как системные различия, так и неожиданные точки соприкосновения.

Наиболее значимые различия обозначились в категории естественных дисциплин. Многопрофильные вузы США включают естественные науки в обязательные общеобразовательные требования, что отражает их более широкий подход к образованию, в котором междисциплинарность играет важную роль. В российских вузах экономической направленности эта категория отсутствует, что подчеркивает более узкую специализацию программ и фокус на профильные дисциплины. Найденное различие свидетельствует о парадоксальности современной ситуации. Советскую систему высшего образования в свое время обвиняли в излишней «фундаментальности» и широте даваемых знаний. Теперь же американская система стремится к формированию «универсального» выпускника, тогда как российская ориентирована на раннюю профессионализацию.

Выявлены также заметные различия в финансовой специализации вузов двух стран с тенденцией к большей ее доле в российских вузах (например, 837 часов в РАНХиГС против 0 в Yale, Berkeley, Columbia). Анализ главных компонент подтвердил, что российские вузы (например, СПбГЭУ, ФУ) чаще ориентированы на финансы и математику/информатику. Это может быть обусловлено спросом национального рынка труда, на котором востребованы узкие специалисты в финансовой сфере. Вузы США, как уже отмечалось, не имеют ярко выраженной специализации, что отражает их плотная кластеризация в нижней части графика PCA.

Российские вузы (например, СПбГЭУ, ВШЭ) чаще демонстрируют экстремальные значения по компонентам PCA, что указывает на более выраженную специализацию. Американские вузы (например, NWU и Princeton) показывают сбалансированность между точными и экономическими дисциплинами. Хотя МГУ или РЭУ им. Г.В. Плеханова также демонстрируют равномерное распределение, что делает их ближе к американским, чем

к другим российским вузам. Это может указывать на зрелость и сбалансированность их образовательных программ.

В целом результаты исследования можно связать с более широкими идеями о целях образования. Американская система, с ее акцентом на естественные науки и сбалансированность, отражает идею «liberal arts» – образования, направленного на развитие критического мышления и универсальных навыков, которые позволяют выпускникам адаптироваться к любым вызовам. Российская система, напротив, ближе к концепции «специализации ради эффективности», в которой образование подчинено практическим задачам и подготовке к конкретным профессиональным ролям. Это различие можно интерпретировать через призму культурных ценностей: в США ценится индивидуальная гибкость и способность к саморазвитию, тогда как в России исторически приоритет отдается коллективной эффективности и узкой экспертизе.

Кроме того, схожесть программ некоторых вузов наводит на мысль о «конвергенции» образовательных систем в глобальном контексте. Несмотря на системные различия, глобализация и обмен академическими практиками приводят к тому, что отдельные вузы начинают перенимать черты друг друга, особенно в стремлении к фундаментальности или узкой специализации. Это может быть индикатором того, что в будущем различия между системами будут стираться.

Интересно, что сбалансированность и многопрофильность программ может быть индикатором зрелости и универсальности вузов, а также их устойчивости к изменениям в образовательных трендах. Примером служит эволюция ВШЭ от специализированного экономического вуза к многопрофильному учебному заведению, включающему подготовку квалифицированных кадров по физике, химии и т. д.

Сделанные выводы подчеркивают не только различия, но и потенциал для взаимного обогащения образовательных систем в глобальном контексте.

Список литературы

1. Анализ показателей эффективности университетов – участников исследовательского трека программы «Приоритет-2030» / Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В. // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 3. – С. 49–63.
2. Бакалавриат // Экономический факультет. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ). Факультет экономики: Программа бакалавриата «Экономика». – URL: <https://www.econ.msu.ru/students/bachelor/> (дата обращения 13.05.2025).
3. Бакалавриат и специалитет Президентской академии // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАН-ХиГС). – URL: <https://www.ranepa.ru/bakalavriat/> (дата обращения 13.05.2025).
4. Бакалаврская программа «Экономика» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). – URL: <https://www.hse.ru/ba/economics/> (дата обращения 13.05.2025).

5. Гурьянова В.Г. Высшее экономическое образование в США // Интеграция образования. – 2004. – № 2. – С. 19–21.
6. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / Аналитический центр при Правительстве РФ. – Москва, 2020. – 238 с.
7. Зиневич О.В., Мелехина Е.А. Высшее образование для глобального и локального устойчивого развития // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 3. – С. 84–102.
8. Коровникова Н.А. Образовательный потенциал современного города // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3. – С. 60–78.
9. Коровникова Н.А. Оценка регионального инновационного потенциала вузов: зарубежный и отечественный опыт // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 123–135.
10. Корчак А.Э., Хавенсон Т.Е. Понятие «качество» в высшем образовании: от офлайн-к онлайн-формату // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 1. – С. 9–27.
11. Костяев С.С. Организация, финансирование и оценка результатов НИОКР в США // Экономические и социальные проблемы России. – 2019. – № 2. – С. 56–75.
12. Образование в цифрах : 2023 : краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 132 с.
13. Образовательные программы СПбГЭУ. Бакалавриат // Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ). – URL: <https://unecon.ru/education/> (дата обращения 13.05.2025).
14. Образовательные программы: Экономика // Финансовый университет при Правительстве РФ. – URL: <https://www.fa.ru/for-applicants/educational-programs/bachelor/> (дата обращения 13.05.2025).
15. Образовательные программы. Бакалавриат (РЭУ им. Плеханова) // РЭУ им. Плеханова. – URL: <https://www.rea.ru/profiles> (дата обращения 13.05.2025).
16. Положихина М.А. Подходы к оценке результатов научной деятельности в России // Экономические и социальные проблемы России. – 2019. – № 2. – С. 139–161.
17. Положихина М.А. Система образования в России с точки зрения формирования человеческого капитала // Экономические и социальные проблемы России. – 2018. – № 2. – С. 8–36.
18. Сычев А. Тренд: предприниматели идут учить студентов. Как стать первоклассным преподавателем? // РУСБЕЙС. – 2021. – 17.08. – URL: <https://rb.ru/opinion/nauchit-praktika-prepodavat/> (дата обращения 13.05.2025).
19. Course Descriptions (Columbia University) // Columbia Economics. – URL: <https://econ.columbia.edu/undergraduate/courses/> (дата обращения 13.05.2025).
20. Courses (Stanford University) // Stanford, Department of Economics. – URL: <https://economics.stanford.edu/courses> (дата обращения 13.05.2025).
21. Department of Economics. Undergraduate program // Northwestern University. – URL: <https://economics.northwestern.edu/undergraduate/> (дата обращения 13.05.2025).
22. Economics (ECON UA) // NYU. – URL: <https://as.nyu.edu/econ/undergraduate/courses.html> (дата обращения 13.05.2025).
23. Undergraduate courses (Yale University) // Yale University, Department of Economics. – URL: <https://economics.yale.edu/undergraduate/courses> (дата обращения 13.05.2025).

24. Undergraduate program (Massachusetts Institute of Technology) // MIT Economics. – URL: <https://economics.mit.edu/academic-programs/undergraduate-program/majors> (дата обращения 13.05.2025).
25. Undergraduate program (Princeton University) // Princeton Economics. – URL: <https://economics.princeton.edu/undergraduate-program/> (дата обращения 13.05.2025).
26. Undergraduate program (University of California) // Berkeley Economics. – URL: <https://econ.berkeley.edu/undergraduate/courses> (дата обращения 13.05.2025).
27. Undergraduate program (University of Pennsylvania) // Penn Economics. – URL: <https://economics.sas.upenn.edu/undergraduate> (дата обращения 13.05.2025).
28. Undergraduate programs (University of Chicago) // The University of Chicago, Department of Economics. – URL: <https://economics.uchicago.edu/programs-study/undergraduate-programs> (дата обращения 13.05.2025).

Статья получена: 09.05.2025.

Одобрена к публикации: 11.07.2025.

Ф.Л. Бражалович*

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТУРЦИИ:
ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Аннотация. В современном мире высшее образование является наиболее понятным и удобным инструментом «мягкой силы» при осуществлении внешней и внутренней политики государства. За последние годы престиж турецкого высшего образования на международной арене повысился – страна вошла в категорию лидеров по числу иностранных студентов. Доход от экспорта образования стал сопоставим с объемами экспорта некоторых видов промышленной продукции. Тем не менее нынешняя структура направлений подготовки специалистов не соответствует запросам турецкой экономики. Среди выпускников вузов преобладают профессии гуманитарного профиля, в то время как в отраслях хозяйства растет потребность в специалистах с инженерными навыками. В связи с чем государство проводит медленную трансформацию структуры высшего образования с повышением роли технических и естественных наук.

Ключевые слова: Турция; высшее образование; университеты; иностранные студенты; «мягкая сила».

Для цитирования: Бражалович Ф.Л. Высшее образование в Турции: внутренний и внешний потенциал // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 109–131.

**F.L. Brazhalovich
Higher Education in Türkiye:
Internal and External Potential**

Abstract. In the modern world, higher education is the most understandable and convenient tool of “soft power” in the implementation of foreign and domestic policy of the state. In recent years, the prestige of Turkish higher edu-

* Бражалович Федор Леонидович, научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва, Россия); 1_flb@mail.ru

Brazhalovich Fedor, Institute of social information for social sciences, Russian academy of sciences (Moscow, Russia); 1_flb@mail.ru

cation in the international arena has increased – the country has become one of the leaders in the number of international students. The income from the export of education has become comparable to the volume of exports of some types of industrial products. Nevertheless, the current structure of specialist training areas does not meet the demands of the Turkish economy. Humanities professions predominate among university graduates, while the need for specialists with engineering skills is growing in the economic sectors. In this regard, the state is slowly transforming the structure of higher education with an increased role of technical and natural sciences.

Keywords: Türkiye; higher education; universities; international students; soft power.

For citation: Brazhalovich F.L. Higher Education in Türkiye: Internal and External Potential // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 109–131.

Введение

Предоставление образовательных услуг является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» современных государств¹. Развитая система образования, интегрированная в международное образовательное и научное пространство и, что более важно, отвечающая требованиям современной высокотехнологичной экономики, считается одним из важнейших конкурентных преимуществ страны в «мировой борьбе за умы» [Торкунов, 2012, с. 86].

Многие страны в процессе перехода к инновационной модели экономики большое внимание уделяют модернизации и интернационализации национальных систем образования [Ламашева, 2024]. Турция не стала исключением. Она активно продвигается на международном уровне, создав широкую сеть научно-образовательных и просветительских организаций: Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA), Институт Юнуса Эмре (Yunus Emre Enstitüsü), Управление по делам турок и родственных общин за рубежом (YTB), Управление по делам религии (Diyanet İşleri Başkanlığı), Турецкий Фонд «Маариф» (Türkiye Maarif Vakfı), которые напрямую или опосредованно связаны с государством [Погодаев, 2025, с. 160]. Кроме того, действуют, негосударственные организации, в частно-

¹ Термин «мягкая сила» впервые был введен в научный оборот американским политологом Джозефом Наем в 1990 г. на страницах общественно-политического журнала Foreign Policy. Под ней ученый понимал «возможность получить желаемое скорее за счет привлекательности, а не за счет принуждения или платежей» [Нье, 2004, X].

Согласно Дж. Наю, «"мягкая сила" страны основывается на трех ресурсах: культуре (в тех аспектах, которые привлекательны для других), политических ценностях (при условии, что она их воплощает во внутренней и во внешней политике) и внешней политике (при условии, что другие считают внешнюю политику этой страны законной и моральной)» [Агеева, 2024].

сти, движение «Хизмет», возникшее вокруг идей Ф. Гюлена (1941–2024). С «Хизметом» активно ведет борьбу их конкурент – «Маариф»¹ [Чедия, 2023]. Приоритетными региональными направлениями данных институтов являются Центральная Азия, Кавказ, Балканский полуостров, Ближний и Средней Восток, Африка.

Термин «мягкая сила» рассматривают преимущественно в качестве внешнеполитического инструмента страны. Однако его вполне возможно применить и к внутренней политике. В контексте последней «мягкая сила» представляет собой способность государства побуждать население к принятию определенного образа жизни для решения различных социально-экономических задач путем обращения к таким аксиологическим факторам как история, религия, семья, язык, спорт, наука, образование и др. [Бугайчук, 2024, с. 12].

Привлечение учащихся из-за рубежа ничуть не меньше способствует налаживанию связей и продвижению идей, чем образовательные программы государства, осуществляемые в третьих странах. Более того, «мягкая сила» в высшем образовании помогает определить вектор развития собственной страны на ближне- и среднесрочную перспективу. В случае с Турцией она направлена на удовлетворение запросов современной наукоемкой цифровой экономики.

В данной работе проанализирована привлекательность турецкой системы высшего образования (как инструмента «мягкой силы») для иностранцев, получающих знания в Турции. Анализ структуры направлений подготовки будущих специалистов позволяет ответить на вопрос, насколько они отвечают потребностям турецкой экономики и способствуют реализации стратегических целей, стоящих перед страной.

Основные показатели турецкой системы высшего образования

С 2012 г. студенты турецких государственных вузов дневной или заочной бюджетных форм обучения, получающие первое высшее образование, не платят за него при условии, что учащиеся не превышают стандартную продолжительность своих программ (в частности, бакалавры – 4 года, магистры – 2 года, медики – от 5 до 6 лет) [Частные школы ... , 2024].

На протяжении 2010-х годов затраты на образование в Турции превышали 5% ВВП; в 2020-х годах наблюдается резкое снижение уровня затрат. Причем разрыв между государственными и негосударственными затратами постепенно сокращается, что свидетельствует об увеличении роли государства в системе затрат на образование (рис. 1).

¹ В данном случае уместен термин «борьба», поскольку турецкое правительство рассматривает организацию «Хизмет» в качестве террористической, хотя по факту «Хизмет» и «Маариф» конкурируют друг с другом за умы учащихся в третьих странах.

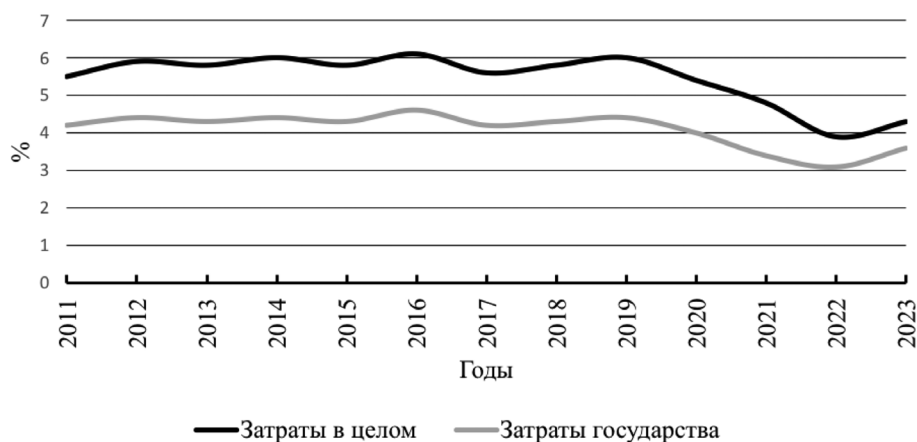

Рис. 1. Динамика уровня затрат на образование в Турции (2011–2023 гг.)

Источник: [Istatistik Veri ... , 2025].

В Турции все вузы организованы под эгидой университетов и подчиняются Совету по высшему образованию. Исключение составляют лишь те учреждения, которые находятся в ведении министерств национальной обороны, внутренних дел и некоторых других [6.1. Types of higher ... , 2025].

По форме собственности высшие учебные учреждения Турции подразделяются на два типа: государственные и фондовые (неприбыльные, т.е. некоммерческие в российской трактовке). Государственные вузы отличаются от неприбыльных фондовых системой управления и финансирования [Семенова, 2023, с. 56]. К последним относятся вузы, основанные фондами, получающими денежные средства от крупных компаний, организаций и меценатов или взимающими плату за обучение. Некоторые из фондовых университетов напрямую или опосредованно связаны с крупными турецкими промышленными конгломератами. Например, один из наиболее известных – стамбульский исследовательский университет Коч (занимающий в 2025 г. среди турецких вузов лидирующую позицию в рейтинге Times Higher Education – с 351-го по 400-е места, и третью позицию в рейтинге QS World University Rankings – 401-е место) связан с одноименным холдингом [World University ... , 2025; QS World ... , 2025].

За последние 15 лет количество вузов в Турции в целом увеличивалось (табл. 1). Исключение составляет 2016 г., когда в середине июля, после провала попытки государственного переворота, президент Турции подписал декрет о закрытии некоторых университетов. В частности, в Анкаре были упразднены университет им. Т. Озала и университет «Ипек»; в Измире – Измирский университет и университет «Гедиз». С конца 2010-х годов темпы открытия новых вузов резко сократились по сравнению с началом

2010-х годов, и с 2022 г. их число остается неизменным. Доля государственных учреждений высшего образования с 2010 г. в среднем составляет около 60%, однако в годы, непосредственно предшествующие путчу, она была еще меньше.

Таблица 1

**Динамика количества высших учебных заведений
в Турции в 2010–2025 гг.***

Год	Количество университетов	Распределение университетов по типам (%)	
		Государственные университеты	Фондовые университеты
2010	164	62,2	37,8
2011	173	59,5	40,5
2012	178	58,4	41,6
2013	184	56,5	43,5
2014	185	56,2	43,8
2015	194	56,2	43,8
2016	183	60,1	39,9
2017	187	60,4	39,6
2018	207	62,3	37,7
2019	208	62,0	38,0
2020	207	62,3	37,7
2021	207	62,3	37,7
2022	208	62,0	38,0
2023	208	62,0	38,0
2024	208	62,0	38,0
Июнь 2025	208	62,0	38,0

*Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

По состоянию на июнь 2025 г. в стране функционируют 208 университетов. С 2012 г. в каждом из илей¹ действует хотя бы один вуз. В 69 илях открыты исключительно государственные вузы (табл. 2). Наибольшее количество высших образовательных учреждений сосредоточено в Стамбуле (60 вузов). Помимо Стамбула крупными центрами являются Анкара (22 вуза) и Измир (10 вузов). Существует широкий ряд илей-середняков по числу вузов: Анталя и Конья (по 5 вузов); Газиантеп, Мерсин и Кайсери (по 4 вуза), а также Бурса, Коджаэли, Трабзон и Эскишехир (по 3 вуза).

¹ Единица административно-территориального деления 1-го порядка в Турции.

Высшее образование в Турции сконцентрировано преимущественно в руках государства. Только в трех илях – Стамбуле, Анкаре и Анталье – количественно преобладают фондовые университеты, причем их доля в период 2016–2025 гг. характеризуется постоянством: около 80%, 64 и 60% соответственно.

За рассматриваемый временной промежуток возросло значение Анкары в качестве одного из важнейших образовательных центров страны. Именно в этом иле прирост числа университетов оказался наибольшим – на 6 единиц. В следующем за ней Стамбуле увеличение составило 3 университета. В целом в 2016–2025 гг. в 17 турецких илях был зафиксирован прирост вузов.

Таблица 2

**Количество университетов и численность студентов
в вузах по илям Турции***

Иль	2016 г.			2025 г.			Численность студентов в 2024 г. (тыс. человек)
	Общее количество	Формы собственности, %		Общее количество	Формы собственности, %		
		Государственные	Фондовые		Государственные	Фондовые	
1	2	3	4	5	6	7	8
Агры	1	100	0	1	100	0	15,6
Адана	2	100	0	2	100	0	53,3
Адыяман	1	100	0	1	100	0	16,1
Айдын	1	100	0	1	100	0	48,4
Аксарай	1	100	0	1	100	0	19,7
Амасья	1	100	0	1	100	0	19,1
Анкара	16	38	63	22	36	64	374,0
Анталья	5	40	60	5	40	60	89,5
Ардахан	1	100	0	1	100	0	6,6
Артвин	1	100	0	1	100	0	12,7
Афьонкарахисар	1	100	0	2	100	0	40,4
Байбурт	1	100	0	1	100	0	15,3
Балыкесир	2	100	0	2	100	0	51,1
Бартын	1	100	0	1	100	0	17,8
Батман	1	100	0	1	100	0	15,4
Биледжик	1	100	0	1	100	0	20,6
Бингёль	1	100	0	1	100	0	18,3

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Битлис	1	100	0	1	100	0	13,2
Болу	1	100	0	1	100	0	34,3
Бурдур	1	100	0	1	100	0	35,3
Бурса	3	33	67	3	67	33	82,9
Ван	1	100	0	1	100	0	29,3
Газиантеп	3	33	67	4	50	50	62,3
Гиресун	1	100	0	1	100	0	26,7
Гююшхане	1	100	0	1	100	0	22,0
Денизли	1	100	0	1	100	0	46,1
Диярбакыр	1	100	0	1	100	0	40,8
Дюздже	1	100	0	1	100	0	29,6
Зонгулдак	1	100	0	1	100	0	33,9
Измир	8	75	25	10	60	40	197,2
Йозгат	1	100	0	1	100	0	25,9
Кайсери	3	67	33	4	75	25	72,7
Карабюк	1	100	0	1	100	0	44,0
Караман	1	100	0	1	100	0	20,3
Карс	1	100	0	1	100	0	20,7
Кастамону	1	100	0	1	100	0	28,0
Кахраманмараш	1	100	0	2	100	0	38,9
Килис	1	100	0	1	100	0	12,8
Коджаэли	3	67	33	3	67	33	77,4
Конья	4	50	50	5	60	40	131,5
Кыркларели	1	100	0	1	100	0	24,7
Кыршехир	1	100	0	1	100	0	20,9
Кырыккале	1	100	0	1	100	0	33,9
Кютахья	1	100	0	2	100	0	51,5
Малатья	1	100	0	2	100	0	43,6
Маниса	1	100	0	1	100	0	47,5
Мардин	1	100	0	1	100	0	17,3
Мерсин	3	33	67	4	50	50	58,3
Мугла	1	100	0	1	100	0	42,0
Муш	1	100	0	1	100	0	14,0

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Невшехир	2	50	50	2	50	50	33,0
Нигде	1	100	0	1	100	0	26,6
Орду	1	100	0	1	100	0	18,3
Османие	1	100	0	1	100	0	16,8
Ризе	1	100	0	1	100	0	18,2
Сакарья	1	100	0	2	100	0	82,2
Самсун	1	100	0	2	100	0	63,3
Сивас	1	100	0	2	100	0	51,9
Сиирт	1	100	0	1	100	0	18,8
Синоп	1	100	0	1	100	0	13,8
Стамбул	57	19	81	60	22	78	1533,9
Текирдаг	1	100	0	1	100	0	31,0
Токат	1	100	0	1	100	0	33,8
Трабзон	2	50	50	3	67	33	48,0
Тунджели	1	100	0	1	100	0	9,2
Ушак	1	100	0	1	100	0	26,5
Хаккяри	1	100	0	1	100	0	4,4
Хатай	2	100	0	2	100	0	36,3
Чанаккале	1	100	0	1	100	0	47,6
Чанкыры	1	100	0	1	100	0	17,8
Чорум	1	100	0	1	100	0	18,8
Шанлыурфа	1	100	0	1	100	0	27,7
Ширнак	1	100	0	1	100	0	6,0
Ыгдыр	1	100	0	1	100	0	14,4
Ыспарта	1	100	0	2	100	0	65,0
Эдирне	1	100	0	1	100	0	40,9
Элязыг	1	100	0	1	100	0	41,8
Эрзинджан	1	100	0	1	100	0	23,7
Эрзурум	2	100	0	2	100	0	562,9
Эскишехир	2	100	0	3	100	0	1817,8
Ялова	1	100	0	1	100	0	17,4

*Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

Разница между числом университетов в 2025 и 2016 гг. составляет 25 заведений, или 12%. Причем 34 университета открыто после провального путча, большинство из них (20) являются государственными [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025]. В региональном плане¹ наибольшее количество новых вузов распределено неравномерно: преобладают Мраморноморский, Центрально-анатолийский и Эгейский регионы (табл. 3).

Таблица 3

**Количество действующих турецких вузов,
открытых после неудавшегося путча в 2016 г.***

Регион	Количество вузов
Мраморноморский	12
Центральноанатолийский	10
Эгейский	5
Средиземноморский	3
Черноморский	2
Юго-Восточноанатолийский	1
Восточноанатолийский	1

*Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

В разрезе илей наибольшая часть «новых» вузов была основана в «большой тройке»: в Стамбуле, Анкаре и Измире – крупнейших илях как по численности населения, так и по экономической роли, которую они играют в хозяйственной жизни Турции. Всего же процесс открытия университетов коснулся 19 илей, в большинстве которых, однако, создавалось по одному вузу.

Уровень вовлеченности молодых людей – вчерашних выпускников школ – в 2023/24 учебном году (далее – уч. г.) оценивался на уровне 42,7% (46,0% в 2022/23 уч. г.; 44,7% в 2021/22 уч. г.; 44,0 в 2020/21 уч. г.). При этом вовлеченность среди женщин в образовательный процесс выше, нежели у мужчин – 49,0% против 36,7%, соответственно. Численность студентов в 2023/24 уч. г. составила свыше 7 млн человек [İstatistiklerle Gençlik ... , 2025].

Совсем иначе обстоит ситуация с распределением студентов по илям Турции (табл. 2). Помимо «естественных» для Турции образовательных центров – Стамбула, Анкары и Измира (крупнейших по численности населения и количеству организаций науки и образования в стране), куда в основном направлены потоки миграции среди молодежи с целью получения высшего

¹ В Турции под термином «регионы» понимаются статистические территориальные единицы, используемые при статистическом учете соответствующими организациями Европейского союза. Согласно договору между Турцией и Европейской статистической службой (Евростатом) страна разделена на 12 регионов, относящихся к европейской номенклатуре территориальных статистических единиц.

образования, лидирующие позиции также занимают – Эскишехир и Эрзурум. В них находятся одни из крупнейших университетов в Турции – Анатолийский университет и Университет им. Ататюрка, насчитывающие более 1,7 млн студентов и свыше 557 тыс. студентов соответственно [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025]. Более того, Анатолийский университет относится к крупнейшим в мире по числу учащихся. Примечательно, что подавляющее большинство студентов этих двух вузов обучается по программам открытого образования, в которых процесс обучения осуществляется заочно в онлайн-формате с физическим посещением вузов только во время сессий и выпускных экзаменов.

Об иностранных студентах в Турции

Чаще всего в научных источниках в качестве носителей «мягкой силы» понимаются университеты, принимающие иностранных студентов [Ламашева, 2024]. По словам главы Турецкой образовательной федерации Мерта Шенера, Турция превращается в один из глобальных центров высшего образования, поскольку она уже входит в первую десятку стран с наибольшим количеством иностранных учащихся [Türkiye aims ... , 2025]. Так, в турецких вузах обучаются граждане из более чем 200 государств, и, по состоянию на начало мая 2025 г., их численность оценивается на уровне 340 тыс. человек. Согласно Плану развития Турецкой Республики, к 2028 г. предполагается увеличение уровня интернационализации высшего образования, чтобы преобразовать страну в центр притяжения зарубежных преподавателей и студентов [Twelfth Development ... , 2023]. К указанному году Турция рассчитывает принять до полумиллиона иностранных студентов. Согласно статистическим данным Совета по высшему образованию Турции (Yükseköğretim Kurulu; YÖK), доля иностранцев в 2024 г. составила около 4,8% от всех студентов в стране (для сравнения: в США – 5,6%, Польше – 7, Германии – 11, Канаде – 29%) [Çakmakçı ... , 2024].

Турция продемонстрировала существенный прогресс в плане развития привлекательности собственной системы высшего образования для иностранцев. Подтверждают это данные о динамике их численности (табл. 4).

В течение 10 рассматриваемых учебных годов число иностранцев в турецких вузах увеличилось в семь раз! Стремительный рост отражает роль Турции как одного из новых глобальных образовательных центров, предлагающего относительно доступное высшее образование, расширяющего дипломатические связи и доступную процедуру получения студенческой визы. Данный рост осуществлялся поступательно, без резких увеличений и спадов даже в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19). Среднегодовой темп роста составил 19,3%, при этом прирост год к году остается высоким, хотя и существует устойчивая тенденция к его сокращению. Тем не менее говорить о завершении периода экстенсивного увеличения рынка высшего образования преждевременно. Расширение последнего (в финансовом выражении) все еще происходит

Таблица 4

**Динамика численности иностранных студентов в Турции
в 2010–2020-х уч. гг.***

Учебный год	Численно студентов (тыс. человек)	Доля мужчин, %	Доля женщин, %
2013/2014	48,2	69,4	30,6
2014/2015	72,2	68,8	31,2
2015/2016	87,9	68,4	31,6
2016/2017	108,1	66,5	33,5
2017/2018	125,1	65,4	34,6
2018/2019	154,5	64,9	35,1
2019/2020	185,0	64,6	35,4
2020/2021	224,0	63,8	36,2
2021/2022	260,3	62,3	37,7
2022/2023	301,7	59,6	40,4
2023/2024	336,4	57,7	42,3

*Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

за счет притока иностранных студентов, а не увеличения стоимости предоставляемых услуг (рис. 2).

Половая структура зарубежных учащихся также претерпевает изменения. Если в начале рассматриваемого временного периода доля женщин была немногим больше 30%, то к концу – превысила 42%.

Помимо относительно доступной стоимости обучения для иностранцев, турецкое руководство старается создать максимально удобную инфраструктуру для их быта. В 2022 г. страна обошла государства Европейского союза по количеству мест в студенческих общежитиях. За 20 лет их вместимость увеличилась в четыре раза и составила 850 тыс. мест, что превосходит совокупную вместимость общежитий Испании, Нидерландов, Германии и Франции [Турция стала ... , 2022].

Отличительной характеристикой структуры иностранных студентов в Турции является наибольшая доля (по сравнению с другими государствами-членами ОЭСР) учащихся из стран с низким уровнем дохода (около $\frac{1}{3}$). Более того, система турецкого высшего образования идет вразрез «с официальной линией» ОЭСР. В последней в среднем $\frac{2}{3}$ иностранных

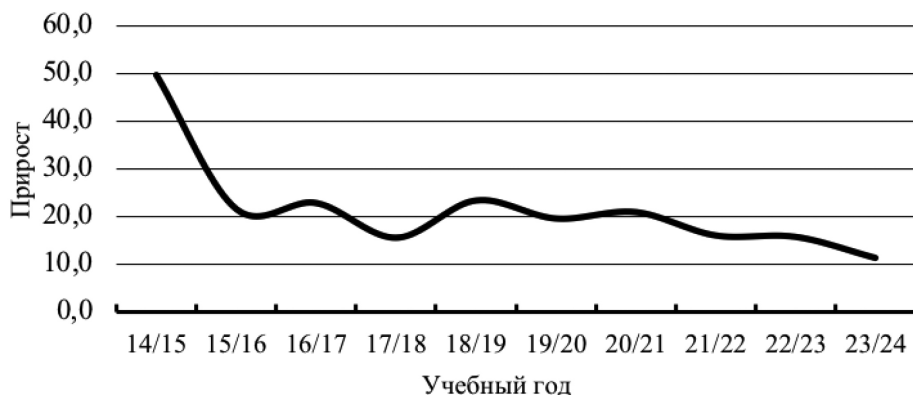

Рис. 2. Темпы прироста иностранных студентов в Турции в 2010-х и в первой половине 2020-х уч. гг.

Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

учащихся приезжают из стран с высокими доходами или выше среднего, в то время как в Турции они составляют чуть менее половины.

Эта нетипичная для международного рынка образовательной миграции ситуация объясняется более привлекательной стоимостью обучения в бакалавриате в государственных вузах Турции (она одна из самых низких в странах ОЭСР) [Погодаев, 2025, с. 162]. Турецкое правительство проводит политику, направленную на предоставление доступа к высшему образованию гражданам из развивающихся стран, за счет снижения платы за обучение, создания специальных стипендиальных программ или партнерства с университетами в определенных регионах мира [What are ..., 2025].

В 2013/14–2023/24 уч. г. географическая структура иностранных студентов претерпела существенные изменения (табл. 5). Во-первых, изменился поток: к 2023/24 уч. г. в ТОП-10 стран перестали входить государства Европы, однако среди лидеров появились мусульманские государства Африки. Во-вторых, количественно поток студентов увеличился на порядок. В-третьих, изменилась половая структура обучающихся: помимо общего увеличения доли женщин, в некоторых случаях они стали преобладать над мужчинами. В-четвертых, усиливается концентрация стран-лидеров: если в начале рассматриваемого периода их совокупная доля составляла чуть менее 60%, то к концу – почти достигла $\frac{2}{3}$. Тем не менее основной вектор сохранился: Турция уделяет пристальное внимание налаживанию образовательных связей с членами Организации тюркских государств, а также Ближнего и Среднего Востока.

Таблица 5

ТОП-10 стран по числу граждан, обучающихся в Турции**

Страна	2013/2014 уч. г.				Страна	2023/2024 уч. г.			
	Численность студентов (тыс. человек)	Доля от всех иностранных студентов (%)	Доля мужчин (%)	Доля женщин (%)		Численность студентов (тыс. человек)	Доля от всех иностранных студентов (%)	Доля мужчин (%)	Доля женщин (%)
Туркменистан	6,9	14,3	74	26	Сирия	60,8	18,0	55	45
Азербайджан	6,9	14,3	79	21	Азербайджан	40,4	12,0	67	33
Иран	4,3	8,8	64	36	Туркменистан	29,1	8,7	48	52
Афганистан	2,3	4,7	87	13	Иран	28,9	8,6	44	56
Сирия	1,8	3,7	79	21	Ирак	13,2	3,9	58	42
Ирак	1,6	3,3	75	25	Казахстан	12,0	3,6	45	55
Греция	1,5	3,1	51	49	Египет	10,7	3,2	66	34
Кыргызстан	1,4	2,9	60	40	Афганистан	9,1	2,7	71	29
Казахстан	1,3	2,7	61	39	Сомали	8,9	2,6	64	36
Косово*	0,9	1,9	57	43	Йемен	7,9	2,3	80	20

*территория Сербии, неконтролируемая правительством

**Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

Лишь в двух илах нет иностранных студентов – в Чоруме и Хаккари. Самыми крупными по доле иностранцев являются черноморский иль Карабюк (19,1%), эгейский иль Кютахья, мраморноморские или Биледжик (по 9,3%) и Кырларели (9,2%), а также иль Сиирт в Юго-Восточной Анатолии (9,2%). На крупнейшие по численности иностранных студентов ареалы высшего образования – Стамбул (118,7 тыс. человек), Анкару (19,8 тыс. человек) и Измир (10,5 тыс. человек) – приходится 5,6%, 3,1 и 3,4%, соответственно [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

Турецкие университеты существенно различаются по числу иностранных студентов: от одного до 18,5 тыс. учащихся. Большинство вузов, лидирующих по приему иностранцев (более 5 тыс. человек), расположены в Мраморноморском регионе, преимущественно в пределах Стамбульской агломерации (табл. 6). Вузы-лидеры пользуются спросом среди женщин – их доля в половой структуре составляет, как минимум, около 30%.

Таблица 6

**Состав иностранных студентов
в крупнейших университетах Турции в 2023/2024 уч. г.***

Университет	Иль	Численность учащихся, тыс. человек	Доля студентов, %	Доля студенток, %
Анатолийский	Эскишехир	18,5	50%	50%
Карабюк	Карабюк	11,6	71%	29%
им. Ататюрка	Эрзурум	11,2	44%	56%
Стамбульский	Стамбул	10,2	50%	50%
Медипол	Стамбул	10,0	44%	56%
Кютахья Думлупынар	Кютахья	7,5	66%	34%
Бачешехир	Стамбул	6,5	57%	43%
Алтынбаш	Стамбул	6,2	62%	38%
Нишанташи	Стамбул	5,9	60%	40%
Гелишим	Стамбул	5,9	59%	41%
Докуз Эйюль	Измир	5,8	53%	47%
Университет 19 мая	Самсун	5,7	59%	41%
Айдын	Стамбул	5,7	60%	40%
Сакарья	Сакарья	5,2	57%	43%
Улудагский	Бурса	5,0	56%	44%

*Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

Российские студенты в Турции

Сфера высшего образования демонстрирует достаточно благополучную динамику развития межгосударственного взаимодействия в гуманитарной области между Россией и Турцией. Соглашение о сотрудничестве между Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию и Министерством национального образования Турецкой Республики, заключенное в 1994 г., позволило усилить обмен специалистами и студентами [Соглашение о ... , 2025]. А после присоединения России к Болонскому процессу¹ интернационализация стала не просто направлени-

¹ В мае 2022 г. Россия вышла из Болонского процесса.

ем деятельности университетов, а одним из критериев оценки их эффективности [Оберюхтина, 2024, с. 34].

В период 2013/14–2023/24 уч. г. число российских граждан, получавших высшее образование в Турции, постоянно росло. Российский тренд несколько отличается от общего (табл. 7). Во-первых, стремительный рост количества учащихся произошел в 2022 и 2023 гг., когда его темпы (по отношению к предыдущему году) составили 67% и 56% против 16% и 12%, соответственно. Во-вторых, в половой структуре доля россиянок на протяжении всего периода варьировала в диапазоне 40–50%, тогда как общая тенденция характеризуется постепенным увеличением доли женщин с 30 до 40%.

Таблица 7

**Динамика численности российских граждан,
обучающихся в турецких вузах***

Год	Численность учащихся, тыс. человек	Доля студентов, %	Доля студенток, %
2013/2014	825	59,4	40,6
2014/2015	1048	56,4	43,6
2015/2016	1175	56,7	43,3
2016/2017	1280	56,6	43,4
2017/2018	1331	55,6	44,4
2018/2019	1316	53,2	46,8
2019/2020	1351	55,1	44,9
2020/2021	1586	52,6	47,4
2021/2022	1844	51,7	48,3
2022/2023	3083	54,8	45,2
2023/2024	4815	53,1	46,9

*Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

В 2023/24 уч. г., в Турции обучалось около 4,8 тыс. россиян в 182 вузах. Большая часть из них сосредоточена в Стамбуле (около 45% студентов), Анталье (9,4%), Измире (7,1%), Анкаре (6,6%) и Эскишехире (5,2%), аккумулирующих около $\frac{3}{4}$ всех учащихся граждан России. Иными словами, российские студенты обучаются в вузах, расположенных преимущественно в городских агломерациях, являющихся, с одной стороны, крупными образовательными, научными, и экономическими центрами (Стамбул, Анкара, Измир, Эскишехир), а с другой – местом сосредоточения выходцев из Российской Федерации (Анталья), где в определенной степени создана русскоязычная инфраструктура, облегчающая быт.

Примечательно, что статистика Совета по высшему образованию Турции среди граждан Российской Федерации отдельно выделяет жителей национальных республик. В 2023/24 уч. г. в Турции проходили обучение 53 жителя республик-субъектов Российской Федерации, в том числе 31 уроженец Адыгеи.

Приток иностранцев не только способствует продвижению «мягкой силы» и культурной дипломатии Турции, которая даст свои плоды в среднесрочной перспективе, но уже сейчас существенно воздействует на хозяйство страны. В экономическом отношении экспорт образования оценивается в 3 млрд долл., что практически сопоставимо с объемом турецкого экспорта продукции электроники и оптического оборудования (3,4 млрд долл. в 2024 г.) и даже немного превышает экспорт услуг страхования (2,93 млрд) или телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг (2,89 млрд) [İstatistik Veri ... , 2025; Hizmet Ticaret ... , 2025]. Естественно, в зависимости от статуса и престижности университета плата за обучение сильно варьирует. Однако усредненные подсчеты показывают, что учебный процесс приносит экономике 1 млрд долл. Мультипликационный эффект генерирует дополнительно около 2 млрд долл. за счет трат на проживание, питание и иную деятельность [336,000 Foreign ... , 2025].

Иностранцы, тратящие деньги на обучение, могут быть задействованы в экономике Турции и иным образом. Это своего рода из года в год увеличивающийся трудовой резерв, который может быть вовлечен в трудовую деятельность. Согласно турецкому законодательству, иностранным студентам разрешено подавать прошение на разрешение на работу по окончании первого года обучения в бакалавриате и, в случае положительного решения властей, работать неполный или полный рабочий день во время учебы [Lewis, Lüküslü, 2024, p. 7]. Вместе с тем численность безработной турецкой молодежи составляет свыше 800 тыс. человек (IV квартал 2024 г.) [İstatistik Veri ... , 2025].

Потребности турецкой экономики в сфере высшего образования

Высшее образование имеет важное значение в условиях все более ориентированной на знания мировой экономики. В исследовании компании McKinsey, проведенном еще в 2020 г., было подсчитано, что количество вакансий на турецком рынке труда, требующих как минимум степени бакалавра, к 2030 г. увеличится на 1,6 млн человек. Основными направлениями экономики, которые затребуют большое число выпускников, станут здравоохранение, наука, высокотехнологические отрасли, социальная поддержка населения и др. [Future of Work ... , 2020, p. 33].

С начала 2000 г. в Турции действовал тренд на постепенное увеличение количества выпускников вузов. Особенно стремительным был рост в ковидные 2020 и 2021 гг., когда число лиц, получивших диплом о высшем образовании, превысило более 1 млн человек. Затем наметилось их сокращение (рис. 3).

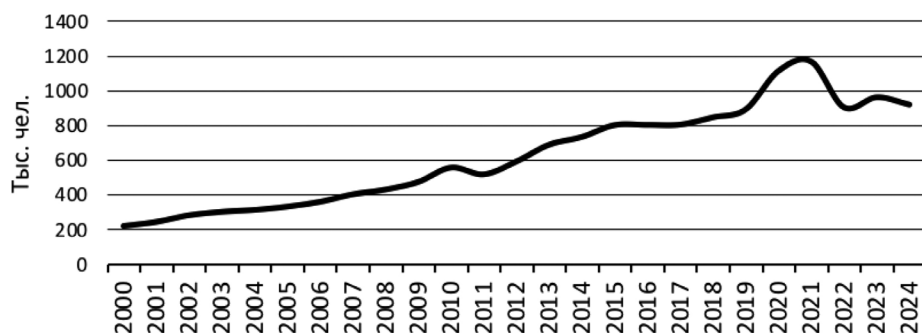

Рис. 3. Динамика численности выпускников вузов Турции

Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

В краткосрочной перспективе тенденция на снижение количества выпускников вузов сохранится, поскольку количество заявок на вступительные экзамены в Турции уменьшается: в 2022 г. было подано 3,2 млн заявок, в 2023 г. – 3,1 млн, в 2024 г. – 2,8 млн, в 2025 г. – 2,6 млн [Summer vacation ... , 2022; Students perform ... , 2024; Резкое сокращение ... , 2025; CoHE President ... , 2025]. Высокие темпы инфляции последних лет спровоцировали кратный рост стоимости обучения в вузах страны (на 100 – 300%). Поэтому оно стало экономически недоступным для многих домохозяйств. Ситуацию усугубляет увеличение расходов на подготовку к экзаменам и на бытовые нужды после поступления в университет (даже при условии зачисления на бюджетную форму обучения). Кроме того, безработица среди выпускников находится на уровне 25%. Перспектива остаться без работы по окончании университета пугает турецкую молодежь, тогда как специальности «синих воротничков», в частности, сантехник или плотник, после краткосрочных курсов подготовки могут принести более быстрый и высокий доход.

При этом ни прежнее увеличение числа выпускников, ни происходящее в последние годы его сокращение не удовлетворяет полностью потребностей турецкой экономики в тех специалистах, в которых она нуждается. В настоящее время наибольший спрос наблюдается на лиц, компетентных для работы на предприятиях военно-промышленного комплекса, авиакосмической промышленности, наукоемких направлениях агропромышленного комплекса, энергетического машиностроения, автомобилестроения, в IT-секторе, биотехнологиях и др. Турецкая система высшего образования по так называемому STEM-направлению, осуществляющему подготовку специалистов в области естественных наук, математики, кибернетики и инженерных наук, существенно отстает от систем подготовки других стран ОЭСР. По состоянию на 2022 г. доля STEM-выпускников составила лишь 18,5% от общего числа в стране, что существенно ниже, чем в Германии (36%), в Австрии или Франции (по 31%), в Республике Корея

(30%). Более того, по данному показателю Турция уступает в 1,3 раза среднему значению по ОЭСР (24,1%), опережая только Исландию и Коста-Рику [OECD Economic Surveys ... , 2025, p. 99].

В 2022 г. свыше 70% компаний в Турции сообщили о трудностях с поиском специалистов с необходимыми навыками; в 2024 г. уже 76% компаний столкнулись с проблемами найма. Наибольшая нехватка высококвалифицированных кадров наблюдалась в сфере транспорта, логистики и автомобилестроения (78%), здравоохранении (78%), а также IT (77%) [Türkiye Yetenek Açığı ... , 2024].

Вместе с тем за период 2013/14 – 2023/24 уч. гг. произошли определенные структурные изменения в подготовке студентов, приблизив их к реалиям турецкой экономики (табл. 8). В 2013/14 уч. г. крупнейшими по числу учащихся были гуманитарные факультеты. Причем наблюдался резкий перекося в сторону экономических специальностей, по которым получали образование сотни тысяч человек. В 2023/24 уч. г. наиболее массовым факультетом в вузах стал инженерный. Причина изменений понятна – руководство страны делает ставку, как было сказано выше, на отрасли в наукоемких и инженерных областях. Кроме того, усилили позиции факультеты, связанные с медициной. Но все же среди наиболее массовых факультетов турецких вузов пока преобладают гуманитарные.

Главным недостатком современной структуры направлений высшего образования Турции служит разрыв между приобретенными навыками и требованиями рынка труда. В частности, многие выпускники имеют отдаленное представление о процессах цифровой трансформации. Это демонстрируют результаты их трудоустройства.

Например, зарплата у более 60% выпускников по управлению бизнесом немногим превышает минимальную заработную плату [OECD Economic Surveys ... , 2025, p. 99]. Вдобавок выпускникам требуется как минимум 6,4 месяца, чтобы найти работу. Степень удовлетворенности работодателей новоиспеченными работниками оценивается в 78%. Все это свидетельствует о серьезных просчетах в программах подготовки специалистов, так как почти 1/5 всех выпускников не соответствует ожиданиям, а это, в свою очередь, влечет негативные последствия для экономики Турции [Fresh graduates ... , 2023]. Высшее образование должно гарантировать, что выпускники приобретут навыки, необходимые на рынке труда, чтобы максимизировать отдачу от инвестиций в человеческий капитал.

Среди множества предложений по гармонизации спроса на направления подготовки с запросом рынка, внимание привлекает идея дифференциации стоимости обучения между востребованными и наиболее популярными программами подготовки. Абитуриентов можно стимулировать подавать документы на факультеты STEM-направлений, медицины и др., если плата за обучение на них будет ниже, чем на гуманитарных, которые считаются менее востребованными на национальном рынке труда (и обучение на которых, соответственно, будет дороже).

Таблица 8

**Топ-20 наиболее массовых факультетов
в турецких вузах***

2013/2014		2023/2024	
Наименование факультета	Число студентов, тыс. человек	Наименование факультета	Число студентов, тыс. человек
Делового администрирования	802,8	Инженерный	257,5
Экономический	603,4	Экономики и административных наук	243,5
Экономики и административных наук	294,2	Делового администрирования	239,2
Инженерный	236,9	Экономический	212,0
Педагогический	218,0	Педагогический	195,5
Науки и литературы	171,8	Наук о здоровье	194,4
Литературный	78,1	Науки и литературы	183,5
Богословский	62,1	Школа медицины	121,9
Медицинский	58,3	Филологический	104,6
Юридический	55,4	Богословский	92,2
Инженерии и архитектуры	46,4	Юридический	75,7
Естественных наук	41,5	Коммуникаций	75,2
Коммуникаций	39,2	Инженерных и естественных наук	63,2
Аграрный	29,3	Спортивных наук	56,2
Медицинских наук	29,1	Стоматологический	50,3
Изобразительных искусств	23,6	Инженерии и архитектуры	49,3
Архитектурный	17,0	Гуманитарных и социальных наук	48,9
Технологический	16,3	Естественных и прикладных наук	44,5
Туризма	13,2	Экономических, административных и социальных наук	41,2
Стоматологический	12,8	Архитектурный	40,0

*Источник: [Yükseköğretim Bilgi ... , 2025].

В качестве иной меры рассматривается идея финансирования государственных университетов не на основе ежегодно заключаемого договора с центральным правительством о выделении средств, а на основе показателей эффективности вузов, учитывающих, в том числе, результаты трудоустройства выпускников конкретного вуза. Правительство тем самым может стимулировать университеты предлагать курсы, более соответствующие потребностям рынка труда. [OECD Economic Surveys ... , 2025, p. 100]. В Плате развития Турецкой Республики на 2024–2028 гг. подчеркивается, что для удовлетворения потребностей национальной экономики в квалифицированной рабочей силе высшие учебные заведения будут координироваться не только с точки зрения человеческих ресурсов, финансирования и физической инфраструктуры, но также и с точки зрения учебных программ [Twelfth Development ... , 2023, p. 164].

Заключение

Высшее образование как инструмент «мягкой силы» с успехом применяется руководством Турецкой Республики во внешней и внутренней политике. Престиж турецких университетов за рассматриваемое десятилетие повысился и позволил стране войти в число мировых лидеров по экспорту образования (пока что в абсолютных показателях числа учащихся). Правительство страны активно популяризирует учебу в отечественных вузах среди граждан государств с низким или ниже среднего уровнем дохода путем предоставления стипендий, субсидий или низкой стоимости обучения. Таким образом формируется слой протурецки ориентированной интеллигенции, что в долгосрочной перспективе может стать фактором успеха внешней политики турецкого руководства. Помимо политических дивидендов, обучение иностранных граждан вносит ощутимый вклад в экономику страны. В результате объем экспорта образовательных услуг в последние годы оказался сопоставим с отправкой за границу некоторых видов промышленной продукции.

В настоящее время отмечается несоответствие уровня подготовки выпускников и запросов национального рынка. В связи с чем происходит (хотя и медленное) изменение структуры наиболее востребованных направлений подготовки: увеличивается количество инженерных и медицинских факультетов (но преобладание гуманитарных специальностей пока сохраняется). Во внутренней политике государство старается рассматривать варианты трансформации высшего образования в соответствии с потребностями экономики, которая становится более наукоемкой и технологичной.

Список литературы

1. Агеева В.Д. «Мягкая сила» // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. – 2024. – 15.02. – URL: <https://bigenc.ru/c/miagkaia-sila-ad8332/?v=9758742> (дата обращения 10.06.2025).

2. Бугайчук Т.В. Политика «мягкой силы» и процесс формирования гражданской идентичности: точки соприкосновения // Мир русскоговорящих стран. – 2024. – № 1(19). – С. 5–18.
3. Ламашева Ю.А. Роль внутренней интернационализации в развитии «мягкой силы» региона // Известия Восточного института. – 2024. – № 1. – С. 90–99.
4. Оберюхтина Т.Е. Международная академическая мобильность уральских университетов: турецкое направление / Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти первого проректора по учебной работе Абхазского государственного университета В.И. Маландзия. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2024. – С. 33–40. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74515043_30158212.pdf (дата обращения 10.06.2025).
5. Погодаев Н.П. Стратегия Турции по экспорту высшего образования в страны Центральной Азии: 2013–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2025. – № 84. – С. 158–178.
6. Резкое сокращение заявок в университеты демонстрирует социальный сдвиг в Турции // МК Турция. – 2025. – 10.06. – URL: <https://mk-turkey.ru/education/2025/06/10/p-rezkoe-sokrashenie-zayavok-v-university-demonstriruet-socialnyj-sdvig-v-turcii.html> (дата обращения 12.06.2025).
7. Семенова И.И. Особенности современной системы образования Турции // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. – 2023. – № 2(101). – С. 54–59.
8. Соглашение о сотрудничестве между Государственным комитетом РФ по высшему образованию и Министерством национального образования Турецкой Республики от 2 ноября 1994 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 1994. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902116> (дата обращения 11.06.2025).
9. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО университета. – 2012. – № 4. – С. 85–93.
10. Турция стала центром притяжения иностранных студентов // TRT Russian. – 2022. – 02.12. – URL: <https://www.trtrussian.com/novosti/turciya-stala-centrom-prityazheniya-inostrannyh-studentov-11167719> (дата обращения 10.06.2025).
11. Частные школы и университеты Турции подняли стоимость обучения на 100–300% // МК-Турция. – 2024. – 25.07. – URL: <https://mk-turkey.ru/economics/2024/07/25/p-chastnye-shkoly-i-university-turcii-podnyali-stoimost-obucheniya-na-100-300.html?ysclid=mcacjm7t7v435210155> (дата обращения 24.06.2025).
12. Чедия А.Р. Деятельность турецкого просветительского фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 620–642.
13. 336,000 Foreign Students Contribute \$3 Billion to Turkey's Economy // Turkey Homes. – 2025. – 18.04. – URL: <https://www.turkeyhomes.com/news/336-000-foreign-students-contribute-3-billion-to-turkey-s-economy> (дата обращения 03.06.2025).
14. 6.1. Types of higher education institutions // European Commission. – 2025. – 16.05. – URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/eurypedia/turkiye/types-higher-education-institutions> (дата обращения 27.05.2025).

15. Çakmakçı N. Yabancı öğrencide ilk 10'dayız // Hurriyet. – 2024. – 16.03. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/nuran-cakmakci/yabanci-ogrencide-ilk-10dayiz-42425251> (дата обращения 03.06.2025).
16. CoHE President Özvar's Message to YKS Candidates // Council of Higher Education. – 2025. – 03.06. – URL: https://learnbridge.institute/gundem/haberler/32?__cpo=aHR0cHM6Ly93d3cueW9rLmdvdi50cg (дата обращения 12.06.2025).
17. Fresh graduates get hired within 6 months: Turkish YÖK reports // Daily Sabah. – 2023. – 24.12. – URL: <https://www.dailysabah.com/turkiye/fresh-graduates-get-hired-within-6-months-turkish-yok-reports/news> (дата обращения 12.06.2025).
18. Future of Work. Turkey's Talent Transformation in the Digital Era // McKinsey. – 2020. – 47 p. – URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Future%20of%20Organizations/The%20future%20of%20work%20in%20Turkey/Future-of-Work-Turkey-Report.pdf> (дата обращения 12.06.2025).
19. Hizmet Ticaret İstatistikleri // Ticaret Bakanlığı. – URL: <https://ticaret.gov.tr/hizmet-ticareti/hizmet-ticaret-istatistikleri> (дата обращения 10.06.2025).
20. İstatistik Veri Portalı // Türkiye İstatistik Kurumu. – URL: <https://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения 27.05.2025).
21. İstatistiklerle Gençlik, 2024 // Türkiye İstatistik Kurumu. – 2025. – 16.05. – URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Youth-in-Statistics-2024-54077> (дата обращения 05.06.2025).
22. Lewis P.C., Lüküslü D. International students in Turkey: migration and mobility as competing frameworks of analysis / IPC–MERCATOR ANALYSIS. – 2024. – May. – 10 p. – URL: <https://ipc.sabanciuniv.edu/Content/Images/CKeditorImages/20240523-15051304.pdf> (дата обращения 10.06.2025).
23. Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. – New York : PublicAffairs, 2004. – XVI, 191 p.
24. OECD Economic Surveys: Türkiye 2025 // OECD. – 2025. – April, vol. 8. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/04/oecd-economic-surveys-turkiye-2025_fa62886d/d01c660f-en.pdf (дата обращения 12.06.2025).
25. QS World University Rankings 2025: Top global universities // QS World University. – 2025. – URL: https://www.topuniversities.com/world-university-rankings?items_per_page=150 (дата обращения 05.06.2025).
26. Students perform poorly in Turkey's university entrance exam maths, science sections // duveaR.english. – 2024. – 16.07. – URL: <https://www.duvarenglish.com/students-perform-poorly-in-turkeys-university-entrance-exam-maths-science-sections-news-64670> (дата обращения 12.06.2025).
27. Summer vacation starts for 18 million Turkish students // Hürriyet Daily News. – 2022. – 17.06. – URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/summer-vacation-starts-for-18-million-turkish-students-174661> (дата обращения 12.06.2025).
28. Türkiye aims to host 500,000 international students by 2028 // Daily Sabah. – 2025. – 09.05. – URL: <https://www.dailysabah.com/turkiye/turkiye-aims-to-host-500000-international-students-by-2028/news> (дата обращения 27.05.2025).
29. Türkiye Yetenek Açığı // Manpower Group. – 2024. – URL: https://26582639.fs1.hubspotusercontent-eu1.net/hubfs/26582639/2024_Turkiye_Yetenek_Acigi_Raporu.pdf (дата обращения 12.06.2025).

30. Twelfth Development Plan (2024–2028) / Presidency of the Republic of Türkiye. – 2023. – 263 p. – URL: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2025/03/Twelfth-Development-Plan_2024-2028.pdf (дата обращения 27.05.2025).
31. What are the key trends in international student mobility? Education indicators in focus // OECD. – 2025, March. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/03/what-are-the-key-trends-in-international-student-mobility_495dcfac/2a423a76-en.pdf (дата обращения 10.06.2025).
32. World University Rankings 2025 // Times Higher Education. – 2025. – URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/latest/world-ranking#!/length/100/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/scores (дата обращения 05.06.2025).
33. Yükseköğretim Bilgi Yönetim Sistemi // Yükseköğretim Kurulu. – URL: <https://istatistik.yok.gov.tr/> (дата обращения 05.06.2025).

Статья получена: 15.06.2025

Одобрена к публикации: 16.07.2025

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 376+378.1

DOI: 10.31249/espr/2025.03.07

Р.А. Андрианова*
**ИНКЛЮЗИВНОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ:
ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ
И РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ
(Обзор)**

Аннотация. Важнейшим достижением развития инклюзивного образовательного пространства в России в последние годы стало создание безбарьерной среды, повышающей мобильность субъектов образования с инвалидностью и особыми возможностями здоровья. Однако в числе проблем отечественного высшего образования остаются: негативные стереотипы в отношении инклюзии, неготовность профессорско-преподавательского состава к работе со студентами с ограниченными возможностями, риски дискриминации и социального исключения данной группы студентов. В настоящей работе обосновано, что важным ресурсом развития инклюзивного образования становится содействие интеграции учащихся с инвалидностью и особыми возможностями здоровья в образовательное пространство и научно-исследовательскую деятельность. Представлены методологические подходы к организации комфортной безопасной инклюзивной образовательной среды в соответствии с потребностями данной студенческой группы.

Ключевые слова: инклюзивное образование; высшее образование; безбарьерная среда; инклюзивная культура; психологическая безопасность; трудоустройство; Россия.

Для цитирования: Андрианова Р.А. Инклюзивное высшее образование в России: достижения, противоречия и ресурсы развития (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 132–146.

* **Андрианова Роза Ахбановна**, канд. пед. наук, научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); rosa_and@inbox.ru

Andrianova Roza, PhD (Ped. Sci.), researcher of the Center for Scientific and Information Research on Science, Education and Technology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); rosa_and@inbox.ru

R.A. Andrianova
**Inclusive higher education in Russia:
achievements, contradictions and resources for development
(Review)**

Annotation. The most important achievement in the development of an inclusive educational space in Russia in recent years has been the creation of a barrier-free environment that increases the mobility of education subjects with disabilities and special health needs. However, among the problems of domestic higher education remain: negative stereotypes regarding inclusion, the unwillingness of the teaching staff to work with students with disabilities, the risks of discrimination and social exclusion of this group of students. This paper argues that an important resource for the development of inclusive education is the promotion of the integration of students with disabilities and special health needs into the educational space and research activities. Presents methodological approaches to the organization of a comfortable, safe, inclusive educational environment in accordance with the needs of this student group.

Keywords: inclusive education; higher education; barrier-free environment; inclusive culture; psychological safety; employment; Russia.

For citation: Andrianova R.A. Inclusive higher education in Russia: achievements, contradictions and resources for development (Review) // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 132–146.

Введение

В последние годы в Российской Федерации реализуются многочисленные государственные программы для поддержки инвалидов и лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья (ОВЗ)¹. В частности, развитие в стране инклюзивного высшего образования расширяет возможности обучения студентов с различными нарушениями здоровья, способствует их вовлечению в научно-исследовательскую деятельность и построению успешной карьерной траектории в разных профессиональных сферах.

По данным Министерства науки и высшего образования РФ (Минобрнауки) число студентов с инвалидностью и ОВЗ с 2019 г. выросло на 56% [Минобрнауки: число студентов вузов с инвалидностью ... , 2025]. С одной стороны, такая статистика может свидетельствовать о развитии инклюзив-

¹ Отметим, что субъект с инвалидностью имеет значительные ограничения жизнедеятельности вследствие нарушений функций организма, обусловленных заболеваниями или травмами. В то время как студенты с ОВЗ имеют менее выраженные ограничения здоровья, но при этом для успешного освоения образовательных программ им также необходимы специальные условия. Инвалидность устанавливается медико-социальной экспертизой, а ОВЗ – психолого-медико-педагогической комиссией.

ного образования и доступности высшего образования для студентов с особыми образовательными потребностями и возможностями¹. С другой стороны, по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), в последние годы также увеличилось и число молодых инвалидов в возрасте от 18 до 35 лет [Численность инвалидов ... , 2025].

Анализ сайтов российских вузов показал, что создание условий для инклюзивного образования чаще сводится к созданию безбарьерной среды (места для парковки автомобилей, установка пандусов или подъемных средств, сурдотехнические средства, брайлевская компьютерная техника и пр.). И хотя очевидно, что учащиеся вузов с инвалидностью и ОВЗ в первую очередь нуждаются в непрерывном психолого-педагогическом сопровождении, в открытом доступе не удалось найти специальных программ обучения и практических мероприятий, направленных на их социально-психологическую адаптацию и интеграцию в образовательное пространство. На наш взгляд, в современных условиях особое значение приобретают воспитание инклюзивной культуры, преодоление негативных стереотипов в отношении инклюзии и соблюдение принципов инклюзии, исключающих любую дискриминацию студентов с инвалидностью и ОВЗ.

Государственные программы и нормативные аспекты инклюзивного образования

Следует подчеркнуть, что поддержка и развитие инклюзивного образования отражены в правовом поле РФ. Его нормативные аспекты закреплены в ряде важных законодательных документов, в их числе: «Конституция Российской Федерации», определяющая «право каждого гражданина страны, в том числе лиц с инвалидностью, на образование» [Конституция Российской Федерации, 2025]; Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Федеральный закон от 24.11.1995 ... , 2025], направленный на реализацию «государственной политики в области социальной защиты инвалидов»; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон от 29.12.2012 ... , 2012], обеспечивающий право каждого человека «на образование в течение всей жизни с учетом особенностей психофизического развития, индивидуальных возможностей и состояния здоровья»; Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.11.2024 № 821 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», способствующий созданию в вузе

¹ Однако на текущий момент не удалось найти точных данных о численности аспирантов с инвалидностью и ОВЗ.

специальных условий «проведения вступительных испытаний» для инвалидов и лиц с ОВЗ в очном режиме¹.

В ряду адресных программ господдержки инклюзивного образования необходимо отметить Государственную программу РФ «Социальная поддержка граждан» [Постановление Правительства ... , 2014], направленную на оказание адресной помощи и поддержки социально уязвимым группам населения, на профессиональную ориентацию инвалидов и их сопровождение при получении образования. Помимо этого, с 2011 г. в РФ реализуется государственная программа «Доступная среда» (2011–2030) [Государственная программа ... , 2025], цель которой – создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов «и других маломобильных групп населения» в общество и повышение уровня их жизни. Данная госпрограмма ориентирована на создание условий для беспрепятственного доступа этого контингента к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры. Также ее важным достижением стало расширение сферы социального сопровождения, оказание целенаправленных медико-реабилитационных услуг для лиц с ограниченными возможностями.

Деятельность ресурсных учебно-методических центров

Отдельно стоит остановиться на деятельности ресурсных учебно-методических центров (РУМЦ), которая направлена «на сотрудничество с местными органами власти, местными организациями инвалидов, учреждениями культуры и общественными организациями» для поддержки инклюзивного образования в вузах. В настоящее время создано уже 25 таких центров на базе 660 вузов-партнеров [Сеть РУМЦ ... , 2025]. РУМЦ разрабатывают актуальные «адаптивные программы обучения, в том числе и дистанционные», организуют работу курсов «повышения квалификации в области инклюзивного образования для профессорско-преподавательского состава, проводят системную методическую и экспертную работу». Также РУМЦ внедряют «современные технологии содействия дальнейшему трудоустройству выпускников вузов с инвалидностью». Оперативное взаимодействие со студентами с инвалидностью, образовательными учреждениями и учебно-методическими центрами осуществляется через информационный портал «Инклюзивное образование» [Инклюзивное высшее образование ... , 2025]. При этом любая образовательная организация может получить статус РУМЦ через участие в конкурсном отборе «на получение гранта в форме субсидии» в рамках госу-

¹ Например, на основании личного заявления абитуриент с инвалидностью и ОВЗ имеет право: на обеспечение «беспрепятственного доступа в аудитории, туалетные и другие помещения, проведение вступительных испытаний в отдельной аудитории» «увеличение продолжительности вступительного испытания по решению организации, но не более чем на 1,5 часа»; «возможность присутствия ассистента» [Приказ Министерства ... , 2024].

дарственной программы РФ «Развитие образования». Федеральный методический центр по инклюзивному образованию (ФМЦИО) заключает с образовательной организацией соглашение о выполнении функций РУМЦ и выдает сертификат, дающий право на осуществление методического и экспертного сопровождения инклюзивного образования. По итогам ежегодного мониторинга деятельности с учетом анализа состояния развития региональной системы инклюзивного образования действующий РУМЦ либо подтверждает свою эффективную работу, либо лишается своего статуса [Положение о создании и деятельности ... , 2021].

Ведущие эксперты из семи российских федеральных высших образовательных организаций во главе с академиком Российской академии образования, доктором психологических наук В.В. Рубцовым представили в 2022 г. анализ реализации Межведомственного комплексного плана мероприятий по обеспечению доступности профессионального образования для субъектов образования с инвалидностью и ОВЗ. В нем было отмечено, что создание и развитие РУМЦ позволило сформировать современную систему сопровождения развития инклюзивного высшего образования, «апробировать управленческие и организационные механизмы развития инклюзивного высшего образования через выстраивание партнерской сети вузов» [Цель, задачи и основные направления ... , 2023, с. 11]. Однако, как показывает практика, двадцати пяти РУМЦ для эффективного межведомственного взаимодействия и успешного развития инклюзивного высшего образования в России совсем недостаточно.

Инклюзивная образовательная среда: возможности и противоречия (обзор литературы)

Ретроспективный анализ публикаций на платформе научно-электронной библиотеки (НЭБ) eLIBRARY.RU показал, что данный ресурс содержит 2259 упоминаний с ключевыми словами «инклюзивное образование в России». Однако большая часть работ посвящены исследованию проблем школьной инклюзии и подготовке специалистов для работы с детьми, имеющими особые образовательные потребности (ООП) в связи с ОВЗ.

При этом проблемы инклюзивного высшего образования чаще остаются за пределами научных интересов исследователей. Так на портале НЭБ eLIBRARY.RU найдено всего 343 публикации с ключевыми словами «инклюзивное высшее образование в России», опубликованные за период 2015–2025 гг.¹

¹ Здесь и выше поиск публикаций осуществлялся на платформе научно-электронной библиотеки eLIBRARY.RU (расширенный поиск по названию, аннотации, ключевым словам «инклюзивное высшее образование в России», годы публикаций 2000–2025 гг., дата обращения к системе 29.05.2025) по электронному адресу: <https://elibrary.ru/>

В то же время растет число работ отечественных специалистов, в которых:

- адаптация и интеграция студентов с инвалидностью и ОВЗ в образовательное пространство вуза рассматривается как фактор эффективной социализации субъектов образования с ограниченными возможностями (см.: [Коржук, 2018; Аллахвердиева, Гаспаршвили, 2020; Зиновьева, Берсенев, Носова, 2020; Дохойн, Белоус, 2021; Жаворонкова, 2022; Трансформация восприятия ... , 2024; Гильфанова, Газизова, Кафарова, 2024]);

- обоснована актуальность подготовки преподавателей высшей школы к работе в современной инклюзивной среде и преодолению негативных стереотипов об инклюзии (см.: [Муллер, 2019; Калугина, 2020; Щелина, 2020; Гостева, 2020; Кузнецова, 2021; Лобанова, Назарова, 2022; Денисова, Леханова, Гудина, 2023; Руднева, Козырева, 2023; Винокурова, 2024]);

- показана роль инклюзивной культуры в формировании комфортной образовательной среды вуза и преодолении социального исключения студентов с инвалидностью и ОВЗ (см.: [Дербенева, 2021; Быстрова, 2023; Кутькина, Пивторак, 2023; Кетова, Баженов, 2024]).

Обзор и анализ научных публикаций по проблемам высшего инклюзивного образования позволил выявить ряд существенных противоречий:

- между возрастающими требованиями к развитию инклюзивной образовательной среды и неподготовленностью профессорско-преподавательского состава к работе со студентами с инвалидностью и ОВЗ;

- между запросом на оптимизацию воспитательной и превентивной работы образовательной организации и дефицитом инклюзивной культуры, комплексных программ обеспечения психологической безопасности всех субъектов образовательных отношений, нейтрализации рисков проявлениями прямой и косвенной агрессии по отношению к студентам с инвалидностью и ОВЗ;

- между потребностью в помощи и поддержке трудоустройства выпускников вуза с инвалидностью и ОВЗ и негативными стереотипами о недостаточных профессиональных компетенциях данной группы выпускников;

- между снижением эффективности подготовки научных кадров высшей квалификации в России и отсутствием адаптированных программ обучения аспирантов с инвалидностью и ОВЗ, вовлечением их в научно-исследовательскую деятельность.

Очевидно, что трансформация инклюзивного образования в России происходит не только на фоне создания безбарьерной архитектурно-пространственной среды, повышающей мобильность и интеграцию студентов с ОВЗ в образовательное пространство, но и оптимизации социально-педагогической деятельности, направленной на создание безопасных и комфортных условий для обучения и социализации субъектов образования.

Инклюзивное образование в российских региональных вузах (результаты отечественных исследований)

Рассмотрим результаты некоторых научных исследований инклюзивной образовательной среды, проведенных на базе региональных российских вузов с целью выявления проблем и ресурсов эффективного социально-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью и ОВЗ.

М.П. Шульмин и Р.Р. Гибазов проанализировали состояние инклюзивной образовательной среды в шести высших учебных заведениях г. Томска. Ими было выявлено негативное отношение преподавателей к студентам, инвалидность которых визуально не видна. Также стало известно, что для успешного развития профессиональных компетенций на производственной практике отсутствуют организованные со стороны работодателей специальные комфортные условия, учитывающие специфику ограниченных возможностей здоровья студентов с инвалидностью и ОВЗ. Авторы исследования пришли к выводу, что в настоящее время в регионе создана только начальная ступень инклюзивного образования, и обосновали, что для его полноценного развития важно обеспечить условия для обучения студентов с разными формами инвалидности, в том числе и с «тяжелыми» [Шульмин, Гибазов, 2021, с. 102].

Исследования, проведенные для выявления барьеров в образовательной среде УрФУ (Уральского федерального университета), показали, что только 10% студентов с инвалидностью не сталкивались с физическими барьерами [Полянская, Боронина, 2023, с. 29–30].

На базе Тульского государственного педагогического университета также были изучены риски и перспективы развития системы инклюзивного высшего образования для лиц с ОВЗ. В числе проблем было выявлено отсутствие адаптированных учебно-методических материалов («нет аудио-учебников, учебников и учебно-методических пособий, рабочих программ»), учитывающих особенности развития и обучения студентов с ОВЗ. Помимо этого, были установлены актуальные запросы учащихся с ОВЗ – «снижение объема заданий для самостоятельной работы»; возможность «индивидуального графика» занятий; возможность «дистанционного обучения» и «снижение требований при промежуточной аттестации» пр. [Система инклюзивного высшего образования ... , 2020, с. 5].

На базе государственного технического университета им. Г.И. Носова г. Магнитогорск Челябинской области также было проведено исследование готовности педагогов к работе со студентами с ОВЗ, в результате чего был выявлен «высокий уровень тревожности у 68%» у этой группы учащихся. Стало известно, что 54% студентов подвергались «социальному исключению», т.е. были случаи косвенной травли или буллинга в студенческих сообществах вуза. Авторы исследования Е.Е. Лобанова, О.Л. Назарова доказали, что данная проблема связана с низким уровнем психологической готовности профессорско-преподавательского состава к работе в инклюзивной среде [Лобанова, Назарова, 2022, с. 8–9].

В рамках данного исследования была апробирована работа «виртуальной образовательной среды в формате онлайн-курса с системой непрерывной обратной связи» преподавателей и студентов с ОВЗ. Данная инклюзивная практика позволила снизить накопившиеся коммуникативные барьеры между субъектами образовательного процесса. С учетом специфики инклюзивного образования в вузе были подготовлены следующие учебно-методические пособия: «Современные подходы преподавателей университета к работе в инклюзивной образовательной среде по профилю педагогической деятельности», «Тьюторство в системе инклюзивного образования». По итогам внедрения инновационных технологий была отмечена «положительная динамика готовности преподавателей вуза» к успешной реализации инклюзивного образования [Лобанова, Назарова, 2022, с. 4]. Данный опыт регионального вуза подтверждает актуальность своевременного преодоления коммуникативных и образовательных барьеров между студентами с ОВЗ и профессорско-преподавательским составом.

Следует отметить, что сфера онлайн-коммуникаций современных студентов стремительно расширяется, что повышает вероятность конфликтности ситуаций и их последующей эскалации при личных встречах в образовательных учреждениях. Конфликты в студенческой среде негативно влияют на психологический климат образовательной организации, способствуют конфронтации и агрессивным действиям, нарушают процесс воспитания, образования и социализации субъектов образования.

Исследования маркеров агрессивного поведения субъектов образования в возрасте от 14 до 22 лет, проведенные автором статьи в 2023 г.¹, также показали, что закреплению агрессивных способов взаимодействия в образовательной среде способствует дефицит воспитательной работы, отсутствие доверия к педагогам и психологической службе в ситуациях системных агрессивных преследований (буллинга и кибербуллинга) молодых людей в сообществах учебной группы. При этом чаще агрессия по отношению к однокурсникам проявлялась в общих учебных чатах и социальных сетях, что свидетельствует о низкой культуре поведения субъектов образования в цифровой среде [Андреанова, 2024a].

Одним из самых негативных эффектов в российских вузах остается нарушение педагогами профессиональных и этических норм, провоцирующее агрессивное преследование и социальную изоляцию субъектов образования. Безусловно, прежде всего, в целях обеспечения безопасной и комфортной среды для студентов с инвалидностью и ОВЗ, необходимо изменить отношение профессорско-преподавательского состава к инклюзивной образовательной среде, преодолеть различные негативные стереотипы об инклюзии, повышать инклюзивную культуру всех субъектов образовательных отношений.

¹ В онлайн-опросе приняли участие 3012 человек из 20 российских регионов [Андреанова, 2024a]

Очевидно, что для раннего выявления негативных тенденций в студенческой среде важно проводить системный мониторинг психо-эмоционального благополучия всех студентов. На наш взгляд, ведущим социально-педагогическим механизмом создания безопасной образовательной среды вуза¹ становится воспитательная тактика, направленная на раннее выявление, предупреждение и преодоление конфликтов в студенческом сообществе на основе сотрудничества и взаимной поддержки.

В этой связи важным условием развития российского инклюзивного образования является формирование профессиональной компетентности студентов педагогического вуза для работы в условиях инклюзии. В исследовании готовности будущих педагогов к работе в инклюзивной образовательной среде приняли участие 393 студента, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» Волгоградского государственного социально-педагогического университета. В итоге были выявлены нехватка занятий по дисциплине «Образование лиц с ОВЗ», а также недостаточное вовлечение студентов в «волонтерские инклюзивные практики» со стороны преподавателей-наставников [Руднева, Козырева, 2023]. Очевидно, что организация педагогической практики без фактического взаимодействия с субъектами образования, имеющими ограничения по здоровью, препятствует формированию необходимых профессиональных компетенций для обучения, воспитания, социализации данной группы учащихся и формированию ценного опыта практической работы в инклюзивной среде на этапе профессиональной подготовки.

Помимо обозначенных выше проблем, главным барьером при трудоустройстве выпускников вузов с ОВЗ остается низкая правовая грамотность работодателей и сложившиеся негативные стереотипы об отсутствии у данной группы выпускников необходимых навыков и умений для эффективной профессиональной деятельности [Митрофанова, Краснов, 2023]. При этом неготовность вуза к развитию инклюзивного образования становится фактором неэффективной организации производственной практики и дефицита поддержки при трудоустройстве выпускников с ОВЗ. Адресная помощь в построении будущей профессиональной карьеры поддерживает уверенность в успешной профессиональной деятельности, оказывает существенную социально-педагогическую и психологическую поддержку студентам с инвалидностью и ОВЗ в период обучения, расширяет перспективы их самореализации и саморазвития, повышения социального статуса и востребованности на рынке труда.

Безусловно, формирование инклюзивной культуры – важнейшее направление развития инклюзивного высшего образования и адресной поддержки студентов с инвалидностью или ОВЗ. Очевидно, что инклюзивная

¹ Социально-педагогическая безопасность нами понимается как защищенность субъектов образовательных отношений от косвенного или прямого проявления агрессии, создание комфортных условий для обучения, воспитания, социализации и развития.

культура взаимосвязана с общей культурой людей и принятием каждого человека вне зависимости от ограниченных возможностей здоровья. В числе условий формирования инклюзивной культуры в образовательной среде вуза О.П. Кутькина и А.Н. Пивторак выделяют: принятие «инклюзивных ценностей»; стимулирование в студенческом сообществе стремления к согласию, заботе, поддержке, сотрудничеству; системную подготовку будущих специалистов к «трансляции инклюзивной культуры» в своей профессиональной деятельности [Кутькина, Пивторак, 2023, с. 257].

Важное значение для поддержки студентов с инвалидностью и ОВЗ, развития их социальной активности имеет вовлечение в различные социокультурные практики. Заслуживает внимания опыт реализации модели event-проектирования Уральского федерального университета. В вузе в формате «event» («события») проводятся конференции, выставки, конкурсы, олимпиады, интеллектуальные марафоны, турниры, оказывающие благоприятное влияние на психо-эмоциональное самочувствие студентов с инвалидностью или ОВЗ, расширяющие возможности их вовлечения в совместную социально-значимую деятельность, создающие условия для самореализации, повышения социального статуса в студенческом сообществе [Полянская, Бородина, 2022, с. 72]. Необходимо отметить, что Уральский федеральный университет в 2021 г. занял первое место во Всероссийском конкурсе на лучшие инклюзивные практики в номинации «Инновационный подход к обучению» [Андреанова, 2024б, с. 93].

Таким образом, в российских региональных вузах уже накоплен определенный опыт формирования инклюзивного образовательного пространства (в первую очередь «безбарьерной среды»). Однако остается нерешенным еще целый ряд проблем, преодоление которых представляется возможным исключительно при условии непрерывного социально-педагогического сопровождения учащихся с инвалидностью и ОВЗ, направленного на их адаптацию и интеграцию в социокультурное пространство вуза.

Методологические подходы к организации инклюзивной образовательной среды

Мы предлагаем следующие методологические подходы организации комфортной и безопасной инклюзивной образовательной среды в вузах.

Социокультурный подход, основывающийся на представлениях о социокультурном влиянии образовательной среды на воспитание и социализацию студентов с инвалидностью и ОВЗ. В связи с чем предполагается расширение инфраструктуры социокультурного взаимодействия молодых людей; формирование инклюзивной культуры, принятие соответствующих норм и ценностей; уважительное отношение к субъектам образования, имеющим ограниченные возможности здоровья в конкретном студенческом сообществе и образовательной организации в целом.

Системно-деятельностный подход, который содержит представления о взаимосвязи, взаимообусловленности и преемственности всех этапов обучения и социализации студентов с инвалидностью и ОВЗ. В связи с чем предполагается развитие разнообразных индивидуальных и групповых форм социально-педагогического и психологического сопровождения данной группы студентов с учетом их потребностей, интересов и особенностей жизненной ситуации, обусловленных их адаптацией и интеграцией в социокультурное и образовательное пространство вуза.

Аксиологический подход, базирующийся на представлениях о роли непрерывной воспитательной и превентивной деятельности, стимулирующей понимание ценности человеческой жизни и снижающей риски проявлений агрессии по отношению к людям с инвалидностью и ОВЗ. В связи с чем предполагается признание уникальности каждого человека и создание безопасных условий для полноценного физического, психического и социального развития всех учащихся вузов;

Субъектно-ориентированный подход, в основе которого заложены представления о студентах с инвалидностью и ОВЗ как об активных субъектах образовательной среды, готовых к конструктивному социальному участию во всех сферах своей жизнедеятельности. В связи с чем предполагается повышение ответственности профессорско-преподавательского состава, руководителей вузов и психологической службы за включение всех субъектов образовательных отношений в процесс создания комфортной и безопасной среды.

Безусловно, главной деятельностью студента является учебный процесс. Однако для развития инклюзивного образования важными становятся не только профессиональные компетенции учащихся вузов, но и так называемые «self skills» (навыки самоуправления), способствующие успешному взаимодействию со всеми субъектами образовательного пространства независимо от их физических и/или социально-психологических ограничений.

Заключение

Инклюзивная доступность образовательной среды для студентов с инвалидностью и ОВЗ предполагает ряд необходимых для этого ресурсов:

- *социально-педагогический ресурс* – профессорско-преподавательский состав вуза, готовый и способный к взаимодействию с субъектами образования с инвалидностью и ОВЗ, владеющий специальными методами и технологиями профессиональной деятельности в инклюзивной среде;

- *материально-технический ресурс* – специальные оборудованные средства для безбарьерного перемещения обучающихся с инвалидностью и ОВЗ (например, пандусы у корпусов и общежитий вуза и др.), наличие и доступность технических средств и приспособлений для осуществления инклюзивного обучения в аудитории и дистанционно;

– *социально-психологический ресурс* – структурные подразделения по непрерывному социально-психологическому сопровождению студентов с ОВЗ и особыми образовательными потребностями, способные снизить риски их социальной изоляции в студенческом сообществе; методы и технологии создания комфортной и безопасной образовательной среды для всех субъектов образовательного процесса.

Однако нами было выявлено, что в российских вузах недостаточно реализуются комплексные превентивные технологии, направленные на принятие инклюзивных ценностей и воспитание инклюзивной культуры. Неготовность профессорско-преподавательского состава к работе в инклюзивной среде снижает психологическую безопасность студентов с ОВЗ и создает почву для их социального исключения в студенческих сообществах.

Безусловно, актуальным запросом развития инклюзивного профессионального образования остается адресная помощь и поддержка в построении успешной карьерной траектории с учетом возможностей и запросов студентов с инвалидностью и ОВЗ. Для этого, прежде всего, необходимо содействие профессионально-трудовой адаптации и индивидуализации трудовых функций на этапе организации производственной практики с целью подготовки к дальнейшему трудоустройству выпускника с ограниченными возможностями здоровья. Необходимо также создание условий для привлечения студентов с ОВЗ к научно-исследовательской деятельности (в том числе к обучению в аспирантуре и работе над диссертационным исследованием) для их интеграции в академическое сообщество и построения успешной научной карьеры.

Развитие инклюзивного образования, таким образом, представляет собой комплексный процесс, направленный на создание благоприятной среды, где исключена любая форма дискриминации студентов с ОВЗ и инвалидностью. Формирование инклюзивной культуры в вузе является не просто важным, а стратегически необходимым направлением воспитательной и превентивной работы. Инвестиции в инклюзивное образование напрямую влияют на повышение конкурентоспособности страны, способствуют сохранению и приумножению человеческого капитала Российской Федерации.

Список литературы

1. Аллахвердиева Л.М., Гаспарисвили А.Т. Инклюзивное образование в вузах как фактор эффективной социализации людей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник высшей школы «Alma Mater». – 2020. – № 4. – С. 15–21.
2. Андреанова Р.А. Агрессивное поведение в образовательной среде: анализ результатов эмпирического исследования и пути решения проблемы // Актуальные проблемы психологического знания. – 2024а. – № 1(66). – С. 199–212.
3. Андреанова Р.А. Региональная практика исследования проблем и условий обеспечения социально-педагогической безопасности высшего образования (на примере Свердловской области) // Научно-исследовательские исследования. – 2024б. – № 4. – С. 80–107.

4. Быстрова Т.Ю. Возможности вовлечения в социокультурные практики, развивающие инклюзивную культуру // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 113–125.
5. Винокурова И.В. Формирование компетентности преподавателя вуза в инклюзивном образовании средствами информационно-технологического обеспечения образовательного процесса : дис. ... канд. пед. наук. – Калининград, 2024. – 263 с.
6. Гильфанова А.В., Газизова Н.В., Кафарова К.З. Проблемы социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в высшем учебном заведении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Экономика и право. – 2024. – № 11. – С. 154–158.
7. Гостева Л.З. Преодоление педагогических стереотипов преподавателей высшей школы в современной инклюзивной образовательной среде // Вестник Амурского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 90. – С. 86–88.
8. Государственная программа РФ «Доступная среда» // Минтруд России. Деятельность. – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0?ysclid=m7ltjpqzuu934318287> (дата обращения 22.03. 2025).
9. Денисова О.А., Леханова О.Л., Гудина Т.В. Инклюзивная культура как показатель готовности специалистов вузов к сопровождению инклюзивного высшего образования // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 82–92.
10. Дербенева Г.В. Формирование профессиональной компетентности у студентов педагогического вуза для работы в условиях инклюзии // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 6(149). – С. 83–90.
11. Дохоян А.М., Белоус О.В., Маслова И.А. Инклюзивное образование в современных условиях развития общества // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2021. – № 2(62). – С. 60–66.
12. Жаворонкова Л.В. Многоуровневое управление развитием региональной системы инклюзивного образования // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 2(125). – С. 8–16.
13. Зиновьева В.И., Берсенев М.В., Носова А.Л. Инклюзивное образование и вуз: анализ мнений и факторы развития // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 67. – С. 181–187.
14. Инклюзивное высшее образование в России // Инклюзивное образование. – URL: <https://инклюзивноеобразование.рф> (дата обращения 21.03.2025).
15. Калугина Д.А. Готовность преподавателей российской высшей школы к работе в условиях образовательной инклюзии // Педагогический журнал Башкортостана. – 2020. – № 1(86). – С. 35–45.
16. Кетова Н.А., Баженов Г.В. К вопросу о готовности студентов к обучению в инклюзивной среде // Коллекция гуманитарных исследований. – 2024. – № 2(39). – С. 41–47.
17. Конституция Российской Федерации // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения 05.02.2025).
18. Коржук С.В. Высшее образование как канал социальной инклюзии индивидов с инвалидностью : дис. ... канд. социол. наук. – Новосибирск, 2018. – 232 с.
19. Кузнецова М.В. Выявление состояния сформированности профессионально-личностной готовности профессорско-преподавательского состава к реализации инклюзивного об-

- разования в высшем учебном заведении // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 146–157.
20. Куткина О.П., Пивторак А.Н. Формирование инклюзивной культуры в образовательной среде творческого вуза // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 64. – С. 253–259.
21. Лобанова Е.Е., Назарова О.Л. Готовность преподавателей вуза к реализации инклюзивного образования как фактор профессионального становления студентов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 6. – С. 1–9.
22. Минобрнауки: число студентов вузов с инвалидностью за пять лет выросло на 56% // ТАСС. – 2025. – 16.04. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/23701249> (дата обращения 15.02.2025).
23. Митрофанова Е.А., Краснов Е.В., Митрофанова А.Е. Трудоустройство выпускников вузов с инвалидностью: проблемы и решения // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – № 3(66). – С. 38–44.
24. Муллер О.Ю. Развитие методической компетентности преподавателей вуза в условиях инклюзивного образования : дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2019. – 269 с.
25. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU // Сайт научно-электронной библиотеки eLIBRARY.RU. – URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения 15.02.2025).
26. Положение о создании и деятельности ресурсного учебно-методического центра в системе среднего профессионального образования, профессионального обучения и дополнительного профессионального образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (РУМЦ СПО) (утверждено 30 августа 2021 г.) // Портал информационной и методической поддержки инклюзивного высшего образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями. – 2021. – 30.08. – URL: <https://vgpgk.ru/wp-content/uploads/2022/04/rumc.pdf> (дата обращения 05.02.2025).
27. Полянская А.Г., Боронина Л.Н. Event-мероприятия как механизм развития инклюзивного образования в высшей школе / Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: Дизайн инклюзивного взаимодействия : Сборник статей IV международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 02–03 декабря 2021 г. ; под общей редакцией А.Л. Неволной ; отв. за выпуск А.Р. Барашев. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2022. – С. 70–77.
28. Полянская А.Г., Боронина Л.Н. Инклюзивное образование в высшей школе: оценка состояния и перспективы развития / Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 апреля 2023 г. : в 2 томах. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. — Т. 2. — С. 28–31.
29. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» // Правительство России. – 2014. – 15.04. – URL: <http://government.ru/docs/all/91331/> (дата обращения 17.02.2025).
30. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 27.11.2024 № 821 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – 29.11. – URL:

- <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411290031?ysclid=mb9kvuklan566018190> (дата обращения 22.03.2025).
31. Руднева И.А., Козырева О.А. Профессиональные барьеры в готовности будущих педагогов к инклюзии // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 11. – С. 136–152.
 32. Сеть РУМЦ и вузов – партнеров // Инклюзивное образование. – URL: <https://инклюзивноеобразование.рф/румц> (дата обращения 21.03.2025).
 33. Система инклюзивного высшего образования лиц с ограниченными возможностями здоровья: проблемы, риски, перспективы / Н.А. Пронина, С.А. Зылыгаева, Е.В. Романова, К.С. Шалагинова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 1–7.
 34. Трансформация восприятия студентами инвалидности как результат инклюзивного образования: a posse ad esse / Е.С. Сахарчук, М.Я. Руднева, Э.Р. Баграмян, А.Л. Сахарчук // Образование и наука. – 2024. – Т. 26, № 6. – С. 167–198.
 35. Федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Президент России. – 1995. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8523/page/4> (дата обращения 06.02.2025).
 36. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Президент России. – 2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения 22.03.2025).
 37. Цель, задачи и основные направления развития инклюзивного высшего образования в Российской Федерации / В.В. Рубцов, Г.Г. Саитгалиева, О.А. Денисова [и др.] // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 6–23.
 38. Численность инвалидов с разбивкой по полу, возрасту и группе инвалидности по Российской Федерации // ЕМИСС. – 2025. – 14.03. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62496> (дата обращения 20.04.2025.).
 39. Шульмин М.П., Гибазов Р.Р. Оценка состояния инклюзивной среды участниками образовательного процесса в томских вузах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2021. – № 4(289). – С. 94–104.
 40. Щелина Т.Т. Подготовка преподавателей к реализации социально-психологического сопровождения студентов с ОВЗ в инклюзивной образовательной среде вуза // Социальная работа: современные проблемы и технологии. – 2020. – № 1(1). – С. 222–230.

Статья получена: 28.02.2025

Одобрена к публикации: 12.07.2025

О.В. Бессчетнова*

**СОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ
МОЛОДЕЖИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА**

Рецензия на книгу:

Храмцова Ф.И., Ерофеева М.А. Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства : монография. – Изд. 2-е, дополненное. – Москва ; Саратов : Саратовский источник, 2023. – 366 с.

Аннотация. Рецензируемое монографическое исследование посвящено концептуализации социального иммунитета российской и белорусской молодежи в качестве основы для формирования и развития конструктивного потенциала молодой личности в текущих условиях нарастания геэкономических и геополитических вызовов. Социальный иммунитет рассматривается как механизм, способный обеспечить несколько уровней защиты личности от внешних деструктивных воздействий. Отмечается, что важную роль в его формировании играют целый ряд социальных институтов – государство, образование, культура. Показано, что укрепление социального иммунитета является важным условием для успешной адаптации, социализации и самореализации молодых людей в современном турбулентном социально-экономическом контексте.

Ключевые слова: социальный иммунитет; молодежь; государство; образование; культура; Союзное государство.

Для цитирования: Бессчетнова О.В. Социальный иммунитет молодежи Союзного государства // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 147–155. – Рецензия на книгу: Храмцова Ф.И., Ерофеева М.А.

* **Бессчетнова Оксана Владимировна**, д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социальной работы ФГАОУ ВО Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Россия); oksanabesschetnova@yandex.ru

Besschetnova Oksana, DSc in Sociol. Sci., Associate Professor, Professor of the Department of Social Work N.I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russia); oksanabesschetnova@yandex.ru

Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства : монография. – Изд. 2-е, дополненное. – Москва; Саратов : Саратовский источник, 2023. – 366 с.

O.V. Besschetnova
SOCIAL IMMUNITY OF THE YOUTH
OF RUSSIA AND BELARUS

The book review:

Khramtsova F.I., Erofeeva M.A. Constructive potential of the youth of Russia and Belarus as a security factor of the union state.

Abstract. The peer-reviewed monograph is devoted to the conceptualization of social immunity of Russian and Belarusian youth as a basis for the formation and development of the constructive potential of young individuals in the current conditions of increasing geoeconomic and geopolitical challenges. Considers social immunity as a mechanism capable of providing several levels of protection of the individual from external destructive influences. Notes that an important role in its formation is played by a number of social institutions - the state, education, culture. Shows that strengthening social immunity is an important condition for the successful adaptation, socialization and self-realization of young people in the modern turbulent socio-economic context.

Keywords: social immunity; youth; state; education; culture; Union State of Russia and Belarus.

For citation: Besschetnova O.V. Social immunity of the youth of Russia and Belarus // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 147–155. – The book review: Khramtsova F.I., Erofeeva M.A. Constructive potential of the youth of Russia and Belarus as a security factor of the union state : monograph, 2nd ed., supplemented. – Moscow : Saratov: Saratovsky istochnik, 2023. - 366 p.

Введение

Рецензируемое монографическое исследование посвящено вопросам формирования социального иммунитета молодежи Союзного государства как основы ее конструктивного потенциала, значение которого неуклонно возрастает на фоне санкционного давления, информационных войн, манипуляций общественным сознанием с использованием современных технологий (в том числе цифровых медиа) со стороны недружественных для России и Беларуси международных акторов.

Актуальность монографии представляется очевидной в свете текущих весьма турбулентных геэкономических и геополитических процессов, а также ввиду необходимости изучения их влияния на различные социальные группы. В первую очередь это относится к молодежи (лиц от 14

до 35 лет), учитывая особенности данной группы. С одной стороны, молодые люди представляют наиболее активную, мобильную и трудоспособную часть общества, которая в ближайшей перспективе будет определять дальнейшие направления развития Союзного государства. С другой стороны, эта группа включает в себя разнородные подгруппы, отличающиеся социально-демографическими и статусными параметрами (возраст, образование, доход, основной вид деятельности, территория проживания); возможностями и ограничениями (в том числе правового, социально-психологического и физиологического характера); социальным и жизненным опытом, которые перманентно подвергаются внешним информационным воздействиям, нередко деструктивного характера.

Представляется, что укрепление социального иммунитета молодежи стран Союзного государства является важным условием как для формирования конструктивного потенциала данной социальной группы, так и для синергии интеграционного потенциала России и Беларуси с целью противостояния деструктивным внешним угрозам. В связи с чем некоторые выводы рецензируемой монографии представляют определенный интерес с точки зрения выработки молодежной и образовательной политики Союзного государства с учетом новых вызовов современности.

Обзор литературы

Материалы рассматриваемой монографии логично интегрируются в пул отечественных научных исследований социального иммунитета, существенно обогащая сразу несколько отраслей научного знания (в том числе социологию, экономику, педагогику и др.). За последнюю декаду количество научных статей, посвященных изучению социального иммунитета с различных ракурсов, существенно возросло.

Одни исследователи рассматривают данное понятие через призму социального здоровья, определяя социальный иммунитет как важный ресурс его сохранения, как «способность человека распознавать негативные воздействия, поступающие из чужеродной социокультурной среды, и противостоять им как попытке вторжения инородных образов, норм, целей, ценностей» [Волкова, 2024, с. 941]. При этом отмечают длительный характер его формирования в течение жизни, на который оказывают влияние «индивидуальные различия: особенности воспитания, образа жизни, социальной среды, личные качества человека и черты его характера» [Пилюшенко, 2021, с. 143].

Другие сосредотачивают фокус своего внимания на индивиде, его способности к адаптации в условиях неопределенности современного общества, понимая под социальным иммунитетом «защитный механизм, процесс адаптации индивида (или социальной группы) к обществу, социальной среде, а также различным видам рисков, связанных со здоровьем, безопасностью, негативными экономическими, политическими, экологическими и другими социальными процессами» [Бирюкова, 2013, с. 181]. При этом

акцентируется роль социально-экономических факторов, оказывающих существенное влияние на качество и образ жизни, отношение к здоровью, возникновение девиантных форм поведения, в том числе и в молодежной среде.

Третьи изучают его с точки зрения фактора сохранения социокультурной идентичности, позволяющего «...создать защитный пояс, который обеспечивает сохранение идентичности, уникальности культуры, собственной истории, политического и экономического суверенитета» [Кормочи, 2015, с. 116].

В ряде случаев авторы сужают понятие «социальный иммунитет» до более конкретных дефиниций, в частности «социально-экономический иммунитет» [Мишулин, 2020; Бенц, Капкаев, 2024]; «политический иммунитет» [Григорьева, 2009]; «культурный иммунитет» [Пономарев, Тищенко, Якунина, 2021; Голобородько, Стеценко, Камышанская, 2022].

В целом, анализ современных научных воззрений на социальный иммунитет позволяет констатировать отсутствие единой научной парадигмы, фрагментарность и разрозненный характер исследований, которые можно сгруппировать, по крайней мере, по трем направлениям, в рамках которых он трактуется: 1) как защитный механизм, противостоящий разрушению общества и усиливающий его стабильность и адаптивный потенциал; 2) как нравственный регулятор, основанный на универсальных и национальных аксиологических ориентирах; 3) как ресурс социальной безопасности.

Основная часть

Прежде всего, следует отметить, что важным достижением авторов рецензируемой монографии стала разработка нового подхода к изучению конструктивного потенциала молодежи через призму понятия «социальный иммунитет», а также его производных – «социальный иммунитет молодежи» и «социальный иммунитет студенческой молодежи». При этом были учтены философские (Г. Гегель, Т. Гобс, А.А. Зиновьев, В.Д. Перевалов, А.И. Пригожин), социологические (У. Бек, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, З.А. Жапуев, В.Б. Живетин, В.М. Жуков, С.А. Кравченко, П. Лилиенфельд-Тоаль, К. Маркс, И.Г. Саксельцев, Г. Спенсер, Л. фон Штейн, П. Штомпка, Ф. Энгельс) и политологические (Е.М. Бабосов, И.А. Ильин, В.Н. Кузнецов) теоретико-методологические позиции.

Помимо обширного теоретического анализа, в монографии представлены результаты собственных эмпирических исследований авторов, проведенных в России и Беларуси в период с 2011 по 2016 гг. В работе также обсуждаются вторичные данные, полученные другими отечественными и зарубежными учеными, что подчеркивает актуальность проблемы, ее глубину и разносторонность. В этой связи сделанные авторами выводы в основном отражают особенности формирования социального иммунитета молодежи из стран Союзного государства. Однако некоторые из них

носят более универсальный характер и могут быть востребованы в ходе исследований аналогичных социальных процессов в других странах и регионах.

Так, понятие «социальный иммунитет» рассматривается в монографии как «механизм противодействия ... деструкциям обществ ... в условиях глобально-локального социума, что способно обеспечить несколько уровней защиты личности» [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 5]; «один из механизмов социализации молодежи средствами гражданско-патриотического воспитания, формирования культуры здорового образа жизни и культуры досуга молодежи» [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 47]; «способность к социальной рефлексивности, органичной солидарности» [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 42]. Иными словами, «социальный иммунитет» трактуется как метод воздействия, социально-педагогическая технология и личностная характеристика индивида.

Более узкая дефиниция «социальный иммунитет молодежи» изучается авторами в качестве инструмента обеспечения личной, социальной и национальной безопасности [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 47]; а также как один из механизмов социализации молодежи и ее «способности противостоять деструктивным влияниям внутренней и внешней среды» [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 9]. Его содержание глубже раскрывается и конкретизируется в понятии «социальный иммунитет студенческой молодежи». Под последним подразумевается механизм интеграции «молодежи в систему общественно-политических отношений путем мотивации социальной, экономической и политической активности», а также «способ нейтрализации рисков и угроз социализации... средствами культурно-досуговой, творческой, волонтерской, здоровьесохранительной, общественно-политической деятельности... на основе поддержки и развития молодежных инициатив» и «социального партнерства» [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 47–48].

Авторы монографического исследования справедливо полагают, что формирование и укрепление «социального иммунитета» современной российской и белорусской молодежи обусловлены тем, что процесс ее социализации протекает в условиях бурных общественных трансформаций, цифровизации, внедрения искусственного интеллекта в различные сферы жизни, слияния онлайн- и офлайн-реальностей, информационных войн, мишенью для которых часто выступает молодое поколение. Данные факты требуют качественно новых форматов и методов взаимодействия с этой социальной группой, в поиске и реализации которых особую роль играют такие институты как «государство», «образование», «культура».

Нельзя не согласиться с авторами в том, что государство «как верховный и универсально организованный институт власти» оказывает определяющее влияние на процессы социального становления молодых поколений. Причем за последние несколько лет его просветительская роль в странах Союзного государства возрастает. Так в РФ разработаны и действуют про-

екты и программы по совершенствованию работы с молодежью, в том числе в цифровой среде: интернет-ресурс Объясняем.РФ, программа «Молодая семья», «Госуслуги молодым», проекты Росмолодежь и др. Они позволяют молодым людям получать официальную информацию, реализовывать себя вне и помимо формальной сферы образования через выдвижение собственных инициатив, творческие союзы, студенческие научные кружки и пр. В Беларуси (вследствие ряда законодательных инициатив¹) органы государственного управления в обязательном порядке ведут официальные аккаунты в популярных социальных сетях с размещением новостных материалов. Они также размещают видеосюжеты и обновляют видеоконтент по насущным вопросам белорусского общества, в том числе имеющим отношение к молодежи; внедряют информационно-коммуникационные технологии дистанционного обслуживания онлайн-приема граждан, в том числе представителей гражданского общества и молодежных организаций.

Отдельное внимание авторы монографии не без основания уделяют государственной образовательной политике России и Беларуси (в первую очередь, в сфере высшего образования), нацеленной на подготовку квалифицированных кадров в конкретных отраслях экономики, от состояния которых напрямую зависит жизнеспособность и безопасность Союзного государства. При этом, по их мнению, обучение в вузе не только дает теоретические знания, формирует универсальные, общие и узкопрофессиональные компетенции, но и вырабатывает готовность к самоидентификации, самоорганизации и самореализации в различных сферах (творческой, научной, спортивной, волонтерской и т.д.).

Помимо «государства» и «образования» еще одним эффективным инструментом (институтом) формирования социального иммунитета молодежи, по обоснованному мнению авторов, служит «культура», которая проявляется в трех аспектах.

Во-первых, как культура здорового образа жизни, трактуемая как «субъективированная потребность осуществлять осознанный выбор ценностей морали, культуры, развития на основе баланса адаптационных возможностей и динамично изменяющихся условий социума, определяя устойчивость биосоциального иммунитета индивида [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 224]». К основополагающим компонентам здоровья авторами были отнесены физическое, психическое, социальное, нравственное, политическое «состояние» человека; раскрыта сущность и содержание этих компонентов с акцентом на личную ответственность индивидов за собственное здоровье. Также проведен анализ целого ряда здоровьесберегающих технологий (медико-гигиенических, физкультурно-оздоровительных, экологических, образовательных), призванных способствовать повышению уровня здоровья молодого поколения.

¹ См.: [О дебиюрократизации ..., 2006; Об изменении ..., 2023].

Во-вторых, как культура досуга личности, которая понимается авторами как динамичная интегративная личностная характеристика, отражающая определенную совокупность когнитивно-эмоциональных интересов и потребностей, реализуемых в свободное от основной деятельности (учебы, работы) время [Храмцова, Ерофеева, 2023, с. 240]. В монографии отмечается, что современные образовательные структуры стран Союзного государства обладают широким спектром возможностей для организации культурно-досуговой активности учащихся, развития их талантов и способностей через интеграцию в научно-исследовательские, спортивные, творческие и другие виды деятельности.

Наконец, в-третьих, культура межнационального общения как основа профилактики деструктивных видов поведения (терроризма, экстремизма, ксенофобии). В качестве меры, направленной на формирование мирного сосуществования людей разных национальностей, конфессий и культур, на привитие подрастающим поколениям детей и молодежи идей содружества и взаимопомощи, авторами предлагается разработать и включить в учебные планы образовательных учреждений (в первую очередь вузов) России и Беларуси соответствующие учебно-методические программы и курсы.

Заключение

Рецензируемое монографическое исследование заслуживает положительной оценки в плане того, что оно носит междисциплинарный характер. В нем нашли отражение философские, социально-экономические, психолого-педагогические и политологические концепции, с позиции которых проанализированы место и роль молодежи в современных российском и белорусском обществах. Помимо этого, монография содержит описание основных институтов, задействованных в процессе формирования социального иммунитета, а также современные технологии социально-педагогической работы с молодежью с фокусом на систему высшего образования, отвечающего не только за формирование будущего кадрового потенциала для экономики стран Союзного государства, но и за воспитание зрелой личности, способной к самореализации, самоактуализации и критическому мышлению.

Вместе с тем следует отметить следующее. Монография слишком перегружена лишней информацией; часть глав нуждается в сокращении или объединении, так как из-за возвратов к уже освещенным темам наблюдается несоразмерность некоторых из них. Результаты собственных эмпирических исследований авторов относятся к периоду 2011–2016 гг. и не учитывают текущие геоэкономические и геополитические вызовы Союзного государства. Основной массив источников из списка литературы датируется концом XX – началом XXI в. и также требует обновления.

Однако указанные недостатки не умаляют вклада авторов в изучение заявленной проблемы и могут послужить драйвером для продолжения

исследований в данном направлении. Монография может заинтересовать руководителей и специалистов государственного управления в области молодежной, образовательной, социальной политики; научно-педагогических работников вузов; специалистов социально ориентированных (не)коммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере социальной работы с молодежью.

Список литературы

1. Бенц Д.С., Капкаев Ю.Ш. Оценка социально-экономического иммунитета Челябинской области через призму человеческого потенциала // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 10(492). – С. 78–91.
2. Бирюкова А.В. Социальный иммунитет молодежи // Научное мнение. – 2013. – № 3. – С. 181–184.
3. Волкова О.А. Социальный иммунитет как компонент социального здоровья (контекст демографической безопасности) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2024. – Т. 32, № 5. – С. 941–945.
4. Голобородько А.Ю., Стеценко В.В., Камышанская С.С. Культурный иммунитет как основа формирования новой реальности в треугольнике «государство-общество-человек»: от отключения культуры отмены до ренессанса сущности антропоцентризма // Власть. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 58–64.
5. Григорьева Е.Б. Политический иммунитет «русской системы» // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 9. – С. 70–73. – URL: <file:///Users/MacBookAir/Downloads/politicheskiy-immunitet-russkoy-sistemy.pdf> (дата обращения 14.02.2025).
6. Кормочи Е.А. Социальный иммунитет как возможность сохранения идентичности в условиях глобализационного давления // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 18. – С. 115–119. – URL: <file:///Users/MacBookAir/Downloads/sotsialnyy-immunitet-kak-vozmozhnost-sohraneniya-identichnosti-v-usloviyah-globalizatsionnogo-davleniya.pdf> (дата обращения 14.02.2025).
7. Мишулин Г.М. Экономическая безопасность России как следствие ее социально-экономического иммунитета / Современная парадигма социально-экономических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты : сборник статей Международной научно-практической конференции, Краснодар, 12 мая 2017 года. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом – Юг», 2020. – С. 68–75.
8. О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения: Директива № 2 от 27.12.2006 (в редакции Указа № 135 от 23.03.2015) // Президент Республики Беларусь. – 2006. – 27.12. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-2-ot-27-dekabrya-2006-g-1398> (дата обращения 04.02.2025).
9. Об изменении Директивы Президента Республики Беларусь: Указ № 172 от 13.06.2023 // Президент Республики Беларусь. – 2023. – 13.06. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-172-ot-13-iyunya-2023-g> (дата обращения 14.02.2025).
10. Пилюшенко А.В. Социальное здоровье личности, социальная нагрузка и проблема социального иммунитета // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 141–147.

11. Пономарев П.А., Тищенко И.А., Якунина И.С. Культурный иммунитет российского общества в научном дискурсе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 270–280.
12. Храмцова Ф.И., Ерофеева М.А. Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства : монография. – Изд. 2-е, дополненное. – Москва ; Саратов : Саратовский источник, 2023. – 366 с.

Статья получена: 14.02.2025.

Одобрена к публикации: 14.07.2025.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 316.35+001.83+001.38
DOI: 10.31249/espr/2025.03.09

О.А. Правдина, А.А. Рассказова*

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНОГО ВОЛОНТЕРСТВА (Обзор)

Аннотация. В настоящей работе представлены некоторые сюжеты из истории зарождения и эволюции научного волонтерства в зарубежных странах и России. Показано, что тренд отечественного волонтерского движения в сфере науки набирает все большую популярность. Этому способствуют государственные инициативы по поддержке научного волонтерства, а также растущее внимание к научным направлениям, имеющим гражданское назначение, в русле развития которых может быть востребован инновационный потенциал волонтеров. Отмечено, что научное волонтерство позволяет аккумулировать и направлять интеллектуальные ресурсы общества на решение актуальных задач, а также открывает новые перспективы для отечественного научно-образовательного комплекса.

Ключевые слова: научное волонтерство; инновационный потенциал; «гражданская» / «любительская» наука; научные проекты; Россия.

Для цитирования: Правдина О.А., Рассказова А.А. Инновационный потенциал научного волонтерства (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 156–169.

* **Правдина Оксана Алексеевна**, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Бокситогорского института (филиала) ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина» (Бокситогорск, Россия); oxanaan@yandex.ru

Pravdina Oksana, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Natural Sciences at the Boksitogorsk Institute (Branch) of the Pushkin Leningrad State University (Boksitogorsk, Russia); oxanaan@yandex.ru

Рассказова Алеся Александровна, заместитель директора Бокситогорского института (филиала) ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина» (Бокситогорск, Россия); k.alesja@mail.ru

Rasskazova Alesya, Deputy Director of the Boksitogorsk Institute (Branch) of the Pushkin Leningrad State University (Boksitogorsk, Russia); k.alesja@mail.ru

O.A. Pravdina, A.A. Rasskazova
The innovative potential of scientific volunteerism
(Review)

Abstract. This paper presents some episodes from the history of the origin and evolution of scientific volunteering in foreign countries and Russia. Shows that the trend of the national volunteer movement in the field of science is gaining more and more popularity. This is facilitated by government initiatives to support scientific volunteerism, as well as by the growing attention to scientific fields with a civilian purpose, in the development of which the innovative potential of volunteers may be in demand. Notes that scientific volunteerism allows accumulating and directing the intellectual resources of society to solve urgent problems, as well as opens up new prospects for the domestic scientific and educational complex.

Keywords: scientific volunteerism; innovative potential; “civil” / “amateur” science; scientific projects; Russia.

For citation: Pravdina O.A., Rasskazova A.A. Innovative potential of scientific volunteerism (Review) // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 156–169.

Введение

Широкое распространение новейших информационно-коммуникационных технологий и необходимость передачи больших объемов информации в последние годы придали существенный импульс развитию научного волонтерства («citizen science»¹), под которым подразумевается любое участие непрофессионала в научной работе в качестве исследователя (а не только как «информатора» или «объекта изучения») [Правдина, 2022, с. 176].

К числу наиболее важных задач Десятилетия науки и технологий в России, инициативы и проекты которого планируются к внедрению на период до 2031 г., отнесено привлечение талантливой молодежи в сферу исследований и разработок. Это дополнительно актуализирует проблематику научного волонтерства, востребованность которого ощутимо возрастает в гражданском сегменте науки и образования. Одновременно появляется

¹ Используемому в России понятию «научное волонтерство» соответствует феномен, в англоязычной среде обозначаемый термином «citizen science», которое часто переводится как «гражданская наука». В связи с этим возникает коллизия, так как в отечественном научном дискурсе категория «гражданская наука» применяется в качестве противопоставления науки военной (оборонной) направленности. Во избежание путаницы и отражения дихотомии «профессионал-любитель» термин «citizen science» правильнее было бы переводить как «наука граждан» или «любительская наука». Последнее будет использоваться в настоящей статье как синоним практик «citizen science» зарубежных стран и современных отечественных инициатив так называемой гражданской науки. – *Прим. ред.*

все больше возможностей для добровольцев-любителей внести свой вклад в научные исследования и разработки, а также реализовать свой инновационный потенциал.

История развития научного волонтерства: зарубежный и российский опыт

Термин «научное волонтерство» появился сравнительно недавно, однако практика привлечения в научную работу неспециалистов имеет глубокие исторические корни.

Считается, что первыми учеными-любителями были американские колонисты, которые вели наблюдения за погодой: от Джона Кампаниуса Холма, фиксирующего данные о штормах в середине 1600-х годов, до Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона и Бенджамина Франклина, отслеживающих погодные изменения [Научное волонтерство : ... , 2025]. Всех этих людей объединяла общая цель: они занимались метеорологией, выявляя какие-либо закономерности движения атмосферного воздуха, чтобы получить ответ на вопрос, когда и где будут происходить штормы [History ... , 2025.].

В связи с небольшим количеством профессиональных ученых, значительную роль в развитии науки в США играли натуралисты-любители, которые изучали дикую природу. Одной из первых организованных попыток привлечь большое количество волонтеров был сбор данных о столкновениях птиц с маяками, который начался примерно в 1880 г. [Citizen science: a new approach ... , 2016, p. 4]. Позднее в 1886 г. было создано американское Национальное общество Одюбона (National Audubon Society), целью деятельности которого стало содействие сохранению дикой природы, а также просвещение людей об окружающей среде и их месте в экологической системе. При этом предполагалось, что граждане должны непременно принимать меры по улучшению экологической ситуации в стране [“Citizen Science”? ... , 2019].

Популярность любительской науки в США остается высокой и в наши дни. Действует множество общественных программ, в основном посвященных изучению фауны (например, земноводных и бабочек), а также огромное количество натуралистов-любителей, которые ведут наблюдения самостоятельно. Данные, полученные с помощью научных волонтеров в США, внесли большой вклад в развитие экологии и предоставили важную информацию для сохранения многих видов флоры и фауны, помогли ученым и общественности лучше понять последствия таких проблем, как изменение климата, чрезмерная эксплуатация ресурсов, загрязнение окружающей среды и изменение землепользования (причем не только в США, но и в других странах).

Продолжительные наблюдения за окружающей средой также характерны для Японии. Например, в Киото цветение сакуры фиксируется в те-

чение 1200 лет – достаточно долго для того, чтобы полученные данные можно было использовать для реконструкции климата. Длительную историю имеют и другие японские исследования по мониторингу биоразнообразия: одним из них является изучение жизнедеятельности морских черепах, перепись которых ведется с 1954 г. Более 40 лет проводится ежегодный учет водоплавающих птиц примерно в 200 населенных пунктах по всей стране. В совокупности эти проекты представляют собой долгосрочные наборы данных, которые сегодня имеют важное значение для экологии [Citizen science: a new approach ..., 2016, p. 3].

Вместе с тем волонтерские научные проекты, ориентированные на сохранение окружающей среды, в Японии появились сравнительно недавно (в 1970-х годах), когда экологические проблемы, вызванные урбанизацией, мелиорацией и загрязнением воздуха, встали особенно остро и привлекли внимание общественности. Эти проекты реализуются в основном национальными неправительственными организациями, такими как Японское общество охраны диких птиц (Wild Bird Society of Japan), Японская ассоциация морских черепах (Sea Turtle Association of Japan), Японское общество охраны природы (Nature Conservation Society of Japan) и Японская ассоциация исследований птиц (Japan Bird Research Association). Сейчас они включены в один национальный проект «1000 мониторинговых площадок» («Monitoring 1000 Sites»), объединяющий Министерство окружающей среды, неправительственные организации, ученых и множество граждан-волонтеров. Проект стартовал в 2003 г. в соответствии с национальной стратегией сохранения биоразнообразия. Его целью является выявление изменений экосистем посредством долгосрочного (100-летнего) мониторинга биоразнообразия примерно на 1000 площадках в различных локациях. Недавнее начало проекта ограничивает его возможности по выявлению долгосрочных тенденций и по созданию общенациональной сети мониторинга. Но сам по себе он уже является заметным достижением, польза от которого со временем будет только расти [Citizen science: a new approach ..., 2016, p. 3].

Генезис научного волонтерства в Великобритании часто связывают с началом научных и естественно-исторических наблюдений великого натуралиста XVII в. Джона Рэя, который привлекал множество добровольцев к сбору опытных образцов. Позднее, в 40-х годах XVIII в., Роберт Маршэм начал записывать фенологические явления (такие как первое цветение и появление перелетных птиц) для более чем 20 распространенных видов растений и животных. Он вел записи до своей смерти в 1797 г. После работа продолжилась следующими поколениями его семьи вплоть до 1958 г., что позволило получить ценные 223-летние записи [Citizen science: a new approach ..., 2016, p. 3].

В середине 1990-х годов британские ученые обнаружили, что из-за изменения климата птицы стали откладывать яйца раньше. Весь набор данных, состоящий из сотен тысяч записей о гнездовании, был результатом десятилетий наблюдений орнитологов, разбросанных по всей Англии.

Представляя аргументы в пользу Киотского протокола¹, британское правительство опиралось на эти исследования, доказывая, что изменение климата – это не «будущая», а «настоящая» и неотложная проблема, которая уже влияет на жизнь на Земле. В числе современных инициатив выделяется британский гражданский проект «Календарь природы» (Nature's Calendar), в рамках которого проводится массовое наблюдение за 67 весенними и 24 осенними фенологическими явлениями. Уже около 40 тыс. человек по всей Великобритании приняли участие в этом проекте в качестве научных волонтеров [Citizen science: a new approach ... , 2016, p. 3].

Представленные выше сюжеты составляют лишь малую часть примеров из истории развития научного волонтерства за рубежом.

В современной научной литературе не очень популярна тема любительской науки в России до 1920 г. Хотя в истории нашей страны есть множество примеров привлечения непрофессионалов в исследовательскую сферу. Еще в 1738 г. В.Н. Татищев в геодезической инструкции требовал дополнительных пояснений: «Где есть знатные и высокие горы? Каких где больше зверей и птиц водится? Каких родов хлеба сеют больше, плодovито ли выходят? Какого больше скота содержат? У обывателей какие есть промыслы? Какие где по городам или по селам фабрики и рудные заводы? Где есть усолья, сколько солеварен? По великим рекам и берегам и островам морей и знатных озер, где есть оброчные рыбные ловли и какие рыбы больше ловятся?..» [Наука в Российской ... , 2016]. Ответы на все эти вопросы можно было получить только с привлечением добровольцев. В 1848 г. Русским географическим обществом была опубликована программа фенологических наблюдений для натуралистов-любителей, а тремя годами позже в свет вышла научная работа «Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата России, в 1851 году» [Научное волонтерство – ученым, 2025]. Данные примеры являются подтверждением зарождения отечественного научного волонтерства уже до начала XX в.

В начальный период формирования советской науки в 1920–1930-х годах² одновременно был положен старт инициативным проектам, связанным с любительской наукой [Галкин, Рассолова, 2023, с. 67]. Именно в эти годы начали создаваться добровольные конструкторские и инженерно-научные сообщества, получили распространение движения рационализаторов и изо-

¹ Киотский протокол – международный договор о мерах по борьбе с изменением климата. Вступил в силу 16 февраля 2005 г. Он выступает развитием положений Рамочной конвенции ООН об изменении климата и обязует индустриально развитые страны ограничивать и сокращать выбросы парниковых газов в соответствии с согласованными национальными обязательствами. В настоящий момент охватывает 192 Стороны (191 страна и одно региональное содружество — Европейский союз) [Что такое ... , 2025].

² Например см.: [Осенние и зимние ... , 1926].

бретателей, географические и краеведческие общества¹. В последующем, вплоть до начала перестройки, научное волонтерство рассматривалось как дополнение к фундаментальной науке [Галкин, Рассолова, 2023, с. 67]. В 1985–1991 гг. бюрократическое давление на инициативы любительской науки ослабло. С одной стороны, это привело к разрыву связей между волонтерами и специалистами-исследователями, с другой стороны, заложило фундамент для развития современных гражданских инициатив.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что научное волонтерство (в широком смысле) подразумевает сбор гражданами определенного типа данных и передачу их профессиональным ученым для последующей обработки. Преимуществами такого взаимодействия с «добровольными лаборантами» являются их массовость и рассредоточенность, которые позволяют охватывать большие территории (исключая необходимость отправки специально организованных научных экспедиций) и экономить финансовые средства на научные исследования.

Волонтерство в современной науке

Сегодня драйвером развития любительской науки является Интернет, позволяющий миллионам людей находить единомышленников, взаимодействовать друг с другом, делиться своими наблюдениями и обрабатывать данные. Кроме того, распространение Интернета и социальных сетей способствует сокращению дистанции между академическим миром и общественностью, предоставляя возможность осуществлять взаимно полезные и оперативные коммуникации [«Citizen Science», ... , 2019].

Стремительный информационно-технологический прогресс последних лет открывает новые горизонты для научных волонтеров. Так, современные ИКТ позволяют добровольцам участвовать в расшифровке и оцифровке старых писем, дневников и документов², осуществлять мониторинг состояния окружающей среды или здоровья людей³ и т.д. [Hoffman, Cooper, Cavalier, 2020]. Разнообразие форм участия любителей в современной науке продолжает расти. Интересной в данном контексте представляется типология, предложенная А. Уиггинсом и К. Кроустоном, согласно которой выделяются следующие форматы научного волонтерства [Научное волонтерство : ... , 2025]:

¹ В качестве примеров можно привести развитие движения рационализаторов и изобретателей на производстве, которое Постановлением ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. было преобразовано во Всесоюзное общество изобретателей, или активизация местной краеведческой работы в результате притока в села и малые города представителей интеллигенции из-за голода и разрухи после Гражданской войны.

² В том числе нейросети, программы для распознавания текста (OCR) и пр.

³ Персональные экологические датчики и мобильные приложения; системы мониторинга качества воздуха и водных ресурсов; портативные, домашние метеостанции; приборы класса интернет-вещей и пр.

- действие: решение важных общественных задач (например, проекты по исследованию качества питьевой воды);
- охрана: управление природными ресурсами (например, мониторинг состояния охраняемых природных территорий);
- изучение: сбор данных в окружающей среде (например, перепись птиц);
- виртуальное участие: онлайн-проекты;
- образование: обучение в формальных и неформальных условиях (например, поисковая деятельность с участием школьников и студентов).

Последний формат поднимает вопрос о необходимости взаимодействия образовательных организаций и научных волонтеров. Несмотря на довольно богатую историю существования любительских научных сообществ (о чем говорилось выше), их связь с университетами и институтами долгое время не прослеживалась в силу закрытости академических структур, неумения и нежелания исследователей взаимодействовать с широкой аудиторией. Однако сегодня ситуация меняется: происходит активное вовлечение «добровольцев» в образовательные проекты¹.

Разумеется, не все задачи и направления деятельности могут быть переведены в область любительской науки. Однако растущее проникновение научного знания в общественную жизнь свидетельствует о существенной трансформации характера науки, посредством вовлечения разных участников в «производство знаний». Представляется, что с увеличением численности проектов, подразумевающих сбор и/или анализ больших данных на обширных территориях или с большим количеством участников, значение научного волонтерства, принимая во внимание его инновационный потенциал, продолжит возрастать.

Научное волонтерство: современные российские реалии

В России тренд «научного волонтерства» начал набирать популярность после октября 2020 г., когда Ассоциацией коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН) была запущена первая российская платформа проектов любительской (так называемой гражданской) науки (портал «Люди науки»²), позволившая исследователям и научным волонтерам объединяться для решения общих задач [Люди науки, 2025].

¹ Можно привести множество примеров подобных проектов, которые реализуются в России и за рубежом, в т.ч.: «мониторинг распространения растений рода Рябина», изучение взаимодействия зрителя с художественными изображениями «Что такое прекрасное и как мы его ощущаем?», исследование вопросов сохранения сообщества морских черепах на пляжах Мексики «La Tortuga Viva volunteer program in Mexico» и пр. [Мониторинг распространения ... , 2025; Что такое прекрасное ... , 2025; What is La Tortuga Viva?, 2025].

² Сайт проектов гражданской науки: <https://citizen-science.ru/> (дата обращения 02.06.2025).

В декабре 2021 г. Президент РФ В.В. Путин (по итогам совместного заседания Государственного Совета и Совета при Президенте по науке и образованию) поручил «утвердить и реализовать комплекс мер, направленных на содействие развитию научного волонтерства, в том числе на привлечение детей и молодежи к участию в сборе и анализе научных данных» [Путин поручил ... , 2022]. А с апреля 2022 г. в рамках Десятилетия науки и технологий в России стартовала инициатива «Научное волонтерство» [Указ Президента ... , 2022], следуя которой волонтеры наблюдают за природными явлениями, находят редких птиц и проводят множество других исследований, помогая ученым.

В 2023 г. при поддержке Минобрнауки России и Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах был создан Центр развития научного волонтерства Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (далее Центр). Сферами его деятельности являются [Научное волонтерство – ученым, 2025; Центр развития ... , 2025]: популяризация науки; вовлечение добровольцев; открытие региональных Центров развития научного волонтерства; поиск и поддержка авторов проектов; разработка методических материалов; помощь в сопровождении проектов на профильных платформах (Science-ID¹ и пр.).

По состоянию на декабрь 2024 г. Центром поддержано более 55 проектов из различных российских регионов. Например, «Животные и пластик» – исследование о загрязнении природы и разработке мер защиты фауны от пластика; «ЭкоКампус» – вовлечение студентов и ученых в исследования зеленой экономики; «Лаборатория исследований региональной устойчивости „Будущие поколения“» – мониторинг динамики устойчивости развития российских регионов с точки зрения качества человеческого развития [Центр развития ... , 2025].

Согласно статистике, за период 2022–2024 гг. в мероприятиях инициативы «Научное волонтерство» в рамках Десятилетия науки и технологий приняли участие энтузиасты из 50 регионов России. Научные волонтеры помогали ученым собирать и обрабатывать информацию и/или материалы для исследовательских работ, публикаций в научных журналах, докладов на научных конференциях и пр. В 2025 г. в России в рамках инициативы «Научное волонтерство» планируется задействовать уже более 100 тыс. волонтеров [В проектах инициативы ... , 2025.].

На рисунке 1 представлены сведения о численности научных волонтеров и количестве реализуемых проектов за 2020–2023 гг., которые свидетельствуют об их существенном росте (научных проектов с 5051 до 68 730; волонтеров, задействованных в них, с 5 до 773 человек, соответственно) за указанный период.

¹ На сайте Science-ID представлено множество проектов научного волонтерства с возможностью выбора по регионам и тематике исследования. Ссылка на сайт: <https://scienceid.net/> (дата обращения 02.06.2025).

Рис. 1. Численность научных волонтеров и количество реализуемых проектов в РФ за 2020– 023 гг.

Составлено по: [Аналитика волонтерства ... , 2025].

В апреле 2025 г. стартовал Всероссийский проект «Волонтеры науки», инициированный Общероссийским общественно-государственным движением детей и молодежи «Движение первых», для решения важнейших научных задач обучающимися школ и студентами СПО [Волонтеры ... , 2025]. Кроме того, Президент РФ В.В. Путин призвал регионы направить усилия на создание центров научного волонтерства, в том числе на базе вузов, что позволит активно задействовать студенческие научно-исследовательские коллективы и их преподавателей-наставников для дальнейшего развития российской науки. И хотя научное волонтерство не предполагает материального вознаграждения для добровольцев, однако на реализацию самих проектов выделяются существенные средства через каналы господдержки, краудфандинга и пр.

Финансовое обеспечение научных направлений гражданского назначения

Из средств федерального бюджета РФ выделяются ассигнования на популяризацию науки по направлениям, имеющим гражданское назначение, для развития которых может быть наиболее востребован инновационный потенциал научного волонтерства. В их число входят фундаментальные и прикладные научные исследования в областях: общегосударственных вопросов, национальной экономики, жилищно-коммунального хозяйства, охраны окружающей среды, образования, культуры, кинематографии, здравоохранения, социальной политики, физической культуры и спорта, средств массовой информации и пр.

Динамика объемов ассигнований на гражданские направления науки в России с 2000 по 2025 гг. представлена на рис. 2.

Рис. 2. Объем ассигнований на гражданские направления науки в РФ за 2000–2025 гг.

Составлено по: [Отчет о результатах ... , 2025, с.29; Сколько ... , 2025].

Как следует из рис. 2, за последние 10 лет расходы на гражданские направления науки в России выросли: с 402,7 млрд руб. в 2016 г. до 850 млрд руб. в 2025 г., прирост составил 447,3 млрд руб. или 111,08%. Однако следует оговориться, что эти цифры приведены в действующих ценах, т. е. в них не учитывается инфляция. Влияние последней особенно очевидно в связи с резким увеличением финансирования гражданских направлений науки после 2022 г. Анализ динамики государственных расходов, выраженных в постоянных ценах 2010 г., показывает несколько иную картину: снижение их абсолютной величины с 255,8 млрд руб. в 2016 г. до 246,8 млрд в 2023 г., или на 3,5% [Расходы федерального бюджета ... , 2024, с. 1].

Изменение объемов ассигнований на гражданские направления науки в разрезе проводимых исследований за период с 2000 по 2025 гг. отражено на рисунке 3.

Согласно представленным данным (рис. 3), существенная доля выделяемых на гражданские направления науки финансов направлена на поддержку прикладных исследований (кроме 2002, 2004 и 2019 гг.). По расчетам авторов, за последние 10 лет динамика расходов на прикладную науку носила неравномерный характер и сопровождалась заметной вариацией их доли в ассигнованиях на гражданскую науку от 47,6% (в 2004 г.) до 75,7% (в 2012 г.).

Ниже приведены данные о динамике удельного веса объемов ассигнований на гражданские направления науки в составе ВВП с 2010 по 2024 гг. (табл. 1).

Распределение объемов ассигнований по видам работ,
млрд.руб.

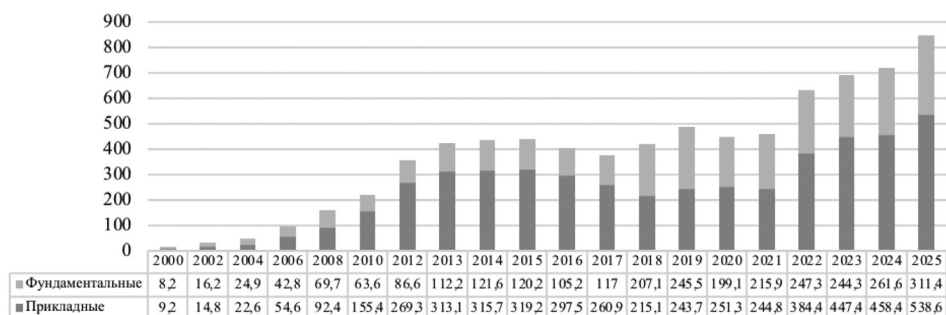

Рис. 3. Объем ассигнований на фундаментальные и прикладные исследования гражданских направлений науки в РФ за 2000–2025 гг.

Составлено по: [Отчет о результатах ... , 2025, с. 29; Сколько ... , 2025].

Таблица 1

Удельный вес объемов ассигнований на гражданские направления
науки в составе ВВП за 2010–2024 гг.*

Год	Объем ассигнований, млрд руб.	Доля от ВВП, %
2010	237,6	0,51
2011	313,9	0,52
2012	355,9	0,52
2013	425,3	0,58
2014	437,3	0,55
2015	439,4	0,53
2016	402,7	0,47
2017	377,9	0,41
2018	420,5	0,40
2019	489,2	0,45
2020	549,6	0,51
2021	626,6	0,46
2022	631,7	0,41
2023	691,7	0,40

*Составлено по: [Расходы ... , 2024, с. 1].

Согласно показателям таблицы 1, доля затрат на «гражданскую науку» в ВВП в целом имеет тенденцию к снижению, к тому же сфера отечественного научного волонтерства пока принадлежит только энтузиастам и не выведена на уровень системной государственной политики.

В то же время в экспертной среде звучат весьма оптимистичные прогнозы относительно будущего российской «гражданской науки». Так, по словам директора Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Л. Гохберга, планируется, что к 2030 г. затраты на исследования и разработки составят уже около 2% ВВП [Сколько федеральный ... , 2025]. Причем значительную их часть может обеспечить финансирование со стороны частного бизнеса, которое будет способствовать увеличению средств, выделяемых на реализацию проектов с участием научных волонтеров.

Заключение

В ходе проведенного исследования были рассмотрены некоторые сюжеты из зарубежной и отечественной истории эволюции научного волонтерского движения. При этом отмечается, что их взаимодействие с образовательными структурами оставалось минимальным, а основными участниками были энтузиасты-любители.

В настоящее время наблюдается кардинальное изменение ситуации: образовательные и научные учреждения активно привлекают к реализации своих проектов добровольцев. Во многом это обусловлено потребностью современной науки в обработке больших объемов данных наряду с выполнением сопутствующих «рутинных» задач, не требующих высокой квалификации исследователя. В результате происходит определенная трансформация организации научной деятельности за счет интеграции различных групп участников в процесс «производства знаний» (посредством налаживания эффективных коммуникаций с использованием новейших информационных технологий).

Приведенные в работе факты свидетельствуют о растущем внимании со стороны государства РФ к научному волонтерству и научным направлениям, имеющим гражданское назначение, в русле развития которых может быть востребован инновационный потенциал волонтеров. В свою очередь, это стимулирует развитие в стране любительской науки. Появление инициативы «Научное волонтерство» говорит о стремлении привлечь в науку дополнительные человеческие ресурсы за пределами «традиционных» научно-исследовательских структур. Предпринимаемые действия позволяют аккумулировать и направлять интеллектуальные ресурсы общества на решение актуальных задач, а также открывают новые возможности для отечественного научно-образовательного комплекса.

Список литературы

1. Аналитика волонтерства – 2025 // Добро.пф. – URL: <https://dobro.ru/analytics> (дата обращения 17.04.2025).
2. Волонтеры науки – 2025 // ФГАОУ ВО «УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина». – 2025. – 10.06. – URL: <https://youthscience.urfu.ru/ru/events/?event=15346&cHash=d9a97136da6758e4633112f7c527099a> (дата обращения 10.06.2025).
3. В проектах инициативы «Научное волонтерство» приняли участие более 65 тыс. человек // Министерство науки и высшего образования РФ. – 2025. – 28.01. – URL: <https://m.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/94367/> (дата обращения 26.03.2025).
4. Галкин К.А., Рассолова Е.Н. Формирование и развитие гражданской науки в СССР и России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. – 2023. – № 3. — С. 66–71.
5. Люди науки // Ассоциация коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН). – URL: <https://citizen-science.ru/> (дата обращения 28.03.2025).
6. Мониторинг распространения растений рода Рябина (*Sorbus* L.) в любительском и профессиональном садоводстве и озеленении // Добро.пф. – URL: <https://dobro.ru/project/10061694> (дата обращения 28.06.2025).
7. Наука в Российской империи // Local crew. – 2016. – 05.07. – URL: <https://localcrew.ru/science-in-the-russian-empire> (дата обращения 20.03.2025).
8. Научное волонтерство – ученым // Science – ID. – URL: <https://scienceid.net/volunteer-for-scientists/> (дата обращения 28.03.2025).
9. Научное волонтерство: Делаем науку вместе / под ред. А. Борисовой-Сале, Я. Плехович. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2025. – 348 с. – URL: <https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/315499-nauchnoe-volonterstvo-delaem-nauku-vmeste-kollektiv-avtorov.html> (дата обращения 28.03.2025).
10. Осенние и зимние экскурсии в природу : сборник статей / составлен коллективом Биостанции юных натуралистов им. К.А. Тимирязева. – Москва : Работник просвещения, 1926. – 103 с.
11. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых» / Счетная палата Российской Федерации. – 2020. – 52 с. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_disscusion/sp.pdf (дата обращения 26.03.2025).
12. Правдина О.А. Научное волонтерство как важнейший инструмент исследований // XXV Вишняковские чтения «Вузовская наука: условия эффективности социально-экономического и культурного развития региона» : материалы международной научной конференции, Бокситогорск, 25 марта 2022 года. – Санкт-Петербург ; Бокситогорск : Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 176–178.
13. Путин поручил проработать меры по развитию научного волонтерства // ТАСС. Наука. – 2022. – 11.02. – URL: https://nauka.tass.ru/nauka/13678369?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 25.03.2025).

14. Расходы федерального бюджета на гражданскую науку в 2023 году // Высшая школа экономики. – 2024. – 03.07 – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/938883375.pdf> (дата обращения 25.03.2025).
15. Сколько федеральный бюджет потратит на гражданскую науку в 2025 году // НИУ ВШЭ. Новости. – 2025. – 29.01. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1010771574.html> (дата обращения 25.03.2025).
16. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» // Президент России. – 2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения 25.03.2025).
17. Что такое киотский протокол? // United Nations. Climate Change. – URL: https://unfccc.int/ru/kyoto_protocol (дата обращения 25.03.2025).
18. Что такое прекрасное и как мы его ощущаем? // Люди Науки. – URL: <https://citizenscience.ru/projects/chto-takoe-prekrasnoe-i-kak-my-ego-oshchushchaem.html> (дата обращения 25.06.2025).
19. Центр развития научного волонтерства // Добро.рф. – URL: <https://dobro.ru/organizations/10113236/info> (дата обращения 25.03.2025).
20. Citizen science: a new approach to advance ecology, education, and conservation / Kobori H. [et al.] // Ecological Research. – 2016. – № 31(1). – P. 1–19.
21. “Citizen Science”? Rethinking Science and Public Participation / Strasser B.J. [et al.] // Science & Technology Studies. Special Issue. Many Modes of Citizen Science. – 2019. – Vol. 32, № 2. – P. 52–76.
22. History of Citizen Science // CosmoQuest. – URL: <https://cosmoquest.org/x/about-cosmoquest/history-of-citizen-science/> (дата обращения 26.03.2025).
23. Hoffman C., Cooper C., Cavalier D. When the People Investigate: How Citizen Science has Transformed Research // Discover. – 2020. – 28.02. – URL: <https://www.discovermagazine.com/planet-earth/when-the-people-investigate-how-citizen-science-has-transformed-research> (дата обращения 26.03.2025).
24. Citizen Science // encyclopedia.com. – 2018. – 11.05. – URL: <https://www.encyclopedia.com/earth-and-environment/ecology-and-environmentalism/environmental-studies/citizen-scientists> (дата обращения 25.03.2025).
25. What is La Tortuga Viva? // La Tortuga Viva? – URL: <https://latortugaviva.com/la-tortuga-viva> (дата обращения 25.06.2025).

Статья получена: 19.05.2025

Одобрена к публикации: 23.07.2025.

УДК 378.1+37.022

DOI: 10.31249/espr/2025.03.10

О.В. Степнова, В.О. Хажакян, В.В. Михонов*

**ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ:
ПРЕИМУЩЕСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ
(на примере Ступинского филиала
Московского авиационного института)**

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности и модели гибридного образования. В данном контексте анализируется опыт Ступинского филиала Московского авиационного института (МАИ). Исследование направлено на выявление мнений студентов о преимуществах и недостатках традиционных, дистанционных и гибридных образовательных форматов. На основе результатов проведенного анкетирования оценивается целесообразность гибридных форм обучения и предлагаются дальнейшие пути развития соответствующих образовательных программ с учетом специфики регионального технического вуза.

Ключевые слова: гибридное обучение; онлайн-образование; образовательная платформа; технический вуз; Ступинский филиал МАИ.

Для цитирования: Степнова О.В., Хажакян В.О., Михонов В.В. Гибридные формы обучения: преимущества и возможности (на примере Ступинского филиала Московского авиационного института) // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – № 3. – С. 170–187.

* **Степнова Ольга Викторовна**, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Ступинского филиала Московского авиационного института (национального исследовательского университета), (Москва, Россия); olga_stepnova03@mail.ru

Stepnova Olga, PhD (Econ. Sci.), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Stupino Branch of the Moscow Aviation Institute (National Research University), (Moscow, Russia); olga_stepnova03@mail.ru

Хажакян Вероника Ованесовна, Ступинский филиал Московского авиационного института (национального исследовательского университета), (Москва, Россия); tdv_2010@mail.ru

Khazhakian Veronika, Stupino Branch of the Moscow Aviation Institute (National Research University), (Moscow, Russia); tdv_2010@mail.ru

Михонов Валерий Васильевич, Ступинский филиал Московского авиационного института (национального исследовательского университета), (Москва, Россия); mihonov.valera@mail.ru

Mikhonov Valery Vasilevich, student, Stupino Branch of the Moscow Aviation Institute (National Research University), (Moscow, Russia); mihonov.valera@mail.ru

O.V. Stepnova, V.O. Khazhakian, V.V. Mikhonov
Hybrid forms of education: advantages and opportunities
(The example of the Stupinsky branch
of the Moscow Aviation Institute)

Abstract. This article examines the features and models of hybrid education. In this context, analyzes the experience of hybrid learning at the Stupinsky branch of the Moscow Aviation Institute. The study is aimed at identifying students' opinions on the advantages and disadvantages of traditional, distance and hybrid educational formats. Based on the results of the survey, assesses the feasibility of hybrid forms of learning and proposes further development paths for the relevant educational programs, taking into account the specifics of the regional technical educational institution.

Keywords: hybrid learning; online education; educational platform; technical university; Stupinsky branch of MAI.

For citation: Stepnova O.V., Khazhakian V.O., Mikhonov V.V. Hybrid forms of education: advantages and opportunities (The example of the Stupinsky branch of the Moscow Aviation Institute) // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 3. – P. 170–187.

Введение

Современное образование переживает эпоху значительных трансформаций, обусловленных как технологическими инновациями, так и глобальными социально-экономическими вызовами. Одним из наиболее заметных явлений последних десятилетий является развитие гибридных форм обучения, которые предполагают интеграцию традиционных очных методов с дистанционными технологиями, позволяющими обеспечить более гибкий, доступный и адаптивный образовательный процесс.

История гибридных форм обучения берет свое начало в концепциях смешанного обучения, которые появились еще в конце XX в. как попытка объединить преимущества классического преподавания с возможностями электронных технологий. В 1990-х годах начали появляться первые модели дистанционного обучения, хотя их интеграция с очной формой оставалась ограниченной. Однако идея о необходимости сочетания личного взаимодействия преподавателя и студентов с возможностями онлайн-платформ приобретала все большую популярность. Ее мощным катализатором стала пандемия COVID-19, в период которой широкое внедрение и активное развитие образовательных онлайн-форматов позволили не только обеспечить процессы обучения, но и повысить эффективность усвоения материала и расширить доступ к образованию. Сегодня цифровые образовательные ресурсы и программы позволяют учиться в удобное время, разрабатывать индивидуальные образовательные стратегии, укреплять сотрудничество между учебными заведениями, государственными органами и международ-

ными организациями, а также улучшать курсы повышения квалификации для разных категорий слушателей [Коровникова, 2021, с. 123].

Признается, что дистанционное обучение имеет явные преимущества, такие как многократный доступ к информации, контроль над образовательным процессом и возможность самостоятельного планирования времени. В то же время полный переход на этот формат может привести к снижению качества образования и сокращению профессорско-преподавательского состава вузов. Одновременно меняется роль преподавателя: он становится тьютором и куратором информационных потоков, что не требует глубокого освоения материала. При этом студенты и исследователи нередко отмечают нехватку цифровых компетенций у педагогов [Грунт, Беляева, Лисситса, 2020, с. 54].

Неслучайно, что в условиях современного образовательного пространства особое значение приобретает концепция «навыков XXI века», введенная Национальным советом учителей английского языка (NCTE) [Larson, Miller, 2011, с. 2]. В ней акцентируется социальный аспект обучения, основанный на умении сотрудничать и взаимодействовать, в т.ч. с помощью цифровых технологий. В число ключевых требований к участникам образовательного процесса входят: развитие технологической грамотности, умение строить межкультурные связи, создавать и распространять информацию для глобальных сообществ, управлять множественными потоками информации, критически анализировать мультимедийные тексты и соблюдать этические стандарты. Для преподавателей это означает необходимость внедрять в учебный процесс современные инструменты и методы, а для студентов – активно осваивать новые навыки для успешной адаптации к меняющимся условиям. В связи с этим представляется весьма важным и своевременным проанализировать, насколько гибридные формы обучения¹ способствуют развитию указанных компетенций и соответствуют требованиям времени.

Модели гибридного обучения

Как отмечалось выше, пандемия COVID-19 стала поворотным моментом для системы образования во всем мире. В условиях необходимости соблюдения санитарных требований большинство учебных заведений были вынуждены перейти на удаленные формы взаимодействия. Периодически учебный процесс полностью переходил в онлайн-пространство: лекции проводились через видеоконференции, студенты выполняли задания на специальных платформах, а коммуникация с преподавателями осуществлялась удаленно. Этот опыт выявил как преимущества (гибкость графика, возможность учиться из любой точки мира и пр.), так и недостатки (снижение мо-

¹ В рамках данной статьи под гибридным обучением понимается образовательная модель, сочетающая очные (офлайн) занятия с дистанционными (онлайн) технологиями – видеоконференциями, онлайн-лекциями, интерактивными платформами и другими средствами электронного взаимодействия.

тивации, сложности в организации самостоятельной работы, недостаток личного контакта и пр.) дистанционных форматов.

В послековидный период многие образовательные учреждения начали переосмысливать свои подходы к организации учебного процесса. Возникла необходимость поиска оптимальных моделей сочетания офлайн- и онлайн-элементов для повышения качества образования и удовлетворения потребностей современного студенчества. В этом контексте гибридные формы обучения приобрели особую актуальность: они позволяют сохранить социальное взаимодействие и практическую составляющую очных занятий при использовании преимуществ дистанционных технологий для расширения возможностей получения знаний. В связи с этим их внедрение позволяет не только адаптироваться к новым реалиям, но и создавать более эффективные модели образовательного процесса, отвечающие вызовам цифровой эпохи.

Иными словами, для стабилизации гибридного образовательного процесса важно сочетать традиционные и современные методы. Традиционное обучение хорошо адаптируется к потребностям студентов благодаря использованию реальных ресурсов (таких как лаборатории и пр.); его результативность прошла проверку временем. В то же время «цифровое» обучение предлагает множество информационно-коммуникационных ресурсов, которые способствуют лучшему взаимодействию между преподавателями и студентами [Волков С.В., Волков А.С., 2020, с. 6].

В число ключевых элементов моделей гибридного обучения входят аудио- и видеолекции, анимации, симуляции, лекционные онлайн-курсы, презентации и пр. Эти инструменты позволяют не только передавать знания в удобной для студента форме, но и создавать интерактивную образовательную среду. Их важной составляющей являются объединение семинарских и лекционных занятий, а также использование мультимедийных приложений наряду с учебными пособиями (как в печатном, так и в электронном виде). Разумеется, такой формат требует развитой технологической базы в учебном заведении – помимо современной техники, обладающей достаточной мощностью, необходимы соответствующие порталы¹ [Beaver, Hallar, Westmaas, 2014, p. 16].

Современные модели гибридного обучения предполагают активное онлайн- и офлайн-взаимодействие со всеми участниками образовательного процесса – преподавателями, студентами и экспертами. В рамках таких моделей реализуются индивидуальные и групповые проекты, что способствует развитию самостоятельности и командной работы у студентов. Виртуальная классная комната (virtual classroom) становится ключевым пространством для проведения обсуждений, практических занятий и консультаций в режиме реального времени.

¹ Так, в Московском Авиационном Институте и его филиалах, в том числе в Ступинском, работает LMS (Learning Management System) – система управления обучением, предоставляющая место для хранения электронных курсов, общения студентов с преподавателем, контроля и статистики по выполнению студенческих работ и пр.

Некоторые исследователи даже предполагают дальнейшее развитие образования уже в глобальном («безграничном») формате с использованием наиболее конкурентоспособных и инновационных платформ [Байер, 2021, с. 69]. В таких условиях постоянная работа над системой электронного обучения, ее обновление с учетом мнений пользователей (как преподавателей, так и студентов) являются необходимым условием для успешной реализации проектов гибридного образования.

Несмотря на широкое распространение концепции гибридного/смешанного обучения¹, до сих пор не сложился общепринятый (единый) подход к его определению. Однако «сконструированы» модели, которые позволяют адаптировать образовательный процесс под конкретные цели и условия, в т. ч. [Staker, 2011, p. 7–8]:

- «Rotation» – модель, в которой студенты по заранее установленному расписанию чередуют очные занятия с преподавателем и самостоятельное обучение в онлайн-формате; преподаватель обычно контролирует выполнение заданий в онлайн-пространстве, а обучение происходит как в обычной аудитории, так и дистанционно, что обеспечивает гибридный характер образовательного процесса;

- «Face-to-Face Driver» – модель, в рамках которой преподаватели осуществляют основное проведение занятий очно, а онлайн-обучение используется для дополнения или коррекции знаний студентов, например, в лабораторных работах или на практических занятиях; эта модель предполагает преобладание очных форм взаимодействия при использовании онлайн-инструментов в качестве вспомогательных;

- «Flex» – модель, основанная на использовании онлайн-платформы для предоставления большинства учебных материалов и заданий; преподаватели оказывают поддержку студентам офлайн по мере необходимости, проводя групповые занятия; эта модель особенно актуальна для программ восстановления академической успеваемости и повышения мотивации;

- «Online Lab» – модель, при которой весь курс реализуется через онлайн-платформу в специально оборудованных учебных лабораториях или центрах; студенты совмещают такие курсы с традиционными занятиями по расписанию, а преподаватели обеспечивают дистанционное ведение учебного процесса;

- «Self-Blend» – модель, характеризующаяся самостоятельным выбором студентами онлайн-курсов в дополнение к традиционной учебной программе; онлайн-занятия осуществляются параллельно с очной формой обучения;

- «Online Driver» – модель, при которой вся учебная деятельность реализуется через специализированную онлайн-платформу под руководством

¹ Хотя при детальном изучении можно обнаружить некоторые отличия терминов «смешанное обучение» (blended learning) и «гибридное обучение (hybrid education), однако в свете того, что их объединяет идея о синтезе традиционных и современных методов преподавания, в рамках данного исследования они применяются в качестве синонимов.

преподавателя; студенты преимущественно работают дистанционно; наличие очных встреч может быть как обязательным, так и по желанию.

Важно подчеркнуть, что эти модели не являются взаимоисключающими: часто применяются комбинации нескольких моделей или их компонентов для достижения оптимальных результатов.

В Ступинском филиале МАИ были последовательно реализованы модели «Online Driver» и «Face-to-Face Driver» – в период полного локдауна и по мере ослабления карантинных мер, соответственно. Публикация заданий и методических пособий, видеолекции и переписка студентов с преподавателями были реализованы на платформе Moodle¹ через электронную систему обучения Learning Management System (LMS) (более подробно см.: [Старчикова, 2021]).

По мере снятия карантина практические занятия и групповые семинары были переведены в традиционный формат, и в последнюю очередь были возобновлены потоковые офлайн-лекции. Впрочем, отдельные элементы, ранее составлявшие немалую часть аудиторных занятий, остались на платформе: сдача заданий (презентации, рефераты, задания к семинарам и практикумам), тесты на контроль знаний по теме, дополнительные материалы и пр. Это позволило больше времени посвящать углубленному изучению дисциплин, практике и активному взаимодействию между преподавателем и студентами.

Постановка задачи, материалы и методы

В русле вышеизложенного представляется интересным проиллюстрировать возможности офлайн-, онлайн-обучения, а также их синтеза в гибридном формате на конкретном примере Ступинского филиала МАИ. Для этого авторами была разработана анкета, которая позволила оценить мнения обучающихся о достоинствах и недостатках всех вариантов. Новизна и значимость полученных результатов определяются также тем, что при разработке и обновлении гибридных образовательных платформ студенческому опыту до сих пор уделялось недостаточное внимание [Маслаков, Тутаева, Колесникова, 2022, с. 29].

Цель проведенного авторами анкетирования заключалась в определении уровня удовлетворенности студентов-пользователей, а также их пред-

¹ Moodle – это система дистанционного обучения с открытым исходным кодом, которая переведена на десятки языков, включая русский, и используется почти в 50 тыс. организаций в более чем в 200 странах; электронный формат Moodle поддерживает использование учебных материалов в различных форматах – от текстов до интерактивных лабораторных работ, реализованных на Java или с использованием технологий Flash; все материалы курса хранятся в LMS и могут быть организованы с помощью ярлыков, тегов и гипертекстовых ссылок; для технических дисциплин особенно удобно то, что Moodle включает модуль поддержки языка TeX, который является общепринятой системой для набора научных текстов (более подробно см.: [Муханов, Муханова, 2014, с. 29]).

почтений и ожиданий относительно функционирования системы электронного обучения LMS MAI.

Выборка составила 124 участника, были опрошены студенты различных факультетов и курсов Ступинского филиала МАИ (СФ МАИ). Для обеспечения большей репрезентативности выборки использовались критерии случайного отбора внутри каждого факультета, что позволило получить достаточно разнообразные мнения по различным аспектам использования системы. Анкета создана при помощи Google Forms и распространялась в период с 7 по 17 мая 2025 г. посредством общей рассылки в системе LMS MAI. Анкетирование проводилось анонимно. Вопросы охватывали такие темы, как удобство интерфейса, функциональные возможности и удовлетворенность текущими условиями обучения. Анализ полученных данных проводился методами описательной статистики. В анкете использовались закрытые вопросы с множественным выбором, шкала Ликерта и открытый вопрос.

Результаты анкетирования

Первые два вопроса были призваны охарактеризовать выборку. Ответы на первый вопрос «Какой у вас курс?» показали, что большинство респондентов являются студентами третьего курса (36,3%), за ними следуют студенты второго (26,8%); первого и четвертого (по 13,7%) курсов; замыкает выборку группа студентов пятого курса очно-заочного отделения (6,5%) (рис.1).

Второй вопрос «Ваша форма обучения?» показал, что подавляющее большинство участников — около 93,5% — обучаются в рамках очного отделения (рис. 2).

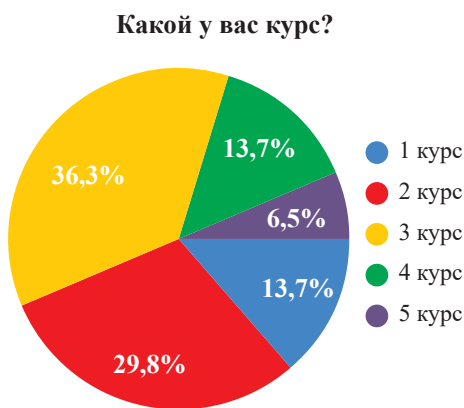

Рис. 1. Распределение респондентов по курсам

Источник: данные авторов.

Рис. 2. Распределение респондентов по форме обучения

Источник: данные авторов.

Как часто вы используете систему
электронного обучения?

Рис. 3. Частота использования системы электронного обучения студентами

Источник: данные авторов.

Какой формат занятий вы
предпочитаете?

Рис. 4. Предпочтительный формат занятий

Источник: данные авторов.

На очередной вопрос «Как часто вы используете систему электронного обучения?» ответы распределились следующим образом:

- каждый день используют систему всего 11,3% респондентов;
- несколько раз в неделю обращаются к электронным ресурсам уже 44,4% опрошенных;
- используют электронную систему один раз в неделю (17,7%) и реже (26,6%).

Полученные данные могут свидетельствовать о небольшом энтузиазме и/или о предпочтении студентами традиционных методов обучения (рис. 3).

Однако в целом видно, что более половины участников анкетирования используют систему электронного обучения несколько раз в неделю или ежедневно. Это говорит об относительно высокой степени интеграции электронных ресурсов в учебную деятельность студентов и о возможности их дальнейшего развития и поддержки.

Статистика по ответам на вопрос «Какой формат занятий вы предпочитаете?» выглядит следующим образом: 41,1% студентов отдают предпочтение очным (офлайн) занятиям и только 10,5% выбирают онлайн-занятия; 48,4% предпочитают гибридный формат (рис. 4). Это подтверждает высокую ценность личного взаимодействия, характерного для традиционной

Как вы оцениваете удобство системы электронного обучения для выполнения заданий и тестов?

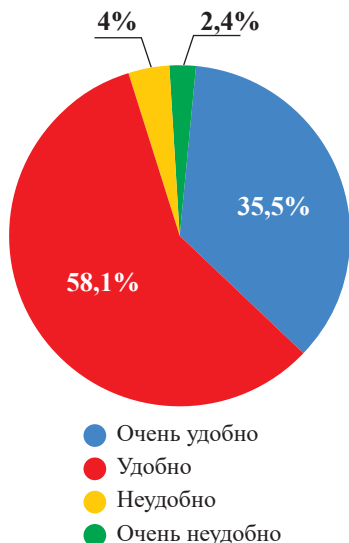

Рис. 5. Удобство существующей LMS

Источник: данные авторов.

Что для вас является главным преимуществом дистанционного обучения?

Рис. 6. Преимущества дистанционного обучения

Источник: данные авторов.

формы обучения, а также указывает на меньшую популярность полностью дистанционных форм среди опрошенных. В целом большинство студентов склоняется к гибридной форме, что подчеркивает преимущество соединения традиционного и дистанционного форматов.

При ответе на вопрос «Как вы оцениваете удобство системы электронного обучения для выполнения заданий и тестов?» распределение ответов сложилось таким образом: 35,5% студентов сочли систему «очень удобной»; 58,1% отмечают, что система «удобна»; 4% респондентов считают систему «неудобной» и 2,4% учеников отметили, что использование системы «очень неудобно». Общий вывод: на момент анкетирования большинство студентов оценивало систему как удобную или очень удобную для выполнения заданий и тестов (рис. 5).

Ответы на вопрос «Что для вас является главным преимуществом дистанционного обучения?» распределились следующим образом: 60% респондентов отметили «возможность учиться из любого места»; 32% считают главным преимуществом «гибкость в расписании»; 5% выделяют «доступ к дополнительным материалам» (рис. 6). Полученные данные

демонстрируют привлекательность мобильности дистанционного формата¹ в связи с открывающимися благодаря ему возможностями самостоятельно планировать учебный процесс, получать и углублять знания. В этом и последующих вопросах был также предложен вариант открытого ответа. В его рамках было высказано мнение о собственном комфорте и большей осведомленности при дистанционном обучении.

При ответе на вопрос «Каковы основные недостатки дистанционного обучения?» 35% респондентов отметили «технические проблемы»; также 35% указали на «ограниченное общение с преподавателями», что может затруднять получение своевременной поддержки; 25% назвали «низкую мотивацию». Отсутствие недостатков отметили 2% респондентов (рис. 7). В открытом ответе участников опроса отмечалась нехватка атмосферы академической среды, возможные ошибки в тестах и сложности с прямым взаимодействием с преподавателями из-за их занятости, что снижает мотивацию и уровень контроля.

Мнения по поводу преимуществ офлайн-обучения распределились следующим образом: 52% респондентов подчеркнули важность «непосредственного общения с преподавателями»; 33% отметили «личное взаимодействие с однокурсниками»; 11% считают главным преимуществом более высокую мотивацию, возникающую благодаря присутствию в учебной ау-

Рис. 7. Недостатки дистанционного обучения

Источник: данные авторов.

¹ Следует отметить, что проблема транспортной доступности стоит достаточно остро для многих студентов региональных вузов, оказывая влияние на их мотивацию и успеваемость.

**Каковы основные преимущества
офлайн-обучения?**

Рис. 8. Преимущества
офлайн-обучения

Источник: данные авторов.

**Каковы основные недостатки
офлайн-обучения?**

Рис. 9. Недостатки
офлайн-обучения

Источник: данные авторов.

дитории (рис. 8). В открытом ответе 2% участников указали на важность всех перечисленных аспектов, 1% – на академическую атмосферу и 1% на отсутствие преимуществ (рис. 8). Полученные данные свидетельствуют о ценности личных контактов в образовательной среде (как по линии студенты-преподаватели, так и между самими студентами), которые способствуют обмену знаниями, формированию корпоративных традиций и этики.

Ответы на вопрос «Каковы недостатки офлайн-обучения?» продемонстрировали следующую картину: 60% участников отметили необходимость присутствия в определенное время; 34% указали на ограниченные возможности по гибкому планированию расписания; 3% респондентов сообщили о трудностях с доступом к учебным материалам. В открытых ответах одни студенты указали, что не видят недостатков вообще, а другие – что при офлайн-обучении растет уровень дискомфорта¹ (рис. 9). Таким

¹ Действительно, такой формат может стать испытанием для студентов, имеющих проблемы с социально-психологическим и/или физическим состоянием, что заслуживает более пристального внимания в рамках специальных исследований.

Как вы оцениваете качество общения
с преподавателями?

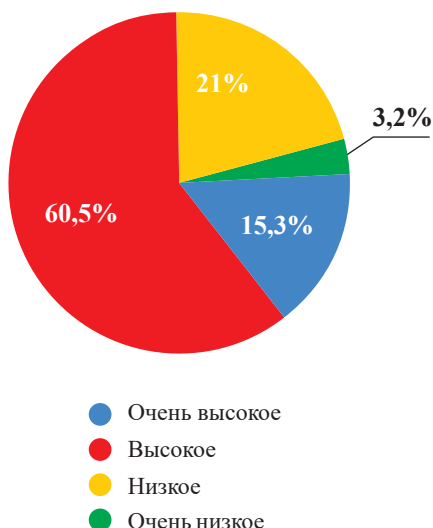

Рис. 10. Мнение респондентов
о качестве взаимодействия
с преподавателями

Источник: данные авторов.

Как вы предпочли бы общаться
с однокурсниками?

Рис. 11. Форма общения
с однокурсниками

Источник: данные авторов.

образом, еще раз подтвердилась значимость для современных студентов гибкости системы образования и возможности самостоятельных действий.

Мнения по вопросу «Как вы оцениваете качество общения с преподавателями?» распределились следующим образом: 60,5% участников оценили его как «высокое»; 15,3% – как «очень высокое»; 21% считают его «низким»; 3,2% респондентов указали на «очень низкое» качество коммуникации (рис. 10). При интерпретации таких результатов нельзя исключать, помимо причин социального или технического характера, влияния личного опыта (положительного/негативного) респондентов.

Ответы на вопрос «Как вы предпочли бы общаться с однокурсниками?» показали разнообразие предпочтений студентов в контексте современного развития информационно-коммуникационных технологий и изменений в общественной жизни (рис. 11). Более половины респондентов (51,6%) отдают предпочтение общению офлайн, что подчеркивает важность непосредственного взаимодействия для формирования доверия, укрепления межличностных связей и создания атмосферы студенческого

сообщества. Значительная часть (35,5%) считает этот вопрос неважным или нейтральным, что может свидетельствовать о равномерном распределении интересов или о возможности выбора в зависимости от ситуации. Небольшая доля (12,9%) предпочитает общение через онлайн-платформы, что отражает некоторую тенденцию к цифровизации коммуникаций и удобство для тех, кто ценит гибкость и мобильность.

Полученное распределение ответов вновь подтверждает вывод о том, что для респондентов общение офлайн остается немаловажным аспектом студенческой жизни. Поэтому, предлагая оптимизацию модели гибридного образования, важно уделить внимание организации очных мероприятий, которые будут способствовать активному сотрудничеству студентов – таких, как семинары, проектная деятельность в группах и пр.

Анализ ответов участников на последний, открытый вопрос «Что бы вы улучшили в системе электронного обучения?» свидетельствует о достаточно высокой степени удовлетворенности ее текущим состоянием. Значительная часть респондентов отметила, что система в целом функционирует на должном уровне и выразила мнение, что в ней не требуется кардинальных изменений. Такие ответы, как «все устраивает», «ничего не нужно менять» или «все хорошо», продемонстрировали наличие базового доверия к существующим инструментам и методикам дистанционного обучения. Тем не менее участники анкетирования выявили и определенные области для возможных улучшений. Наиболее часто упоминаемой проблемой стала техническая нестабильность платформы: лаги, сбои в работе сайтов, медленная загрузка материалов и необходимость повышения надежности серверной инфраструктуры. Эти аспекты требуют системного подхода к модернизации технической базы вуза, поскольку стабильность работы оборудования напрямую влияет на качество образовательного процесса и уровень вовлеченности студентов.

В качестве важного аспекта развития платформы неоднократно подчеркивалось совершенствование пользовательского интерфейса. Многие респонденты отмечали необходимость сделать дизайн более современным и «дружелюбным», а навигацию – «интуитивно понятной». Помимо этого, отмечались проблемы, связанные с поиском нужных материалов и необходимостью повторной авторизации при входе на платформу.

Расширение информационной базы также заняло важное место в перечне пожеланий респондентов. Студенты выразили желание иметь доступ к более широкому спектру ресурсов – электронным книгам, актуальным материалам и дополнительным источникам информации. Обновление контента и его регулярное пополнение позволят системе оставаться актуальной и соответствовать современным требованиям образовательного процесса.

Особое внимание было уделено вопросам взаимодействия с преподавателями. Многие участники отметили необходимость внедрения дополнительных каналов коммуникации (чатов, комментариев к заданиям,

обратной связи и пр.), способствующих более оперативному решению возникающих вопросов и повышающих уровень вовлеченности студентов. Внедрение интерактивных элементов, таких как онлайн-семинары, кружки или турниры по интересам, воспринимались студентами как перспективное направление для личностной мотивации и развития активных форм обучения.

Также респонденты указывали на важность адаптации системы под различные устройства: мобильные телефоны, планшеты и ноутбуки. Адаптивность платформы позволит обеспечить равный доступ к образовательным материалам вне зависимости от используемого гаджета, что особенно актуально в условиях современного динамичного ритма жизни.

В целом можно говорить о том, что большинство участников признают эффективность существующей платформы LMS MAI и ценят ее функциональные возможности. Однако необходимо учитывать выявленные пожелания по повышению надежности работы платформы, улучшению интерфейса и расширению возможностей взаимодействия. Внедрение современных технологий безопасности также представляется важным аспектом для защиты данных пользователей и предотвращения несанкционированного доступа к занятиям и оптимизации учебного процесса.

Предложения по оптимизации гибридной модели обучения

В ходе разработки эффективной модели образования в региональном техническом институте должны быть учтены (помимо предпочтений и потребностей студентов) современные тенденции в сфере образования. Согласно исследованиям в области педагогики, важным является соблюдение баланса между личным и дистанционным форматами взаимоотношений. Как уже неоднократно отмечалось выше, непосредственное прямое взаимодействие способствует возникновению доверия, развитию коммуникативных навыков и укреплению межличностных связей. Это особенно актуально для формирования академической среды в контексте технического образования [Blended (online and in-person) ... , 2022, с. 603]. Поэтому в рамках гибридной модели необходимо предусмотреть регулярные очные встречи (практические занятия, лабораторные работы, групповые проекты и пр.), которые способствуют развитию командного духа и профессиональных компетенций.

Одновременно исследования в области цифровых технологий в образовании подчеркивают значимость обеспечения гибкости и доступности учебного процесса. Использование онлайн-платформ в рамках концепции гибридного обучения позволяет расширить возможности для самообразования, особенно для студентов из отдаленных районов или с ограниченными возможностями. Такой подход способствует повышению мотивации за счет предоставления студентам свободы выбора формата взаимодейст-

вия и времени обучения. В этом контексте важно обеспечить высокое качество коммуникации между студентами и преподавателями (видеоконференции, чаты, форумы и пр.) для поддержки оперативной обратной связи и высокого уровня мотивации.

Кроме того, развитие коммуникативных навыков и социальной активности также является необходимым аспектом современного образования. Создание условий для совместных проектов, студенческих клубов и мероприятий как в онлайн-, так и в офлайн-формате способствует формированию чувства принадлежности к профессиональному сообществу и развитию социальных компетенций.

Таким образом, функциональная гибридная модель обучения должна учитывать все вышеприведенные аспекты и элементы (табл. 1), быть динамичной и сочетать в себе преимущества личного взаимодействия с возможностями цифровых технологий.

Таблица 1

**Структурные элементы
гибридной образовательной программы***

Элемент	Описание
Офлайн-занятия	Лекции, практические/лабораторные работы – проводятся в учебном корпусе с соблюдением санитарных требований
Онлайн-занятия	Вебинары, лекции в виде видеоуроков, интерактивные тесты и задания – доступны через платформу
Самостоятельная работа	Проекты, подготовка эссе, исследовательские работы – выполняются студентами в удобное время
Виртуальные консультации	Регулярные онлайн-встречи с преподавателями для обсуждения вопросов и получения обратной связи
Форумы и чаты	Для обсуждения учебных вопросов, обмена опытом и поддержки студенческого сообщества

**Составлено авторами.*

В данном контексте авторами разработан примерный план занятий, который учитывает различные форматы гибридного обучения и может быть применен для формирования учебных курсов профильных дисциплин:

- понедельник: традиционные лекции в аудитории с использованием презентаций и раздаточных материалов;
- вторник: студенты участвуют в вебинаре – онлайн-встрече для обсуждения кейсов и вопросов по теме курса;
- среда: отводится под самостоятельную работу – выполнение тестов, подготовку проектов или исследовательских заданий через платформу LMS;

- четверг: проводятся семинары в аудитории с групповой работой и обсуждением практических задач;
- пятница предназначена для онлайн-консультаций или форумных дискуссий по итогам недели.

Пример такого расписания приведен в таблице 2.

Таблица 2

Примерный план занятий на неделю *
(для одной дисциплины)

День недели	Формат занятия	Описание	Используемые ресурсы
Понедельник	Очное занятие	Лекция по теории + практическая часть	Аудитория + презентации + раздаточные материалы
Вторник	Онлайн-вебинар	Обсуждение задач + ответы на вопросы	Платформа LMS + видеоконференция
Среда	Самостоятельная работа	Выполнение тестов + подготовка проекта	Платформа LMS + дополнительные материалы
Четверг	Очное занятие	Семинар + групповые проекты	Аудитория + рабочие группы
Пятница	Онлайн-консультация / Форум	Обсуждение прогресса + ответы на вопросы студентов	LMS + чат/форум

**Составлено авторами.*

Заключение

В результате проведенного исследования авторам удалось подтвердить преимущества модели гибридного образования, которое представляет собой сочетание очных занятий с дистанционными ресурсами и интерактивными технологиями. Такая модель позволяет максимально использовать достоинства традиционной и новых форм обучения. Личное взаимодействие способствует развитию коммуникативных навыков и мотивации к учебе, тогда как электронные платформы обеспечивают доступность знаний в любое время и из любого места, а гибкое расписание повышает уровень самостоятельности студентов.

Как следует из приведенных выше рассуждений и результатов анкетирования студентов СФ МАИ, в реализации гибридных форм обучения немаловажную роль играет отлаженная техническая инфраструктура. Платформа LMS MAI (при условии ее совершенствования с учетом выявленных пожеланий) сможет стать функциональным дополнением традиционных образовательных офлайн-форматов и послужить основой для формирования эффективной гибридной образовательной системы в других региональных вузах (с учетом их специфики).

Выдвинутые авторами предложения не только учитывают современные тенденции цифровизации образования, но и опираются на реальные мнения студентов о преимуществах и недостатках существующих методов. Их внедрение позволит повысить качество образовательного процесса, сделать его более доступным и адаптивным к индивидуальным потребностям обучающихся, а также создать условия для формирования активного студенческого сообщества.

Список литературы

1. Байер Ю.П., Чураев Н.А. Глобальные изменения в высшем образовании: постковидное время // Управленческое консультирование. – 2021. – № 8(152). – С. 65–70.
2. Волков С.В., Волков А.С. Проектирование характеристик образовательной среды в условиях очного и дистанционного обучения: сравнительный анализ / Образование в условиях пандемии: тенденции и ориентиры развития : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (г. Уфа, 28 октября 2020 г.) ; отв. ред. А.В. Янгиров. – Уфа : Аэтерна, 2020. – С. 3–7.
3. Грунт Е.В., Беляева Е.А., Лисситса С. Дистанционное образование в условиях пандемии: новые вызовы российскому высшему образованию // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 5(47). – С. 45–58.
4. Коровникова Н.А. Образовательное пространство в условиях пандемии COVID-19 // Экономические и социальные проблемы России. – 2021. – № 2. – С. 116–131.
5. Маслаков С.И., Тутаева В.И., Колесникова А.В. Исследование эффективности дистанционного обучения на основе анкетирования студентов // Сборник трудов II Международной научно-практической конференции «Инновации и дизайн». – Владивосток : ДВФУ, 2022. – С. 27–37.
6. Муханов С.А., Муханова А.А. Технология проектирования дистанционного курса «Дифференциальные уравнения» с использованием LMS Moodle // Наука и школа. – 2014. – № 2. – С. 28–32.
7. Старчикова И.Ю. Особенности дистанционного обучения в современных условиях российского вуза : по материалам опроса студентов // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 2(50). – С. 103–117.
8. Beaver J.K., Hallar B., Westmaas L. Blended Learning: Defining Models and Examining Conditions to Support Implementation / Philadelphia Education Research Consortium (PERC). – 2014. – September. – 24 p. – URL: <https://www.researchforaction.org/wp-content/uploads/2015/11/Blended-Learning-PERC-Research-Brief-September-2014.pdf> (дата обращения 19.05.2025).

9. Blended (online and in-person) Women's Health Interprofessional Learning by Simulation (WHIPLS) for medical and midwifery students / Lee [et al.] // Australian & New Zealand Journal of Obstetrics & Gynaecology. – 2022. – Vol. 62, № 4. – P. 596–604.
10. Larson L., Miller T. 21st Century Skills: Prepare Students for the Future // Kappa Delta Pi Record. – 2011. – Vol. 47, № 3. – P. 121–123.
11. Staker H.C. The rise of K-12 blended learning. Profiles of emerging models. – San Mateo : Innosight Institute, 2011. – 177 p. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED535181.pdf> (дата обращения 19.05.2025).

Статья получена: 20.05.2025

Одобрена к публикации: 23.07.2025.

Экономические и социальные проблемы России

Научный журнал

№ 3 (63) – 2025

**ЭКОНОМИКА ОБРАЗОВАНИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Составитель выпуска –
Коровникова Н.А., канд. полит. наук

Техническое редактирование
и компьютерная верстка И.С. Николаева
Корректор Л.Н. Казимирова

Подписано к печати 09/X – 2025 г. Формат 70×100/16

Усл. печ. л. 14,45 Уч.-изд. л. 12,21

Тираж 800 экз.

Заказ № ____

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: 8 (499) 124-32-15

e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6